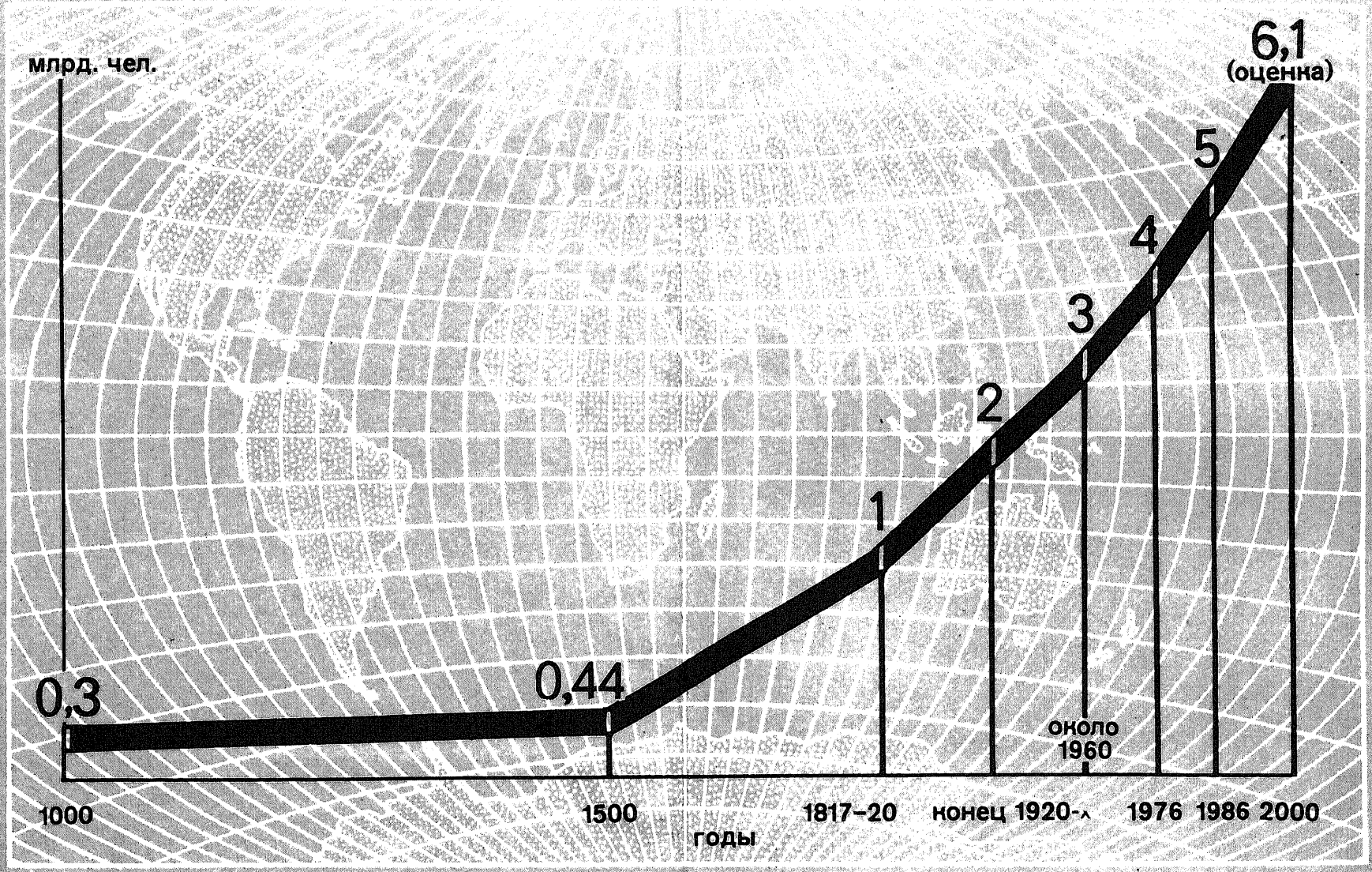
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МИРА



Д. К. Шелестов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Москва
«Высшая школа» 1987

ББК 63.2
Ш 42

№ 62

Рецензенты:

кафедра истории СССР советского периода
Московского историко-архивного института
(зав. кафедрой проф. *В. З. Дробижев*);
проф. *Э. А. Араб-Оглы*
(Академия общественных наук при ЦК КПСС)

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «История»

С 9791
379
84
87
11

Шелестов Д. К.
Ш 42 Историческая демография: Учеб. пособ. для вузов по спец. «История».— М.: Высш. шк., 1987.— 288 с.

В учебном пособии раскрываются основные вопросы исторической демографии, ее объект, содержание историко-демографических исследований. Особое внимание уделяется изучению демографии СССР, источникам и исследованиям народонаселения советского общества. С диалектико-материалистических позиций раскрывается сущность социально-экономического содержания категории народонаселения.

Ш $\frac{0503000000(4309000000)-351}{001(01)-87}$ 80—87

ББК 63.2
902.9

© Издательство «Высшая школа», 1987

Предисловие

НА СТЫКЕ НАУК

В этой книге, как можно заключить уже из ее названия, рассматривается пограничная область двух наук: истории и демографии. Точнее — основные вопросы взаимодействия одной из древнейших отраслей человеческого знания — истории — с другими науками, изучающими народонаселение, прежде всего с демографией, которая в последние десятилетия привлекла внимание широкой общественности.

Термин «демография» употребляется в двух смыслах. В первом из них им обозначается объективное течение и состояние воспроизводства населения, взаимосвязанных с ним характеристик (численность и размещение населения, его структура, миграции и др.), свойственных для той или иной территории в определенный отрезок времени. Например, демография раннесредневековой Европы, демография России начала XX века, современная демография США и т. д.

В другом своем значении термин «демография» широко применяется как наименование науки, изучающей закономерности объективного демографического развития.

Современный бурный рост этой науки вызван потребностью дать анализ «демографического взрыва» в развивающихся регионах мира и процессов снижения показателей воспроизводства населения в экономически развитых странах, осмыслить ряд других коренных социально-демографических проблем (например, связанных с урбанизацией, миграционными процессами и т. д.). Все эти проблемы выдвинулись во второй половине нашего

столетия в число глобальных, стоящих перед человечеством в целом и имеющих для него жизненно важное значение[1].

Разработка проблем народонаселения в советской науке выражает реальные запросы и практические потребности социалистического общества. На всех этапах его становления и утверждения партия придавала большое значение развитию народонаселения СССР и его изучению. Еще на заре советской эпохи В. И. Ленин, заложивший основы политики народонаселения Советского государства, четко определил значение для социалистического строительства изучения народонаселения. В специальной телеграмме (1920) он предлагал партийным и советским органам всемерно содействовать «демографической переписи», подчеркнув, что ее данные «...будут иметь первостепенное и руководящее значение»[2]. Следуя заветам В. И. Ленина, советские ученые, занимающиеся проблематикой народонаселения, связывали и связывают свои исследования с практикой становления и развития социалистического общества. Они творчески используют марксистско-ленинское теоретическое наследие, исходят из документов КПСС, которые развивают это наследие на основе обобщения опыта и определения задач социалистического строительства. Именно необходимость решения таких задач определила направление изучения народонаселения на современном этапе.

Советская демография все более утверждается в качестве самостоятельной общественной науки, которая изучает закономерности воспроизводства населения в общественно-исторической обусловленности этого процесса. Данное ее определение взято из Демографического энциклопедического словаря[3]. Его создание также является выражением современного развития указанной отрасли научного знания, впервые обобщенного в этом фундаментальном труде.

---

[1] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 178.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 339.

[3] См.: Демографический энциклопедический словарь/Гл. ред. Д. И. Валентей. М., 1985. В этом труде, подготовленном совместно издательством «Советская энциклопедия» и МГУ имени М. В. Ломоносова с привлечением широкого круга ученых, опубликовано свыше 1,6 тыс. статей и материалов, раскрывающих не только современное развитие советской демографии, но и все марксистско-ленинское изучение проблем народонаселения.

Еще в 70-е годы было четко указано, что из поля зрения советских ученых не должны выпадать обострившиеся проблемы народонаселения, развернулась разработка и реализация научно обоснованной демографической политики.

Особенно важное значение имеют современные установки партии, связанные с усилением воздействия социальных аспектов на экономическое развитие, повышением роли человеческого фактора в ускоренном социально-экономическом развитии. Эти проблемы нашли отражение в Политическом докладе XXVII съезду КПСС, в новой редакции Программы партии, в стратегических решениях съезда, определившего содержание и задачи современной демографической политики социалистического общества [4]. Ее успешное выполнение требует дальнейшего усиления научных исследований демографических процессов, всего круга проблем народонаселения.

Осуществление таких исследований невозможно без постоянного научного анализа *исторического опыта* развития народонаселения. Для того чтобы понять, как развиваются современные демографические процессы и как они будут изменяться, необходимо «знать, что с ними происходило вчера и даже позавчера. Особенность демографии — в обязательном учете истории, в изучении закономерностей движения населения в широкой исторической ретроспективе, в анализе демографических закономерностей как исторического процесса, обусловленного всем ходом общественного развития на протяжении длительного времени» [5].

Необходимость всестороннего исследования этой связи демографии с исторической наукой определяет актуальность разработки целого ряда теоретических и историографических вопросов, раскрывающих роль и место исторической науки в изучении народонаселения.

Еще в конце прошлого столетия в научной литературе, посвященной изучению народонаселения, появились три новых понятия: первое из них — «история народонаселения» — вошло в научный оборот, очевидно, к 80-м годам, два других — «историческая статистика населения» и «историческая демография» — впервые встречаются в работах 90-х годов XIX в. Их возникновение не было слу-

---

[4] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 49, 51—52, 151, 153—154, 178, 260, 273.

[5] *Волков А. Г.* Что такое демография//Поиск ведут демографы. М., 1985. С. 6.

чайностью, оно отразило постепенное формирование новой области исторических знаний.

По мере утверждения демографии как науки термин «историческая статистика населения» вышел из употребления. Вернее, он был «поглощен» понятием «историческая демография», которое вначале применялось очень редко, спорадически, но зато примерно с 50-х годов нашего столетия замелькало на страницах многих изданий. Его распространение, как бы оттеснив употребление понятия «история народонаселения», тем не менее не привело к исчезновению последнего, сохранившегося и в современной литературе, но не получившего, однако, за свое более чем столетнее существование содержательной характеристики. Данное обстоятельство уже само по себе является одним из свидетельств неразработанности теоретико-методологических проблем целой области исторических знаний, включающей и историческую демографию.

Было бы неправильно полагать, что эти проблемы не привлекали внимания ученых. В зарубежной литературе отдельные работы, так или иначе затрагивающие теоретические аспекты изучения истории народонаселения, были опубликованы на исходе прошлого столетия и в первые десятилетия нынешнего. Однако более систематическая разработка началась позже, в 40—50-е и особенно в 70-е годы. Ее взяли на себя в основном демографы, точнее, демографы-историки.

Начало изучению взаимосвязи истории и демографии положили работы французских ученых Л. Шевалье и М. Рейнара. Первый из них опубликовал в 1946 г. в журнале тогда только что созданного в Париже Института демографических исследований «Population» статью «К истории народонаселения». Если статья Шевалье отразила постепенно усиливавшийся интерес к исторической проблематике народонаселения, то появившаяся четыре года спустя статья М. Рейнара «История и демография» свидетельствовала, что в исследовании этой проблематики начинает превалировать историческая демография; значение ее М. Рейнар заметно преувеличивал в ущерб истории, которую призвал «омолодить с помощью демографии» [6].

---

[6] Reinhard M. Histoire et démographie//Revue historique, 203. 1950. P. 194.

Позже вышел ряд книг, посвященных характеристике исторической демографии как научной дисциплины и даже, по мнению некоторых авторов, как самостоятельной области знаний. Первым среди таких книг стал фундаментальный коллективный труд «Народонаселение в истории» (Лондон, 1965), вводные разделы к которому, написанные английскими учеными Д. Глассом и Д. Эверсли, сделали заявку на изучение роли и значения истории народонаселения в развитии общества и его экономики. Однако она не была реализована как в данном, так и в последующих изданиях, в числе которых наиболее крупной является подготовленная в Корнельском университете (США) книга английского демографа Т. Холлингсворта «Историческая демография» (Нью-Йорк, 1969). Вслед за Т. Холлингсвортом руководства типа введения в историческую демографию выпустили П. Гийом и Ж. Пуассу (1970), П. Губер (1973), Ж. Дюпакье (1974 и 1984) во Франции; Л. Гранелли Беннини (1974) в Италии; А. Имхоф (1977) в ФРГ; кроме того, в 70—80-е годы появился ряд статей.

Заметим, что все перечисленные работы ограничены рассмотрением состояния историко-демографических исследований, осуществленных в рамках только последних десятилетий. Предшествующие периоды (до второй половины XX в.) фактически полностью игнорируются, что уже само по себе не дает возможности проанализировать весь процесс формирования данной области исторических знаний, раскрыть закономерности и направления ее развития, в том числе и современного. Но в действительности этот коренной изъян объясняется не ограниченностью поля исследований, а принятой методологией.

Критический анализ этих и ряда других работ показывает несостоятельность буржуазного обществоведения в его попытках дать трактовку проблем взаимодействия наук в изучении истории народонаселения, в том числе истории и демографии. Так, Т. Холлингсворт искусственно выделяет две дисциплины: историческую демографию и демографическую историю. Первую он причисляет к исторической науке, вторую — к демографической и считает, что возможности исторической демографии (т. е. истории) очень ограничены: она всего лишь получает оценки общей численности населения, является «демографией на уровне самых приблизительных данных»[7].

---

[7] Holingsworth T. H. Historical Demography. N. Y., 1969, P. 37.

Этим, считает Т. Холлингсворт, участие исторической науки во взаимодействии с демографией исчерпывается; она дает только «первую зарисовку», а «полную картину выписывает одна демография» («демографическая история»). Т. Холлингсворт практически исключает историческую науку из сколько-нибудь глубокого изучения демографического прошлого.

Еще дальше идет его французский коллега Ж. Дюпакье. Он придерживается мнения ряда буржуазных ученых о наличии двух различных дисциплин — истории народонаселения и исторической демографии — и считает, что последняя «завоевала полное право на самостоятельное существование». По его мысли, «историческая демография освободилась от традиционного покровительства истории и современной демографии и может претендовать на ту же роль в области социальных наук, какую играет астрономия в точных науках». Ж. Дюпакье «освобождает», таким образом, историческую демографию не только от исторической науки, но и от демографической и возводит ее в ранг чуть ли ни некоей метанауки, которая, согласно его утверждению, «является прочной основой в деле обновления исторического видения» [8]. В подобном утверждении он не одинок. Его соотечественник П. Губер, так же своеобразно трактуя взаимосвязи демографических и исторических исследований, утверждает: «Демография помогла истории стать социальной наукой» [9].

Методологическая несостоятельность и субъективистско-идеалистическая основа таких подходов несомненна. При этом нельзя не учитывать, что они не являются частным проявлением, а отражают существо теоретической базы исследований демографической истории и всей истории народонаселения в буржуазной науке. Это определяет необходимость строго критического подхода к указанным исследованиям, раскрытия подлинного характера их концепций, которые отражают кризис западной историографии и вместе с тем неспособность буржуазного обществоведения выработать действительно научную теорию народонаселения.

Изучение взаимодействия наук в исследовании истории народонаселения, где своеобразно преломляется про-

---

[8] *Dupâquier J.* Introduction à la démographie historique. P. 1974.

[9] *Goubert P.* Vingt-cinq ans de démographie historique///Sur la population française au 18-e etau 19-e siécles. P. 1973. P. 316.

тивоборство материалистической и идеалистической методологий, пронизывающее современную историографию, а также изучение народонаселения имеет большое значение в идеологической борьбе.

В советской научной литературе понятие «историческая демография» появилось с конца 50-х годов [10] и получило распространение в последние полтора-два десятилетия, когда изучение истории народонаселения стало приобретать все более значительные размеры. Соответственно и историография рассматриваемой проблемы стала разрабатываться относительно недавно, хотя ее зачатки относятся еще к 40-м годам [11]. Изучение ряда теоретических проблем исторической демографии и некоторых сторон взаимодействия исторической и демографической наук началось с 60—70-х годов. Этому предшествовало выступление в конце 50-х годов в журнале «История СССР» В. К. Яцунского, В. В. Покшишевского и ряда других ученых, обосновавших необходимость развертывания исследований по истории народонаселения. Историография этих исследований была охарактеризована В. К. Яцунским в двух докладах, которые он подготовил в 1960—1963 гг. [12]

В 1966 г. В. И. Козлов впервые в нашей литературе дал общую характеристику исторической демографии как научной дисциплины, а позже высказал ряд суждений о ней в своих работах, внесших определенный вклад в изучение демографической истории [13].

Из публикаций начала 70-х годов следует назвать работу С. С. Дмитриева, поставившего вопрос о взаимосвязи развития народонаселения России и ее истории [14]. Но особенно важное и принципиальное значение имела статья В. З. Дробижева и Ю. А. Полякова, посвященная исторической демографии советского общества [15]. Авторы впервые обосновали и раскрыли ряд проблем изуче-

---

[10] Возможно, впервые его применил В. В. Покшишевский (см.: История СССР. 1959. № 3. С. 190).

[11] См.: Вопросы истории. 1946. № 8—9; 1947. № 11.

[12] См.: История географических знаний и историческая география. Этнография. М., 1967. Вып. 2; Вопросы географии. Сб. 83.

[13] См.: *Козлов В. И.* Народонаселение. СИЭ. М., 1966. Т. 9; *его же.* Динамика численности народов. М., 1969; *его же.* Демография и система исторических наук//Место демографии в системе наук. М., 1975; *его же.* Этническая демография. М., 1977; и др.

[14] См.: *Дмитриев С. С.* Население страны и ее история//*Бодарский Я. Е.* Население России за 400 лет. М., 1973.

[15] См.: Вопросы истории. 1974. № 4.

ния послеоктябрьской истории народонаселения СССР, показали, что это изучение является главной задачей исторической демографии. Позже Ю. А. Поляков провел обстоятельное рассмотрение историографии изучения народонаселения Советской России, одновременно затронув ряд методологических вопросов [16]. Появились и другие работы теоретического характера [17].

Проявлением усиливающегося внимания к историко-демографической проблематике стали всесоюзные семинары по исторической демографии, состоявшиеся в 1974—1985 гг. К сожалению, ни один из них не был специально посвящен ее теоретико-методологическим проблемам, хотя в отдельных докладах они получили определенное освещение [18].

Начало изучению теоретических вопросов исторической демографии положили историки, в последнее время внимание к этим вопросам проявляют и демографы. В 1976 г. впервые в советской демографической литературе был опубликован специальный очерк об исторической демографии, авторы которого Г. Е. Ананьева и А. П. Судоплатов дали обобщенную характеристику этой области знаний. Методология исторического изучения развития народонаселения рассматривается в книге М. Б. Татимова. С работой теоретического плана «Историческая демография и история населения» выступил А. Г. Вишневский. Теоретические проблемы демографической истории поставлены в написанной им совместно с

---

[16] См.: *Поляков Ю. А.* Население Советской России в 1917—1920 гг. (Историография и источники)//Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981; *его же.* Новое в исторической демографии//Вестник АН СССР. 1984. № 4.

[17] См.: *Шелестов Д. К.* История и демография//Вопросы истории. 1981. № 6 и др.

[18] См.: *Пуллат Р. Н.* Историческая демография в СССР//Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977; *Мересте У. И.* Предмет и структура демографической науки и место исторической демографии//Там же; *Дробижев В. З.* Некоторые вопросы источниковедения историко-демографического исследования советского общества//Там же; *Брук С. И.* «Демографические взрывы» в истории//Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин, 1979; *Козлов В. И.* К вопросу о роли демографического фактора в истории//Там же; *Пуллат Р. Н.* Тенденции развития и основные достижения исторической демографии в СССР на современном этапе//Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980; *Водарский Я. Е.* Историческая демография как научная дисциплина//Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). Кишинев, 1985; *Поляков Ю. А., Дробижев В. З., Шелестов Д. К.* Историческая демография: проблемы изучения//Там же.

А. Г. Волковым вводной главе коллективного труда, посвященного демографическому развитию СССР [19].

Приведенный краткий обзор не исчерпывает литературу по историографии и теоретическим вопросам исторической демографии, затрагиваемым также и в некоторых конкретных исследованиях. Но даже он свидетельствует, что эти вопросы не только обозначились, но и получили начальную разработку, осуществляемую историками и демографами в ходе развития марксистско-ленинского изучения народонаселения. Вместе с тем далеко не все теоретические проблемы изучения истории народонаселения в целом и исторической демографии в частности выяснены и даже поставлены. Многие из них либо еще не попали в поле зрения ученых, либо в силу их неразработанности освещаются далеко не бесспорно. Тем не менее следует подчеркнуть, что названные выше работы создали первичную основу для изучения на новом, более высоком уровне взаимодействия истории и демографии, разработки теоретических проблем истории народонаселения. Именно благодаря сделанному, опираясь на него, стали возможными осмысление этих вопросов, их современная постановка, проведение конкретных исследований по истории народонаселения, и в первую очередь историко-демографического характера.

Потребность дальнейшей разработки теоретических проблем научного изучения истории народонаселения определяется задачами дальнейшего внедрения историко-демографических знаний в преподавание общественных наук, становления исторической демографии как учебной дисциплины в системе высшего исторического образования. Быстрое развитие в последние десятилетия советской демографии в значительной мере связано с высшей школой. С 60-х годов действует секция народонаселения Научно-технического совета Минвуза СССР, которая координирует работу десятков кафедр вузов всей страны. На экономическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова уже более двух десятилетий ведет учебно-научную деятельность Центр по изучению проблем народонаселения.

---

[19] См.: *Ананьева Г. Е., Судоплатов А. П.* Историческая демография//Система знаний о народонаселении/Под ред. И. Д. Валентея. М., 1976; *Татимов М. Б.* Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата, 1978. С. 25—35; Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 43—50; *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982; Воспроизводство населения СССР. М., 1983.

Ныне демография как учебный предмет изучается в экономических вузах всех союзных республик.

Что касается одного из основных ее разделов — исторической демографии, то пока можно говорить только о первых шагах ее внедрения в учебный процесс. Она преподается (и то далеко не всегда) как элемент соответствующих общих курсов по истории, демографии и некоторым другим обществоведческим предметам. Между тем назрела необходимость выделения ее как самостоятельной учебной дисциплины, и прежде всего при изучении истории и демографии.

Реализация этого невозможна без создания соответствующих пособий. В последнее время историко-демографическая проблематика нашла частичное освещение в некоторых вузовских учебниках по истории, демографии, теории народонаселения, а также в ряде пособий по смежным с исторической демографией дисциплинам [20]. Но они, конечно, не могут заменить специальные издания, которые, во-первых, окажут содействие становлению и развитию исторической демографии как учебной дисциплины, во-вторых, усилят внимание к освещению историко-демографической проблематики в курсах истории СССР и всеобщей истории, во всем преподавании общественных наук [21].

Настоящее учебное пособие — первая попытка в данном направлении, что уже само по себе определило его ограниченный «заявочный» характер: оно является своеобразным введением в историческую демографию и, ра-

---

[20] См.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII в./Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1983; История СССР. XIX — начало XX в./Под ред. И. А. Федосова. М., 1981; История СССР. Эпоха социализма/Под ред. Ю. С. Кукушкина. М., 1986; Курс демографии/Под ред. А. Я. Боярского. М., 1985; Основы теории народонаселения/Под ред. Д. И. Валентея. М., 1986; *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М., 1973; Источниковедение истории СССР/Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981; и др.

[21] Не останавливаясь на специальном рассмотрении этого важного вопроса, отметим, что он в последнее время привлекает все большее внимание, в особенности при преподавании марксистско-ленинской философии. «Актуальность демографической проблематики в вузовском курсе исторического материализма не вызывает сомнения»,— отмечают философы Г. М. Коростелев и А. И. Смирнова. «Демографические аспекты общественного развития,— пишут они далее,— можно выделить почти в каждой теме вузовского курса исторического материализма» (Философские науки, 1985. № 1. С. 134). Сказанное полностью относится и к историко-демографической тематике.

зумеется, ни в коей мере не может претендовать на исчерпывающее, а тем более «каноническое» освещение вопросов исторической демографии. Основное внимание в нем сосредоточено на характеристике теоретико-методологических и историографических вопросов изучения истории народонаселения. При этом конкретное развитие демографической истории рассматривается в пособии только в самом общем виде. Больше того, решение такой фундаментальной задачи, как подготовка курса конкретной демографической истории, возможно лишь на основе коллективных усилий историков и демографов, представителей ряда других наук.

Как отмечено, изучение демографической истории находится на стыке наук. В данной работе оно рассматривается главным образом в плоскости *задач советской исторической науки,* дальнейшей активизации и расширения ее исследований и преподавания исторической демографии, всей истории народонаселения.

И еще одна оговорка. Пособие адресовано научной молодежи. Если, так сказать, на студенческом уровне преподавание исторической демографии только зарождается, то среди аспирантов-историков (и некоторых других специальностей) ее проблематика уже получила определенное распространение. Обучение в ходе творческой дискуссии — один из надежных методов выработки навыков научно-педагогической работы. Возможно, данное пособие, ставящее ряд небесспорных вопросов как исторической, так и демографической наук, в какой-то мере послужит этому. Немаловажно и то, что оно всем своим содержанием направлено на развитие и укрепление междисциплинарных исследований на основе научного сотрудничества, взаимодействия истории и демографии, всех областей научного знания, в которых ведется разработка тех или иных аспектов истории народонаселения.

Опыт изучения развития и современного состояния исторической демографии показывает, что всесторонняя характеристика этой одновременно исторической и демографической дисциплины, являющейся частью более широких исследований истории народонаселения, не может быть осуществлена только в ее пределах, а требует обращения к рассмотрению целого ряда проблем, казалось бы, и находящихся вне этой дисциплины, но в действительности имеющих к ней непосредственное отношение.

В ракурсе данной работы основной из таких проблем является определение места и значения марксистско-ленинской исторической науки во всем изучении народонаселения, его истории и демографической истории в особенности. Это в свою очередь требует уяснения сложного и многообразного характера знаний о народонаселении, которые разрабатываются многими общественными и рядом естественных наук. Каждая из них «видит» народонаселение только через призму своего предмета, и лишь для одной науки — демографической — этот предмет полностью находится в плоскости народонаселения. Будучи, таким образом, «чисто народонаселенческой», она, однако, может быть названа наукой о народонаселении условно, образно, так как не исследует «все» народонаселение или население «вообще». В пределах проблематики народонаселения она имеет свою, только ей присущую предметную область, которая определяет круг ее исследований современного народонаселения и проецируется на изучение его истории, что ведет к вычленению в нем исторической демографии.

Из сказанного следует, что разработка поставленной проблемы имеет многоплановый характер. Если идти от частного к общему, то можно отметить, что простое рассмотрение исторической демографии как научной дисциплины характеризует значение и содержание взаимодействия исторической и демографической наук лишь в первом приближении. Один из недостатков предшествующего изучения теоретических вопросов исторической демографии заключается в том, что оно ограничивалось только таким рассмотрением. Между тем анализ взаимодействия истории и демографии не может быть осуществлен вне анализа взаимодействия всего комплекса наук, ведущих изучение истории народонаселения, что, естественно, требует рассмотрения общей проблематики развития всей совокупности марксистско-ленинских знаний о народонаселении. Путь от частного к общему привел, таким образом, вновь к проблеме, которая уже была сформулирована,— к выявлению места и значения советской исторической науки в системе знаний о народонаселении.

В предлагаемой работе этот путь будет проделан, так сказать, в обратном направлении — от более общего к конкретному. Этим определяется и ее структура, имеющая, образно говоря, концентрический характер. Вначале (гл. 1) анализируется категория «народонаселение»

и на этой основе проводится общее рассмотрение системы марксистско-ленинских знаний о народонаселении, устанавливается, что советская историческая наука является одним из важных ее компонентов, интегрирует все исторические знания, получаемые в других науках, которые участвуют в изучении истории народонаселения.

Затем (гл. 2) изложение переходит на более конкретный уровень, в сферу взаимодействия только двух наук — истории и демографии. В целях более всестороннего выявления задач исторической науки в изучении демографической истории дается очерк развития демографической науки и формирования ее предметной области. Далее следует характеристика объекта и предмета исследований исторической демографии, ее хронологических рамок и ряда других вопросов, связанных с совместным изучением исторической и демографической науками демографической истории.

Рассмотрение основных конкретных проблем как всеобщей, так и отечественной демографической истории (гл. 3 и 4) призвано показать историческую демографию в действии, раскрыть ее реальные разработки. Эти реалии своеобразно, через характеристику развития их тематики, отражены в заключительной, 5-й главе. В ней содержится очерк развития историко-демографических исследований и истории изучения народонаселения от первых опытов XVII—XVIII вв. до наших дней.

Пособие подготовлено в ходе чтения во второй половине 70-х и в 80-е годы лекций по историко-демографической тематике на историческом и экономическом факультетах МГУ им. М. В. Ломоносова, а также на действующих при МГУ курсах ООН по демографии. Поскольку в пособии обобщается многолетняя работа, автор в отдельных случаях включил в него фрагменты некоторых своих более ранних публикаций, непосредственно связанных с исследованием им данной тематики в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. Подготовка пособия связана также с деятельностью Научного Совета АН СССР по исторической демографии и исторической географии. Коллективное обсуждение рассматриваемых в пособии проблем имеет определяющее значение для их современной постановки и для успешного развития советской исторической демографии.

Глава 1

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ В ЕГО ИСТОРИИ

1. О КАТЕГОРИИ «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать утверждение, что термин «народонаселение» (и его синоним «население») относится к числу тех терминов, которые широко распространены в научно-исторической литературе, в лекционной и другой практике педагогической работы. Он привычен, многоупотребляем, но какова содержательная характеристика обозначаемого им понятия? Ответ на этот вопрос не прост. В свое время М. П. Ким, анализируя понятие «народ» (которое, кстати, до XIX в. было основным для обозначения понятий «жители», «люди» той или иной территории, т. е. соответствовало нынешнему обиходному пониманию слова «население»), справедливо указал, что оно только на первый взгляд кажется простым, в действительности же весьма сложно «и не поддается однозначному определению» [1].

Замечание М. П. Кима может быть отнесено и к рассматриваемому здесь понятию, всесторонняя характеристика которого выпала из поля зрения историков. Оно воспринимается, так сказать, «на уровне видимости», примером чему может служить дефиниция в СИЭ, которая определяет народонаселение как «совокупность людей, живущих на определенной территории» [2]. Впрочем, эта дефиниция не является достоянием лишь историче-

---

[1] *Ким М. П.* Советский народ — новая историческая общность. М., 1972. С. 5—6.

[2] Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. С. 981.

ской энциклопедии. Понятие «народонаселение» применяется не только в исторической, но практически во всех общественных и ряде естественных наук. Тем не менее разработка его до недавнего времени почти не велась, а приведенная дефиниция кочевала из издания в издание.

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о том, что это определение, отнюдь не случайно возникшее в буржуазном обществоведении XIX в., имеет свое концептуальное значение, отметим другое: длительное отсутствие в советской науке теоретических разработок, связанных с изучением народонаселения, имеет свою причину, последствия которой, возможно, сказываются и сегодня. Известно, что в научной литературе, и прежде всего в работах по историческому материализму, народонаселение характеризовалось на протяжении длительного времени, едва ли не трети века — с конца 30-х до 60-х годов — только как одно из условий (наряду с географической средой) материальной жизни общества. Тем самым народонаселение, по существу, выводилось за пределы общества, а исследования его проблематики (в том числе и истории народонаселения) приобретало как бы второстепенное значение.

Ошибочность такой позиции ныне общепризнана. Еще в 60-е годы она была подвергнута критике, в том числе и в литературе по историческому материализму. Г. М. Коростелев, одним из первых осуществивший эту критику, пришел к выводу, «что понятие „народонаселение" следует считать категорией марксистской социологии» [3]. Это не была единичная точка зрения. В ряде других философских работ категория «народонаселение» включена в число основных категорий исторического материализма, отражающих «существенные стороны общественной жизни, общие всем ступеням исторического развития» [4]. К сожалению, такое включение не было подкреплено конкретной разработкой. Показательно, что хотя в вышедшем в 1983 г. Философском энциклопедическом словаре и помещена статья «Народонаселение», характеристика этой категории отсутствует, а все изучение народонаселения сведено только к демографии, предмет которой, правда, трактуется в самом широком плане.

---

[3] *Коростелев Г. М.* Рост народонаселения и общественный прогресс. Свердловск, 1968. С. 13.

[4] *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Исторический материализм. М., 1969. С. 16.

Сказанное не означает, что современное изучение категории «народонаселение», едва зародившись, заглохло. Его судьба определилась развернувшимся с рубежа 50—60-х годов подъемом марксистско-ленинского изучения народонаселения, выдвинувшим на передний край обществознания целый ряд понятий и категорий (теория народонаселения, законы народонаселения, проблемы народонаселения, политика народонаселения, воспроизводство народонаселения, качество народонаселения и т. д.), в том числе и впервые введенных в научный оборот (развитие народонаселения, управление развитием народонаселения, структуры народонаселения и др.). По мере развертывания изучения связанной с ними проблематики стало все чаще употребляться и обобщающее обозначение этого изучения — наука о народонаселении, хотя оно не имеет строго определенного содержания [5]. Его применение отразило утверждение представлений о единстве объекта изучения — народонаселении, который описывается целой системой производных от него понятий и категорий, но вместе с тем сохраняет свою целостность.

Естественно, что выработка такой целостной характеристики не раз привлекала внимание ученых. Основные итоги сделанного в этом направлении к середине 70-х годов подведены в коллективной монографии «Система знаний о народонаселении» [6]. Заслуга ее авторов в разработке рассматриваемой проблемы заключается в том, что они не только систематизировали и обобщили результаты ее предшествующего исследования, но и впервые дали на основе анализа указаний основоположников марксизма-ленинизма содержательную политико-экономическую трактовку категории «народонаселение». При этом ее рассмотрение как социальной категории, т. е. в аспекте исторического материализма, было как бы отодвинуто на второй план, осуществлено только в общем виде, что определило известную односторонность и неполноту ее общей характеристики.

В конце 70-х — в 80-е годы к этой характеристике обращались Л. Л. Рыбаковский, Н. В. Зверева и В. М. Медков, Т. Н. Медведева, Я. Н. Гузеватый, И. С. Даниленко, В. С. Стешенко, Е. П. Чернова,

---

[5] В общем это скорее образное, чем научное выражение. Как отмечалось, иногда его применяют и для обозначения демографической науки, что неоправданно.

[6] См.: Система знаний о народонаселении/Под ред. Д. И. Валентея. М., 1976. С. 68—71.

Г. М. Коростелев и А. И. Смирнова и ряд других ученых, работающих в области изучения проблем народонаселения[7]. Они рассматривают народонаселение как сложную и многообразную по своему содержанию категорию социально-экономического развития. В литературе минувших лет проявилось и иное направление, которое склонно исчерпывать характеристику населения только его возобновлением «вследствие смены поколений», т. е. так называемым демовоспроизводством[8].

Но как бы ни разнились подходы ученых к пониманию категории «народонаселение», главное с точки зрения рассматриваемой здесь темы несомненно: все более нарастающий интерес ученых к этой категории ныне стал реальным фактом, и историческая наука не может не учитывать его, находиться в стороне от теоретических изысканий, направленных на раскрытие одной из существенных сторон социально-исторического развития.

Анализ категории «народонаселение» способствует дальнейшему развитию категориального аппарата исторической науки, что является одной из ее актуальных общих задач. Вместе с тем он необходим и для конкретного выявления места и значения марксистско-ленинской историографии в научном изучении народонаселения в целом. Наконец, нельзя не подчеркнуть, что разработка категории «народонаселение» требует изучения всего процесса истории развития знаний о народонаселении, что без опоры на историческую науку и ее участия вряд ли может быть осуществлено.

История изучения народонаселения, кроме отдельных ее фрагментов, еще не написана. Поэтому, предваряя конкретную характеристику категории «народонаселение», остановимся на ряде общих вопросов, связанных с

---

[7] См.: Территориальные особенности народонаселения РСФСР. М., 1976; *Зверева Н. В., Медков В. М.* К определению центрального понятия системы знаний о народонаселении//Социально-экономические особенности воспроизводства населения в условиях развитого социализма. Киев, 1976. Т. I; *Медведева Т. Н.* Экономические проблемы роста населения и использования трудовых ресурсов в СССР. М., 1976; *Гузеватый Я. Н.* Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980. Гл. I; *Даниленко И. С.* Народонаселение и война. М., 1981; *Стешенко В. С.* Изучение воспроизводства народонаселения. Киев, 1981; *Чернова Е. П.* Теоретико-методологические проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Фрунзе, 1982; *Коростелев Г. М., Смирнова А. И.* Народонаселение — предпосылка и субъект исторического процесса//Философские науки. 1985. № 1, 2; и др.

[8] См.: *Волков А. Г.* О предмете демографии//Место демографии в системе наук. М., 1975. С. 11—12.

формированием знаний о народонаселении, так сказать, «определимся» в их истории.

Историческая наука и научное изучение народонаселения — ровесники, они, как и вся современная наука — детище нового времени. У них и одинаковая предыстория, которая уходит в глубокую древность. С учетом этого, т. е. в масштабах всего всемирно-исторического процесса, можно выделить три основных периода складывания знаний о народонаселении. Первый из них охватывает огромный пласт тысячелетий — от эпохи первобытных стоянок до времени разложения феодализма — и характеризуется медленным и спорадическим накоплением первичных представлений об отдельных сторонах жизнедеятельности «людей», «жителей», «народа» (понятие «народонаселение» тогда отсутствовало). Второй приходится на XVI—XIX века, когда в условиях становления капиталистического общества резко возросла объективная потребность в расширении и углублении знаний о народонаселении; оно было осознано как важная категория общественно-экономического развития; началось формирование его современного изучения. Третий период (примерно со второй половины XIX в.) ознаменован развертыванием подлинно научного исследования проблем народонаселения, прочный методологический фундамент которого создал марксизм-ленинизм.

Изучение народонаселения возникло, таким образом, не сегодня и не вчера, его зачатки уходят в глубь тысячелетий, когда у обитателей первобытных стоянок зарождались представления о необходимости и способах (различные табу, аборты, детоубийство и др.) регулирования своей численности. Естественно, что в период античности и средневековья диапазон представлений о населении значительно расширился, а выработка и интерпретация их приобретает классовый характер. Взгляды античных и средневековых авторов на народонаселение (точнее, на отдельные стороны его жизнедеятельности), формировавшиеся в рамках общих философских концепций, описаны с достаточной полнотой как в советской, так и в зарубежной литературе[9]. Отсылая к ней, подчеркнем отсутствие целостности во взглядах, их отрывочность.

---

[9] См.: *Валентей Д. И.* Теория и политика народонаселения. М., 1967. С. 24—38; *Судоплатов А. П.* Демографические концепции. М., 1974. С. 5—13; Детерминанты и последствия демографических тенденций. ООН. Нью-Йорк, 1973. Т. I. Часть первая. С. 88—93; и др.

Иначе и не могло быть. В те эпохи еще не сложились условия для выделения народонаселения в самостоятельный объект изучения, представления о нем формировались разрозненно и бессистемно в общей массе недифференцированных научных знаний.

Перелом начался с наступлением нового времени. По мере становления и развития капитализма все более определялась общественная потребность в изучении народонаселения и отдельных сторон его жизнедеятельности. Важным рубежом в становлении этого изучения стал «век революций» — XVIII век, именно тогда народонаселение впервые было осознано как важная категория социально-экономического развития.

До середины XVIII в. слово population в английском и французском языках отсутствовало, не было его аналогов и в других языках [10]. Появление этого термина — результат выработки в ходе осмысления проблематики народонаселения, а также зарождения буржуазного обществознания нового понятия, которое было связано с представлениями о «гражданском обществе». «Для того чтобы слово population,— отмечает французский демограф А. Ландри,— приобрело тот смысл, которое оно сейчас имеет во Франции, пришлось всю первую половину XVIII в. обсуждать такие понятия, как страна, жители, народ, люди» [11]. С распространением слова population обсуждение его смысла не прекратилось, трактовка его содержания продолжается и в наше время.

---

[10] Русское слово «народонаселение» появилось в начале XIX в. Скорее всего оно было впервые употреблено в 1806 г. в издавшемся в Петербурге «Статистическом журнале». Образование его произошло из двух слов: «народ» (народившиеся на данном месте) и «население» (тогда означало действие по глаголу «населять»). Этот неологизм быстро вошел в словарный фонд. Однако двухсловная конструкция, невозможность применения во множественном числе затрудняли его обиходное использование. Постепенно еще в XIX в. утвердился его синоним — слово «население», практически утратившее свое первоначальное значение. Хотя первое из них (народонаселение) применимо для обозначения только совокупностей людей, а второе может употребляться более универсально (например, население почвы, население морей и др.), они вошли в русский язык как синонимы. Предпринятые в 60—70-е годы попытки ряда ученых «развести» их и придать каждому из них свое смысловое значение оказались безуспешны, так как противоречили нормам русского языка. См. подробнее: *Шелестов Д. К.* Народонаселение: история термина и современность//Население СССР сегодня. Народонаселение. М., 1982. Вып. 38.

[11] *Landry A.* Traité de démographie. P., 1945 (1949). P. 2.

На смену аморфным представлениям о «жителях», «людях» и т. п., свойственных всей предшествующей истории общества, пришло понимание народонаселения как определенной человеческой совокупности. «Открытие» народонаселения на уровне явления проложило путь к познанию его сущности: расширялись и углублялись представления о его структуре, видах движения, взаимосвязи с экономикой и др. По мере накопления этих представлений народонаселение все более раскрывалось как многогранный объект научного познания, закладывались первоначальные основы его междисциплинарного изучения.

Все это стало одним из достижений буржуазного обществознания той его недолгой поры, когда революционность буржуазии в борьбе с феодализмом еще не была окончательно исчерпана. Уже тогда начали все более обнаруживаться изначально присущие буржуазному обществознанию тенденции, которые вскоре раскрылись в реакционной трактовке роли народонаселения в общественном развитии, а также проявились в формализации его изучения, в сведении, по существу, только к разработке количественных закономерностей, свойственных народонаселению.

Если представить в наиболее обобщенном виде изучение народонаселения в буржуазной науке последних двух столетий, то через все его аспекты и множество оттенков неминуемо проступают два названных подхода, причем первый из них является определяющим, так как выражает теорию народонаселения, выработанную буржуазным обществознанием. Этот подход, «...медленно вырисовывавшийся в XVIII веке...» [12], нашел выражение в мальтузианском «законе», согласно которому народонаселение представляет собой внесоциальное, чисто биологическое явление, а его «естественное» размножение определяет «неизбежность» и, следовательно, «закономерность» нищеты и бедствий масс. Апологетическая сущность «закона народонаселения» очевидна. Этот «закон» получил распространение в буржуазном обществоведении в период, когда «дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна» [13]. Он дал в руки капитализму мощное идеологическое оружие для борьбы

---

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 630.
[13] Там же. С. 17.

с массами, вошел в методологическую основу трактовки с его классовых позиций всего социально-экономического развития. Не вдаваясь в «мальтузианский спор» в буржуазной науке XIX—XX вв., а также в характеристику ее различных концепций народонаселения[14], следует подчеркнуть, что вне зависимости от тех или иных позиций, излагаемых авторами этих концепций, теоретическая направленность, а значит, и содержание изучения народонаселения в буржуазном обществоведении остается в своем главном, принципиальном выражении неизменной, так как определяется самой природой буржуазного обществознания, т. е. выражением и защитой им классовых интересов капитализма. Попытки открыто или скрыто подменить рассмотрение социальных проблем биологическими предпринимаются вплоть до нашего времени, что ярко выявилось в резкой активизации неомальтузианства в 50 — 70-е годы, когда в условиях «демографического взрыва» экономические теории капитализма (неокейнсианская и др.) оказались недостаточны, и капитализм вновь открыто применил для насаждения неоколониальных порядков испытанное идейное оружие.

Было бы серьезным методологическим просчетом недооценивать воздействие указанной теоретической установки на все изучение народонаселения в буржуазной науке. Однако и сведение этого изучения только к его политико-идеологическому выражению неминуемо ведет к упрощенчеству и вульгаризации, к игнорированию наличия вполне реальных потребностей капитализма в разработке целого комплекса знаний о народонаселении, относительной самостоятельности их развития, представляющего в известной мере объективный процесс научного познания.

Насаждая реакционные взгляды, капитализм вместе с тем породил устойчивую потребность в изучении (в пределах своих интересов) ряда сторон жизнедеятельности народонаселения. В этой связи получили распространение переписи населения, налаживался его текущий учет, начались социологические обследования различных категорий населения, данные о нем стали учитываться в материалах зарождавшейся социальной и экономической статистики. Тем самым впервые создавалась постоянная и многообразная по своей информативности источниковая

---

[14] См.: *Коростелев Г. М., Краев В. С.* Буржуазные концепции народонаселения. Критический анализ. М., 1981.

основа для исследований народонаселения, особенно процессов его воспроизводства, а также социальных и других структур, взаимосвязи с экономическим развитием и пр.

Таким образом, становление капиталистической формации явилось важным фактором в возникновении современных научных знаний о народонаселении. Однако это воздействие было противоречиво, что наложило отпечаток на весь ход изучения народонаселения в буржуазной науке: с одной стороны, капитализм стимулировал выработку ряда общих и конкретных знаний о народонаселении, с другой, будучи неспособным решить проблемы народонаселения, он всячески насаждал и насаждает реакционную трактовку этих проблем, что явилось тормозом в их исследовании, извратило его научный характер.

Подлинно научное раскрытие этой проблематики стало возможным только на принципиально новой основе, в связи с возникновением и утверждением диалектико-материалистического учения, которое произвело переворот в обществознании, в том числе во всем ходе изучения народонаселения. Основоположники этого учения К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, всесторонне разработав каждую из его составных частей — марксистско-ленинскую философию, политическую экономию, теорию научного коммунизма,— впервые создали и фундамент научного изучения народонаселения. Ведя разработку общетеоретических положений, они многократно обращались к содержательному рассмотрению конкретных вопросов развития народонаселения, что в совокупности образовало целую систему их взглядов по данной проблеме. Все это, а также разоблачение основоположниками марксизма-ленинизма научной несостоятельности и общественно-политической направленности буржуазных концепций народонаселения (и самой реакционной из них — мальтузианства) определило решающий рубеж в формировании и развитии изучения народонаселения во всех его аспектах, заложило прочную основу диалектико-материалистической теории народонаселения, исчерпывающе характеризующей народонаселение как социальное явление реальной действительности, раскрывающей роль, место и значение его в общественно-историческом процессе.

Воздействие диалектического материализма на развитие знаний о народонаселении начало сказываться уже

во второй половине XIX — начале XX в. Оно значительно возросло после того, как марксистско-ленинское мировоззрение стало господствующим в советской науке, а затем и в науке других стран, вставших на путь социализма. Формирование диалектико-материалистического изучения народонаселения началось в нашей стране одновременно со становлением в 20—30-е годы всей советской науки. Пройдя в своем развитии ряд этапов, оно приобрело в 60—80-е годы широкий характер. В 1974—1987 гг. вышли четыре библиографических указателя[15] литературы по проблемам народонаселения, изданной в 60—80-е годы. В них учтены почти 15 тыс. работ советских ученых, ведущих исследовательскую деятельность в области изучения народонаселения.

Завершая краткий обзор общих вопросов истории становления знаний о народонаселении (некоторые из них, в том числе история демографической науки, еще будут затронуты в последующем изложении) и переходя непосредственно к характеристике основной категории этого изучения, следует обратить внимание на существенный и часто упускаемый из вида момент. Раскрытие категории «народонаселение» имеет *мировоззренческое* значение, так как именно в оценке роли и места народонаселения в общественном развитии пролегает один из рубежей, отделяющих диалектико-материалистическое обществознание от буржуазного. Заметим в этой связи, что механически воспринятое нашей литературой от статистики прошлого века определение населения как совокупности людей, проживающих на определенной территории, не является, когда его применяют в науке, простым «житейским» представлением или только представлением «на уровне видимости». В действительности это определение не сложилось стихийно, а было сформулировано в 80-е годы XIX в. немецким неомальтузианцем Г. Рюмелиным и выразило исходную установку буржуазной теории народонаселения, ее внесоциальный, биологический подход к характеристике последнего, прикрытый «нейтральной» дефиницией.

Задача диалектико-материалистической разработки категории «народонаселение», понятно, не сводится к

---

[15] См.: Библиография по проблемам народонаселения. 1960—1971 гг. М., 1974; Библиография по проблемам народонаселения. 1972—1975 гг. М., 1977; Литература о населении. 1975—1978 гг. М., 1981; Литература о населении. 1979—1983 гг. М., 1987.

критике и замене дефиниций. Она имеет фундаментальный характер, так как связана со всем дальнейшим современным развитием научного изучения народонаселения, дает возможность глубже осознать диалектическое единство многообразия и целостности последнего, с научной обоснованностью раскрыть соотношение в нем социального и биологического, уяснить его действительное положение в общественном производстве, во всем процессе общественно-исторического развития, и особенно в решении современных проблем социалистического общества.

Решение этой задачи, разумеется, требует усилий многих ученых, специальных исследований. В данном случае будут рассмотрены только некоторые основные моменты, необходимые для уяснения другого сложного понятия — «история народонаселения» — и вступления в область исторической демографии.

Непосредственное рассмотрение категории «народонаселение» целесообразно начать, условно говоря, не на уровне категории, а на уровне понятия. При этом сразу выясняется, что данное понятие практически невозможно раскрыть однозначным кратким определением — любое из них будет неполным и односторонним. Поэтому не случайна относительная множественность таких определений. Она вызвана и тем, что народонаселение изучает целый комплекс наук, каждая из которых «видит» его со своей стороны, с позиций своего предмета исследования.

Это, казалось бы, дезинтегрирующее обстоятельство на самом деле диктует необходимость и вместе с тем обеспечивает возможность выработки обобщенной характеристики народонаселения. Действительно, нельзя изучать особенное вне единства и соотношения его с общим. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что изучение народонаселения рядом наук определяет потребность в выработке представлений о нем как о целостном явлении. В свою очередь, это целостное не может быть раскрыто без изучения его частей, в данном случае отдельных сторон народонаселения, исследуемых различными науками. Тем не менее движение познания, как известно, начинается обычно с нерасчлененного целого, что вполне может быть отнесено и к рассматриваемому вопросу о наиболее общей (т. е. нерасчлененной в различных науках) характеристике народонаселения, выявлении его

основных признаков, дающих первоначальное представление о нем.

Несомненно, что первая и самая важная определенность народонаселения возникает в соотнесении его с обществом, вне которого оно не может существовать, так же как и само общество невозможно без человека, некоторого человеческого множества, т. е. людей. Поэтому в первом, наиболее общем виде народонаселение может быть определено как (1) естественно-исторически складывающаяся и (2) непрерывно возобновляющаяся в процессе производства и воспроизводства непосредственной жизни сложная, относительно устойчивая совокупность людей, (3) главный материальный компонент человеческого общества.

Понятие «общество» употребляется в современной литературе в нескольких значениях. Рассмотрение общества в качестве того или иного этапа человеческой истории, при котором понятие «общество» совпадает с понятием «общественно-экономическая формация» или же соответствует межформационным и внутриформационным историческим ступеням, дает возможность выделить общую характеристику народонаселения — его социально-временную определенность. Она выражается в том, что на каждом этапе общественного развития народонаселение выступает как конкретно-историческая совокупность людей (народонаселение древнего мира, народонаселение феодального общества, народонаселение эпохи социализма и т. д.).

Эта характеристика дополняется еще одной — пространственно-территориальной, связанной с расселением населения, а также с пониманием общества как отдельного, индивидуального общества, конкретного социального организма. Каждый такой «организм» состоит из людей, которые, будучи связаны между собой определенным единством (например, родоплеменным, государственно-политическим, хозяйственно-экономическим, этническим, религиозным и др.), осуществляют свою жизнедеятельность в пространственных пределах, соответствующих территориальной организации общества, образуя относительно устойчивые совокупности — население различных территорий: материка, страны, района и т. д.

Выделенные признаки не являются исчерпывающими, но в совокупности они раскрывают наиболее существенные черты народонаселения: естественно-историческую обусловленность его складывания, непрерывное возоб-

новление в процессе производства и воспроизводства непосредственной жизни, социально-временную и пространственно-территориальную определенность каждой конкретной, относительно устойчивой совокупности людей, образующей народонаселение.

Будучи «совокупностью», «множеством», народонаселение имеет те или иные количественные параметры и характеристики. Но оно не «безразличная человеческая масса, механически объединенная общей территорией» [16], а совокупность людей и, если говорить точно, человеческое множество, что указывает на его исходную категорию «человек».

Исследование этой категориальной связи (человек — человеческое множество — народонаселение) имеет принципиальное значение. Традиционно понятие «народонаселение» сопоставляется с понятием «совокупность людей», и это сразу придает ему отвлеченность, абстрактность. Сопоставление его с понятием «человеческое множество», «человек» выводит характеристику народонаселения на более высокий уровень, наполняет его реальным содержанием. Известно, что проблема человека представляет собой центральную проблему марксистско-ленинской философии, установление значимости этой проблемы для изучения народонаселения, дает один из важных подходов, обеспечивающих раскрытие целостности данного явления. Такой подход создает основу для более содержательной его характеристики не как одного из понятий обществознания, а как категории общественного развития [17].

Отправным пунктом такой характеристики является диалектико-материалистическое положение о производстве и воспроизводстве непосредственной (действительной) жизни. В силу определенных причин это положение стало привлекать внимание ученых только в последние пят-

---

[16] *Новосельский С. А.* Теория и статистика населения//Энциклопедический словарь бр. Гранат. М., 1936. Т. 41. Ч. 7. С. 357.

[17] Эта взаимосвязь, конечно, не означает, что народонаселение есть механическое тиражирование человека со всем многообразием его характеристик. Вопрос о том, какие качества, свойства и черты человека проявляются в народонаселении (и наоборот) является сложным, требует, как и вся проблема, взаимосвязи этих двух категорий, специального изучения. Заметим, что такое изучение важно и для разработки категорий «развитие народонаселения», «качество народонаселения» и др.

надцать—двадцать лет [18]. Применительно же к изучению народонаселения оно до сих пор остается неразработанным, хотя имеет для него фундаментальное значение.

Производство и воспроизводство непосредственной жизни характеризовалось основоположниками марксизма-ленинизма как непрерывный общественный процесс, являющийся в конечном счете определяющим в человеческой истории и выражающийся в диалектической взаимосвязи (единстве) двух его сторон — производства средств к жизни (предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий) и производства самого человека (продолжение рода) [19].

Это положение выражает всеобщий принцип общественного бытия, его закон [20]. Он в конечном счете определяет жизнь общества, его развитие. Указание на то, что он является определяющим в конечном счете, также раскрывает его всеобщее значение, которое не только не исключает, но обеспечивает всестороннее исследование особенного. В конце своей научно-революционной деятельности Ф. Энгельс писал: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни... Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единствен-*

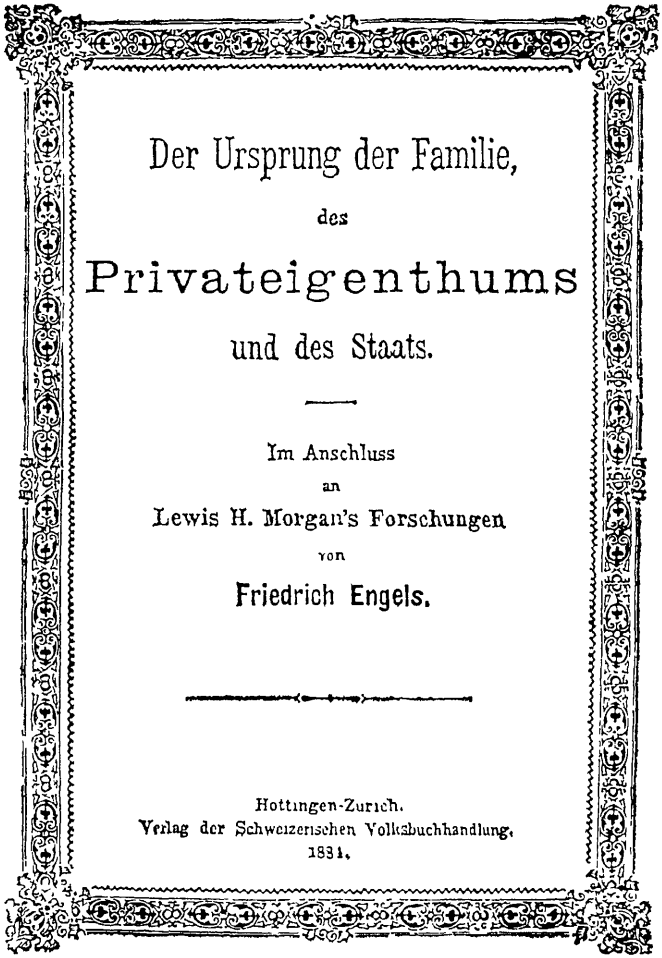
---

[18] Подробнее об этом, а также обзор литературы по данному вопросу, вышедшей до начала 70-х годов, см.: *Плетников Ю. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971. С. 205—214. Последующее изучение этой проблемы см.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1983. С. 125—137.

[19] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 28; Т. 21. С. 25—26; Т. 37. С. 394; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 148—154. См. также: *Плеханов В. Г.* Избр. философские произведения. М., 1956. Т. I. С. 617—619.

[20] В сущности, он в своей основе исходит из приложения к человеческому обществу (но с учетом его надбиологического характера) всеобщего принципа воспроизводства жизни: появление того или иного живого организма, его воспроизводство (в ходе ассимиляции полученного извне вещества, а также в результате воспроизведения себе подобного) и отмирание. Ч. Дарвин в «Происхождении видов путем естественного отбора» (1859) так определял основные законы жизни: «Эти законы, в самом широком смысле — Рост и Воспроизведение, Наследственность, почти необходимо возникающая из воспроизведения» (*Дарвин Ч.* Соч. М., Л., 1939. Т. 3. С. 666). В современной советской науке воспроизведение себе подобного рассматривается как фундаментальное свойство живого (см.: *Энгельгардт В.* Проблема жизни в современном естествознании//Коммунист. 1969. № 3).

но определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу». Далее Ф. Энгельс подчеркивает необходимость «отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии»[21].


Der Ursprung der Familie,
des
Privateigenthums
und des Staats.
Im Anschluss
an
Lewis H. Morgan's Forschungen
von
Friedrich Engels.
Hottingen-Zurich.
Verlag der Schweizerischen Volksbuchhandlung.
1884.

Обложка первого издания книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1884 г.

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 394, 396.

В этой связи следует подчеркнуть, что указанное выше положение имеет значение всеобщего именно в единстве выделенных в нем сторон производства и воспроизводства действительной жизни, взаимосвязанный процесс развития которых носит объективный характер. «Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития...»[22] Таким образом, В. И. Ленин включал «рождение детей», т. е. продолжение рода, в единую цепь, указывая тем самым на единство процесса общественного производства, конечным результатом которого «...всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях»[23].

Этот сложный и многообразный процесс не сводится только к материальному производству[24], которое имеет своей основой первую (производство средств к жизни) из отмеченных сторон производства и воспроизводства непосредственной жизни. Вторая его сторона (производство самого человека) — также органическая часть общественного производства. Но чтобы раскрыть это положение, следует вернуться к характеристике народонаселения.

Поскольку длящееся существование общества невозможно без постоянного возобновления народонаселения путем непрерывной смены уходящих из жизни человеческих поколений новыми, нарождающимися и развивающимися поколениями, этот процесс закономерно привлекал и привлекает значительное внимание. По традиции, возникшей в немарксистской литературе XIX в., его нередко называют «естественным» воспроизводством или «естественным» движением народонаселения, поскольку внешне он проявляется прежде всего через биологические свойства людей (их деление по полу, способность к деторождению, изменения человеческого организма по мере прохождения жизненного цикла, его старение и смерть и др.). Но главное, конечно, не в непригодности этого термина (он, по существу, сводит размножение людей к размножению биологических популяций), а в том, что при таком подходе воспроизводство человеческих поко-

---

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.

[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 222.

[24] См.: *Сиземская И. Н.* К вопросу о целостности общественного производства//Философские науки. 1983. № 4.

лений искусственно отчленяется от другой основной черты народонаселения — обеспечения его длящегося существования путем непрерывного производства средств к жизни.

Здесь исходными также являются определенные биологические начала (невозможность для человека обходиться без пищи, усвоение ее организмом и сохранение им на этой основе жизнеспособности, необходимость для него определенных внешних температурных условий и т. д.). Но именно в данной сфере производства и воспроизводства непосредственной жизни эволюция предков человека пошла по пути, который привел к выделению его из животного мира. На основе зарождающейся и крепнущей трудовой деятельности развивалось материальное производство, что выразило формирование принципиально нового, надбиологического типа отношения людей к природе. Вместе с тем материальное производство, становление общества определили и новые, внебиологические связи между самими людьми — общественные (социальные) отношения между ними. Эти отношения имеют объективный характер, т. е. не зависят от воли и сознания людей, и действуют не только в сфере производства материальных благ, они пронизывают всю жизнедеятельность народонаселения, включая и производство самого человека, продолжение рода.

Изложенное имеет первостепенное значение для характеристики народонаселения и позволяет рассмотреть вопрос о соотношении в нем социального и биологического. Выделившись из животного мира, люди тем не менее остаются частью живой природы, обладают многочисленными устойчивыми свойствами биологической популяции, без которых они не могут существовать. Эти популяционные свойства вида Homo sapiens (человека) как бы очерчивают рамки живой природы, в которых действуют социальные законы, выражающие высшую форму движения материи. Социальные законы, не «отменяя» биологические свойства народонаселения, оказывают определяющее воздействие на их конкретные проявления, придают им качественно новое содержание, детерминируемое общественными отношениями, а в конечном счете характером материального производства на данном этапе общественного развития[25]. Так, способность людей к

---

[25] Это определяет и характер единства двух сторон производства и воспроизводства непосредственной жизни. Первая из них (ма-

деторождению является их природным свойством. Однако реализуется она в семье, являющейся общественным институтом, и регулируется не «биологическими инстинктами», а объективно действующими и исторически изменяющимися общественными отношениями по поводу «детопроизводства». Все это определяет тот факт, что «условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов...»[26].

В 60—70-е годы развернулась дискуссия о соотношении социального и биологического в человеке[27], которая отразилась и на изучении народонаселения, появлении представления о нем как о «социально-биологическом» явлении. Такое представление вряд ли может быть признано состоятельным в научном отношении. Оно фактически ставит знак равенства между двумя разными по своему содержанию и значению формами движения материи, смазывает соотношение между ними как низшего с высшим, в силу этого исчезает главное — «снятие» биологического социальным[28].

Рассматривая производство и воспроизводство непосредственной жизни, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что оно (как производство собственной жизни, посредством труда, так и производство чужой жизни, посредством рождения) «...появляется сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения...»[29].

териальное производство) является определяющей по отношению ко второй — производству самого человека.

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 476.

[27] См.: *Никитюк Б. А.* Биологическое и социальное: ступени, уроки и итоги дискуссии 70-х годов//Соотношение социального и биологического. Пермь, 1981.

[28] В ходе дискуссии было предложено разграничить понятия «сущность» и «природа» человека, при этом первую рассматривать как социальную, а вторую — как биосоциальную (см.: *Батенин С. С.* Человек в его истории. Л., 1976; *Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976; и др). Такое разграничение может быть полезным и для изучения народонаселения. Но и при этом его «биосоциальная» природа вызывает серьезные сомнения, требующие, в частности, изучения вопроса о том, что от биологии человека переходит к «биологии населения». Отметим также интересную точку зрения, согласно которой природа человека не только социальна, но и универсальна (см.: *Плотников В. К.* Соотношения социального и биологического как философская проблема. Автореф. докт. дис. по филос. Свердловск, 1980).

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 28.

Значит ли это, что производство и воспроизводство непосредственной жизни в приложении к человечеству, т. е. к человеческому обществу, представляет собой биосоциальный процесс? Нет. Дело в том, что указанное «двоякое отношение», которого нет и не может быть в остальной живой природе, именно потому и возникает, что со становлением общества появляется новое, надбиологическое, социальное отношение, которое и определяет характер взаимосвязи в «двояком отношении». Термин «надбиологическое» не означает отрыв социального от биологического, тем более противопоставление их, а дает характеристику их взаимосвязи.

Это относится как к производству средств к жизни, так и к «естественному» воспроизводству населения. Понимание последнего в качестве «естественного» и даже «биологического размножения людей»[30], стремление как-то увязать такое понимание с общественным развитием породило широко распространившееся утверждение о «социальной обусловленности» воспроизводства населения. В действительности оно должно характеризоваться не как «социально обусловленное», а как один из важнейших социальных процессов, в котором, по справедливому замечанию А. Г. Волкова и А. Г. Вишневского, «биологическое действует не непосредственно, оно включено в социальное, выступает в «снятом» виде. Поэтому и само воспроизводство как процесс, протекающий на уровне общества в целом, есть процесс не биологический и не биосоциальный, как часто думают, а социальный»[31].

Данное положение показывает несостоятельность определения народонаселения как «человеческой популяции» и вместе с тем дает возможность поставить вопрос о характеристике воспроизводства населения во всем его многообразии. «Рассмотрение народонаселения как «человеческой популяции», а его воспроизводства как биологического процесса, течение которого трансформируется внешними по отношению к нему социальными условиями,— отмечает В. С. Стешенко,— препятствует познанию глубоких социальных механизмов этого процесса и его движущих сил — внутренних противоречий

---

[30] См., например: *Гузеватый Я. Н.* Демографические проблемы Азии С. 32.

[31] Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 13.

воспроизводства людей конкретно-исторического социального качества»[32].

Но устранение такого препятствия раскрывает и несводимость воспроизводства населения только к исторически непрерывному физическому возобновлению поколений. Вместе с тем трактовка последнего как социального процесса вписывает его во все многообразие социальных характеристик воспроизводства населения в целом, которое, как и производство человека, на всех этапах истории общества не ограничивалось процессом простого деторождения, ибо каждый раз оно означало воспроизводство человека в качестве социального существа.

Воспроизводство населения выступает, таким образом, как сложное социальное явление, включающее в себя неразрывно взаимосвязанные процессы физического возобновления человеческих поколений, их социализацию, передачу и развитие от поколения к поколению накопленного опыта и даже, как считают некоторые исследователи, «производство человеческих сил». Примечательно, что в основе начавшейся в последнее время разработки проблемы производства и воспроизводства непосредственной жизни общества лежит философско-социологический анализ именно той его стороны, которая связана с производством человека, продолжением рода.

Однако нельзя не отметить и обнаружившуюся при этом односторонность этого анализа. Справедливо указывая на несводимость производства человека только к процессу «деторождения» и критикуя такой подход со стороны буржуазных ученых, авторы этих разработок нередко невольно «с водой выплескивают ребенка». Они фактически вообще исключают данный процесс из своего анализа, очевидно, полагая, что он является лишь «естественно-биологическим» и забывая при этом, что К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали его в качестве одной из неотъемлемых сторон социальной деятельности[33]. Следствием отмеченной выше неразработанности в историческом материализме категории «народонаселение», возможно, является и тот факт, что в философско-социологической литературе почти не применяется широко используемое в исследованиях по народонаселению

---

[32] *Стешенко В. С.* Изучение воспроизводства населения (теоретические проблемы). Киев, 1981. С. 17.

[33] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 27—28.

понятие «воспроизводство населения», а его соотношение с понятием «производство человека» остается нераскрытым.

Учитывая все это, еще раз подчеркнем, что, во-первых, понятие «воспроизводство населения» отражает многообразный социальный процесс, который не исчерпывается физическим возобновлением поколений, хотя оно и имеет первостепенное значение, так как без такого возобновления не может быть никакого длящегося существования человечества. Во-вторых, воспроизводство населения путем смены уходящих поколений новыми, нарождающимися является сложным социальным явлением и с позиций современного марксистско-ленинского изучения народонаселения не ограничивается «деторождением», а представляет собой диалектическое взаимодействие процессов рождаемости и смертности, которое имеет социальный характер и протекает в рамках исторически определенных общественных отношений. Наконец, в-третьих, социальная определенность исторически непрерывного возобновления поколений делает его неотторжимым от всего воспроизводства населения, которое выступает как многообразный социальный процесс и в совокупности всех его составляющих входит в общественное производство.

Рассмотрение вопросов, раскрывающих воспроизводство населения как социальный во всех взаимосвязанных звеньях процесс, подтверждает, что и само народонаселение должно быть охарактеризовано как социальное явление. Такое определение не требует введения в него дополнительных уточнений, так как является в рассматриваемом аспекте всеобъемлющим: с позиций материалистической диалектики оно характеризует народонаселение как такое явление, которое представляет собой одно из выражений высшей, социальной формы движения материи.

Установление социальной сущности народонаселения открывает путь к раскрытию его значения во всем процессе общественного развития. Для этого необходимо прежде обратиться к выяснению роли и места народонаселения в материальном производстве.

Исходным должно быть рассмотрение народонаселения как носителя предметно-практической деятельности; при более конкретном подходе оно выступает как «...население, производящее в определенных условиях...»[34].

---

[34] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727.

При таком рассмотрении народонаселение предстает в качестве непременного условия материального производства. Однако народонаселение — не только необходимое условие производства, но также и носитель производственных отношений, а его основная и подавляющая часть — трудящиеся выступают как «*первая производительная сила всего человечества...*»[35]. Все это создает основу для перехода к характеристике народонаселения в системе общества, которое выступает по отношению к производству как определенный общественный организм, общественный субъект.

Как указывал К. Маркс, общество представляет собой продукт взаимодействия людей[36]. Такой подход к пониманию общества подразумевает «присутствие» в обществе народонаселения и ставит вопрос об их соотношении и взаимосвязи.

Тот факт, что общество состоит из людей (человеческого множества), не подлежит сомнению. Однако он оказывается недостаточным для анализа взаимосвязи народонаселения и общества и, больше того, как бы стирает различие между ними. Не случайно К. Маркс, раскрывая сущность общества, подчеркивал, что «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»[37]. Это не значит, что К. Маркс «исключал» человека — человеческое множество — народонаселение из общества, в действительности он указывал, что последнее не просто состоит из людей, а выражает результат их взаимодействия, является более сложным явлением, нежели народонаселение.

Данное положение имеет важнейшее значение для рассмотрения поставленного вопроса о соотношении народонаселения и общества, оно дает возможность охарактеризовать два существенных момента.

Во-первых, это положение может быть использовано как отправное в отграничении понятий «народонаселение» и «общество», которые порой рассматриваются едва ли не как равнозначные[38]. Хотя общество и «состоит из людей», т. е. включает в свою материальную основу народонаселение, оно не тождественно ему, что четко

---

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 359.

[36] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 402.

[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 214.

[38] См.: *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969. С. 5.

выражено в указанном положении К. Маркса. Вообще понятие «народонаселение» у́же понятия «общество»: в последнее входят также и овеществленные результаты совместной деятельности людей, социальные институты и т. д. Системный подход в изучении народонаселения делает только первые шаги, тем не менее можно воспользоваться им и заключить, что народонаселение, будучи сложной системой, представляет подсистему по отношению к системе «общество в целом»[39].

Во-вторых, установление соотношения народонаселения и общества создает основу для рассмотрения их взаимосвязи. Приведенное положение К. Маркса, определяя сущность общества, является отправным для более углубленной социальной характеристики народонаселения. Если общество выражает сумму связей и отношений индивидов, то и любая совокупность этих индивидов, образующая народонаселение, не может быть их простым механическим сложением. И действительно, она всегда представляет собой такую совокупность, в основе которой (вне зависимости от других ее образовательных признаков) лежит совместная целенаправленная деятельность людей. Свойственная народонаселению функция носителя предметно-практической деятельности не ограничивается производством материальных благ, а проявляется во всех сферах жизни общества. В силу этого народонаселение выступает в реальных условиях общественной жизни не как механическая совокупность людей, некое человеческое множество, «наполняющее» резервуар общества, а как его полнокровный субъект, материально-личностная основа, выражающая процесс совместной деятельности людей, их взаимодействия, которое имеет общественный характер и продуктом которого является общество.

---

[39] Можно ли вообще рассматривать народонаселение как систему? Существует точка зрения, дающая отрицательный ответ на этот вопрос и мотивирующая такой ответ тем, что народонаселение — совокупность, а не система. Но последняя ведь и является совокупностью элементов и наличием связей между ними. Рассмотрение народонаселения как системы требует специальных исследований, в том числе и не ограничиваемых системой «общество», но и рассматривающих сложную систему «общество — природа», в которой народонаселение является системообразующим фактором. О разработке системного подхода к изучению народонаселения см.: *Коростелев Г. М.* Системный подход в изучении народонаселения//Народонаселение СССР и мира. М., 1983.

Именно общественные отношения, которые не могут быть отторгнуты (кроме случаев научного абстрагирования) от своего носителя — народонаселения, и превращают совокупность людей из простой возобновляющейся популяции в *народонаселение*. Взятое в этих отношениях (а вне их оно не существует) народонаселение выступает не просто как одно из выражений социальной формы движения материи, а как реальный ее носитель.

Осуществленное выше рассмотрение народонаселения было проведено главным образом «извне» его. Оно дало наиболее общую характеристику социальной сущности народонаселения, его положения в системе экономического базиса общества и в самом обществе. Эта характеристика подводит к фундаментальному определению народонаселения в целом, данному К. Марксом, который указал, что оно есть «действительная предпосылка» общественного развития, «...основа и субъект всего общественного процесса производства»[40].

Давая такое определение, К. Маркс одновременно отнес народонаселение к реальным и конкретным[41] явлениям социальной действительности, указав на необходимость его рассмотрения не только как предпосылки, но и как продукта, результата социально-исторического развития. «Население — это абстракция, — отмечал он, — если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся»[42]. Движение от абстрактного к конкретному, от явления к сущности народонаселения раскрывает многообразие его социально-экономических, политических, национальных, религиозных, семейных и других связей, возникающих в ходе общественного развития. Если после такого анализа «пуститься в обратный путь», то он приведет «...снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений»[43].

---

[40] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 36.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 36—37.

[43] Там же. С. 37. Заметим, что в плане шести книг, которые К. Маркс предполагал написать, народонаселение должно было рассматриваться в 4-й книге, после характеристики капитала, земельной собственности и наемного труда (1—3-я книги). Тот факт, что он включил народонаселение в книгу с общим заглавием «Государство», также свидетельствует о намерении дать не только общую, но и

Определение народонаселения как «богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями» также является обобщающим. Оно указывает путь углубления анализа народонаселения и прежде всего выявления его структуры, т. е. устойчивых и упорядоченных связей внутри любой совокупности людей, образующей народонаселение.

«Когда мы с точки зрения политической экономии рассматриваем какую-нибудь данную страну, — писал К. Маркс, — то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства...»[44] Здесь явно обозначены классовая и социально-экономическая структура общества, которые, образно говоря, «накладываются» на народонаселение и «проявляются» в нем. В этой связи все структуры народонаселения можно условно разделить на две группы, одна из них имеет естественно-природную определенность и отражает связь народонаселения с живой природой, другая выявляет его социальную сущность, нерасторжимость с обществом. При таком делении в первой группе окажутся половая, возрастная, генетическая, расово-антропологическая и другие структуры, во второй — классовая, социально-экономическая, профессиональная, территориально-географическая, семейная, национально-этническая, культурно-образовательная и другие структуры[45].

Со структурами населения связаны и его категории — основные понятия, отражающие существенные свойства и стороны населения, а также его познания. Так, с половой и возрастной структурами связаны такие категории, как мужское, женское взрослое население и др., с социально-экономической структурой — рабочее, трудоспособ-

---

конкретно-историческую характеристику населения (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. Предисловие).

[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-изд. Т. 46. Ч. I. С. 36.

[45] В работах последних лет иногда говорится о «социально-демографической структуре» общества. Однако пока она разработана слабо. М. Н. Руткевич считает, что эта структура основана на половых и возрастных различиях, но является социальной, поскольку различия в положении мужчин и женщин, лиц молодого возраста и пенсионеров и т. д. определяются общественным строем. Кроме того, он указывает на связь социально-демографической структуры в процессе воспроизводства населения с классовой и профессиональной структурами (см.: *Руткевич М. Н.* Диалектика и социология. М., 1980, С. 248—249).

ное (нетрудоспособное), самодеятельное (несамодеятельное), сельскохозяйственное, промышленное население и др., с территориально-географической структурой — городское, сельское, мигрирующее, коренное, пришлое население и др. Немало категорий соотносится с профессиональной, культурно-образовательной, национально-этнической и иными структурами. Отдельно должны быть выделены категории народонаселения, которые определились в ходе развития его учета (население — наличное, постоянное, приписное или юридическое, временно проживающее, временно отсутствующее), а также изучения (население — стабильное, стационарное, прогрессирующее, регрессирующее, демографически старое, демографически молодое и др.).

Знания о народонаселении как структурном образовании, его категориях, ряде других существенных свойств и сторон значительно расширяют представления о нем как «богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями». Однако до тех пор, пока эта совокупность рассматривается в статике, ее характеристика не может быть исчерпывающей.

Больше того, существует мнение, что «население — это явление сугубо динамичное, изменчивое», под ним «следует понимать не состояние, а процесс, поток существования людей во времени»[46]. Действительно, движение — неотъемлемый признак народонаселения, выражение и способ его существования. При конкретизации этого положения выделяются три вида движения народонаселения: непрерывное возобновление его в ходе смены поколений, пространственное движение, и наконец, социальное движение народонаселения, которое выражает определяющую линию всего движения народонаселения, нерасторжимую связь этого движения с общественным развитием в целом.

В результате движения народонаселения не только определяются структуры и иные его характеристики, но и осуществляется постоянное взаимодействие народонаселения со всеми компонентами общественного развития. Это выявляет его важнейшее свойство — развитие народонаселения, которое характеризуется непрерывными и необратимыми количественными и качественными изменениями в народонаселении, обусловливаемыми измене-

---

[46] *Ягельский А.* География населения. М., 1980. С. 8.

ниями, происходящими в обществе вследствие развития производительных сил и производственных отношений. В основе развития народонаселения лежит, таким образом, его развитие как носителя общественных отношений и как главной производительной силы (трудовых ресурсов общества). В таком понимании развитие народонаселения включает в себя самые существенные стороны народонаселения, рассматриваемые в процессе их постоянных изменений.

Данное положение как бы завершает обобщенную характеристику народонаселения. Оно предстает как богатая внутренними связями и отношениями совокупность людей, неотторжимая от жизнедеятельности общества и реализующая в ходе общественно-исторического процесса свое длящееся существование, которое не сводится к простому физическому возобновлению поколений, а означает постоянное воспроизводство народонаселения как основы и субъекта общественного производства, носителя и преобразователя общественных отношений. Все это обосновывает характеристику категории народонаселение как одной из основных в изучении социально-исторического процесса.

С этой категорией неразрывно связан ряд других, в том числе — «развитие народонаселения», что непосредственно вводит изучение народонаселения в круг проблем исторической науки.

2. ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Рассмотрение народонаселения как компонента всего общественно-исторического развития интегрирует многообразие его характеристик, и оно выступает целостным социальным явлением объективной реальности, находящимся в сложных взаимосвязях с ее другими явлениями, как социальными, так и биологическими. В этом качестве народонаселение представляет целостный объект (предмет) познания реальной действительности, который в процессе выявления его сущности раскрывается во всей своей многогранности. Последнее и определяет многосторонний характер изучения народонаселения, осуществляемого общественными и рядом естественных наук, каждая из которых рассматривает ту или иную его сторону с позиций своего основного предмета исследования.

Исторически развитие изучения таких сложных научных объектов проходит через ряд этапов: дифференциация знаний, междисциплинарное изучение, взаимодействие наук, выработка комплексных методов исследования[47]. В реальном движении научных знаний тенденции, выражающие каждый из этих этапов, не только сосуществуют, но и взаимопереплетаются, что характерно как для прошлого науки, так и для ее современного развития, в ходе которого дальнейшая дифференциация знаний сочетается с процессами их интеграции.

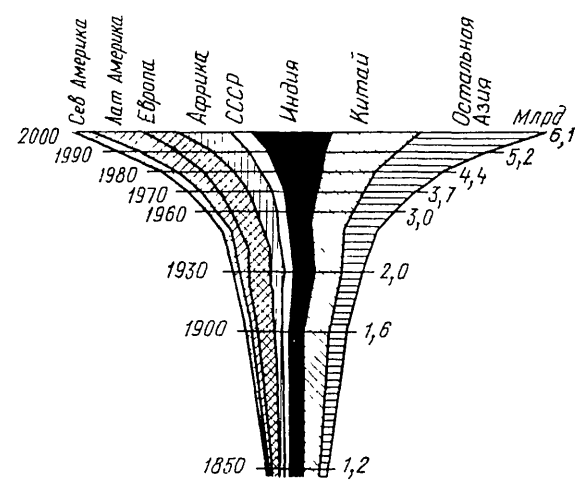
Это свойственно и для формирования изучения народонаселения, научные знания о котором, имевшие вначале синкретический характер, постепенно стали приобретать конкретную постановку в целом ряде наук по мере развития последних. Уже в середине XVIII в. Ф. Кенэ выделил два направления в разработке этих знаний, которые сегодня были бы названы экономическим и демографическим. Отметим, что конкретная разработка народонаселения началась прежде всего в экономических сочинениях конца XVII — начала XIX в., заняв свое место и в вульгарной политэкономии XIX—XX вв. В числе первых наук, которые включили в свою орбиту изучение народонаселения, были также история и география. На основе развития исследования количественных данных о народонаселении складывалась современная статистика. Эти данные сыграли свою роль в XVIII—XIX вв. в становлении целой отрасли математики — теории вероятностей. Анализ тех или иных сторон развития народонаселения все более попадал в поле зрения представителей ряда медицинских наук, в их числе социальной гигиены. Такой анализ становился частью исследований и в некоторых других областях научного знания.

Дифференциация изучения народонаселения, выявившаяся в прошлом веке, перешла и в наше столетие, вторая половина которого, т. е. современный период, отмечена резким расширением и усилением специализации этого изучения. Наиболее полным зарубежным указателем литературы по проблематике народонаселения является ежеквартальник «Index population», выпускаемый с 1934 г. Принстонским университетом и Американской ассоциацией народонаселения. В начале 50-х годов он фиксировал примерно 2,2—2,3 тыс. работ в год, в 70—80-е

---

[47] См.: *Кедров Б. М.* О современной классификации наук//Вопросы философии. 1980. № 10.

годы их количество перешагнуло за 4 тыс. Одновременно выросло число его рубрик: два десятилетия назад их было 11, а теперь — 20. Это, конечно, не означает, что за последнее время в два раза возросло количество наук, изучающих народонаселение, хотя круг их по мере возникновения новых научных дисциплин и направлений (напри-



Рисунок, графически изображающий беспрецедентный рост мирового населения во второй половине XX в. («демографический взрыв»), был опубликован во многих зарубежных изданиях 60—70-х годов

мер, социальной психологии, экологии и др.) продолжает расширяться. Увеличение рубрик — свидетельство растущей специализации исследований народонаселения, признаваемой одной из главных черт их современного состояния. Казалось бы, специализация должна усилить разъединение разработки различных сторон народонаселения, проводимой в тех или иных случаях. В действительности же она выводит их на стыки наук, требует расширения взаимодействия последних, осуществления междисциплинарных исследований, комплексного подхода к изучению народонаселения [48].

---

[48] См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I. Часть первая. С. 4.

Было бы неверно полагать, что интегративные тенденции этого изучения являются достоянием только последнего периода. Они стали проявляться уже в первые десятилетия после утверждения в обществоведении нового понятия «народонаселение». В 1841 г. в немецком университетском городке Ульме вышла книга Х. Бернулли «Справочник популяционистики», в которой был поставлен вопрос о разработке учения о народонаселении, или популяционистики. В следующем десятилетии в работах ряда немецких ученых впервые появился термин «наука о народонаселении». Попытки разработать «учение о народонаселении» были предприняты в начале XX в. в отечественной литературе, тогда же в ней впервые было употреблено понятие «политика народонаселения»[49].

Все это ныне является достоянием истории науки. Несколько иной стала судьба выработки понятия «проблемы народонаселения», также соответствовавшей потребности систематизировать знания о народонаселении, взаимосвязать изучение его отдельных сторон. В первые десятилетия нынешнего столетия содержание изучения народонаселения все более усложнялось. Именно в этой связи и появилось в 20-е годы понятие «проблемы народонаселения», отразившее стремление в новых исторических условиях охватить основной круг актуальных вопросов народонаселения. В 1923 г. в Филадельфии вышла книга американского социолога Э. Рейтера, заголовок которой «Проблемы народонаселения» был повторен во многих изданиях. О том, какое содержание вкладывалось в новое понятие, можно судить по книге руководителя центра по изучению народонаселения университета в Майами (США) У. Томпсона[50], которая являлась одной из наиболее известных работ подобного типа и с 1930 г. несколько раз переиздавалась вплоть до середины 60-х годов. Она открывается обзором концепций народонаселения. Затем следуют главы о структуре народонаселения, рождаемости, смертности, заболеваемости и росте населения. Отдельно характеризуются проблемы промышленности, а также сельского хозяйства, связанные с ростом населения. Подробно освещены демографические аспекты урбанизации. В заключение рассматривается

---

[49] См.: Большая энциклопедия/Под ред. С. Н. Южакова. Спб., 1903. Т. 13. Статья «Население».

[50] См.: *Tompson W. S.* Population problems. N. Y., 1930. Последнее изданиен вышло в 1964 г.

миграция, а также проблемы оптимума населения и контроля за ростом последнего. Таким образом, в книге был выделен и очерчен довольно широкий круг проблем.

Постановка их выдвигала вопросы усиления взаимодействия наук, проведения междисциплинарных исследований, комплексного подхода к ним[51]. Свою роль сыграла деятельность ООН в области народонаселения (комплексная по своему характеру), что выразилось и в работе Всемирных конференций ООН по народонаселению (1954, 1965, 1974, 1984).

Развитие междисциплинарных исследований, комплексного подхода диктуется логикой движения научных знаний, но вместе с тем это развитие трансформирует и сковывает сама природа капиталистического общества, его классово ограниченная постановка проблем народонаселения, извращение и затушевывание их социального содержания, сведение коренных проблем к частным.

В советской науке потребности разработки комплексного изучения народонаселения настоятельно выявились в последние десятилетия. Если еще раз обратиться к библиографическим указателям советской литературы о народонаселении, вышедшим в 60—80-е годы, то они раскроют широкий тематический диапазон зафиксированных в них работ. Такой диапазон отражает объективный процесс развития комплексного изучения проблем народонаселения, осуществляемого наряду с демографией целым рядом наук и научных направлений. Значительное внимание этим проблемам, в том числе в аспекте трудовых ресурсов, уделяют экономисты. Активно в изучение рождаемости и семейно-брачных отношений включились социологи и отчасти психологи. Изучением географии населения и его миграций занимаются географы. Разработку ряда демографических проблем ведут представители медицинской науки, сотрудничают с демографией историки, этнографы, правоведы, антропологи и представители некоторых других наук. Идет становление новых научных направлений — экономики народонаселения, социологии народонаселения, экологии народонаселения и других.

Все это придает актуальность разработке методологии взаимодействия, более тесной стыковке наук в изучении народонаселения и синтезу знаний в данной области.

---

[51] См., например: The Study of Population. An Inventore and Appraisal/Ed. by P. M. Hauser and O. D. Dunkan. Chicago, 1959 (1963).

Значение этих вопросов было отмечено еще в начале 60-х годов[52]. В последующий период сторонники комплексно-синтезирующего подхода начали разработку его основных теоретических проблем, что нашло отражение в ряде коллективных трудов[53].

В научной литературе появилось новое понятие — «система знаний о народонаселении». Оставляя в стороне вопрос, насколько удачен или неудачен этот термин, отметим, что он употребляется главным образом для обозначения «новой теоретической конструкции»[54], а фактически имеет другое первичное значение: это само исторически сложившееся и объективно существующее изучение народонаселения в целом ряде наук (в системе знаний), их обобщение. Оно, независимо от того, как его называть, является реальным фактом и как таковое свойственно изучению народонаселения «вообще», т. е. проявляется не только в советской, но (что совершенно не рассматривается в нашей литературе) и в буржуазной науке, которая, как было показано, также предпринимает попытки так или иначе обобщить этот процесс. Как подтверждает опыт изучения народонаселения, такое обобщение возможно только с диалектико-материалистических позиций. Вот почему заявленная в советской науке разработка системы знаний о народонаселении заслуживает серьезного внимания, а главное — дальнейшего обоснования и развития ее положений.

Отмечая уже сделанное в этом направлении, нужно прежде всего указать на большую работу по систематизации и субординированию наук и научных направлений, занимающихся проблематикой народонаселения. В результате выработано стройное и логичное понимание системы знаний о народонаселении. Основу ее составляют общеметодологические науки (исторический материализм, научный коммунизм и политэкономия), сердцевину — демографическая наука, тесно взаимодействующая с широким кругом общественных и рядом естественных наук, которые изучают различные стороны жизнедеятельности народонаселения.

---

[52] См.: *Валентей Д. И.* Проблемы народонаселения. М., 1961.

[53] См.: Система знаний о народонаселении; Управление развитием народонаселения в СССР. М., 1977; Основы теории народонаселения. М., 1977; Основы управления развитием народонаселения. М., 1982; и др.

[54] Система знаний о народонаселении. С. 126.

Однако система знаний о народонаселении, будучи совокупностью организованного знания, не сводится к ранжировке наук. Разработка ее направлена на то, чтобы обеспечить наиболее плотную «стыковку» между науками и синтез полученных знаний о народонаселении. Основу для этого дает, по мнению ученых, работающих в данной области, общая теория народонаселения, являющаяся «теорией среднего уровня» (по отношению к наиболее общей теории развития общества) и представляющая собой совокупность общеметодологических и общетеоретических положений и концепций, объясняющих сущность происходящих в народонаселении процессов развития, их связь со всеми другими социальными процессами.

Общая теория народонаселения пока только заявлена[55], от последующей разработки ее в значительной степени зависит, насколько удастся на данном уровне научных знаний о народонаселении синтезировать их, обеспечить наиболее тесный «стык» между науками. Не касаясь более подробно данного вопроса, отметим только, что в постановке его содержится весьма существенный момент, способствующий выявлению роли исторической науки в системе знаний о народонаселении, которая, как это ни удивительно, оказалась, по существу, не замеченной авторами отмеченных выше теоретических разработок.

В соответствии с этими разработками общая теория народонаселения рассматривается как теория развития народонаселения. Само понятие «развитие народонаселения» не ново и долгое время связывалось только с изменениями количественных показателей, которые сразу же бросаются в глаза и которым обычно уделяется наибольшее внимание. Новая трактовка этого понятия значительно расширяет и углубляет его содержание. По определению Н. В. Зверевой, развитие народонаселения — закономерный процесс количественных и качественных изменений в народонаселении, усложнение системы его связей и отношений, ведущее на определенном этапе общественно-исторического развития к переходу населения из одного качественного состояния в другое[56]. Если предметом демографической науки является изучение законо-

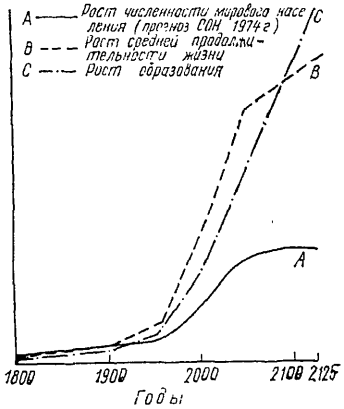
---

[55] См.: Система знаний о народонаселении. С. 37—139.

[56] См.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 357.

мерностей демографического воспроизводства, то система знаний о народонаселении, считают ученые, разрабатывающие ее теоретические вопросы, имеет своим предметом раскрытие законов всего развития народонаселения (включая и демографическое воспроизводство).

Значительный интерес (и особенно для разработки теоретических вопросов изучения истории народонаселения) представляет выдвинутое Г. М. Коростелевым и В. С. Краевым положение о том, что развитие народонаселения должно рассматриваться в качестве социального фактора, т. е. фактора общественно-исторического процесса. Включая в себя, по их мнению, социальное, демографическое и «естественное» (физическое) развитие населения, оно имеет своим источником действие законов общества и вместе с тем «весьма существенно влияет на общественное развитие, определенным образом модифицируя его» [57].



Рост численности мирового населения и изменение его некоторых качественных характеристик (улучшение здоровья, развитие образования) в XIX—XX вв.

Отмеченные подходы имеют важное значение и для понимания исторических исследований народонаселения. В целях выработки этого понимания нужно остановиться на рассмотрении двух вопросов, один из которых связан с общей характеристикой изучения истории народонаселения как отрасли исторического знания, другой — с раскрытием значения исследований истории народонаселения.

Обращаясь к первому вопросу, отметим, что в силу многообразия процессов развития народонаселения, объективной необходимости его комплексного изучения

---

[57] *Коростелев Г. М., Краев В. С.* Буржуазные концепции народонаселения. М., 1981. С. 14. Поскольку развитие народонаселения социально детермировано, авторы справедливо ставят под сомнение правомерность утверждения, что народонаселение является «саморазвивающейся совокупностью».

исследования истории народонаселения также осуществляются комплексно. Но у этой комплексности есть своя специфика, которая порождает интегральные возможности. Эта специфика выражается в том, что хотя отдельные аспекты истории народонаселения и рассматриваются в различных науках, но каждая из них при этом непременно взаимодействует с исторической наукой. Последняя, таким образом, участвует в разработке всех аспектов истории народонаселения. Но это только одна сторона рассматриваемого вопроса. Другая заключается в том, что историческая наука не просто участвует в такой разработке, но и интегрирует все полученные при этом знания, является единственной конкретной наукой, которая исследует историю народонаселения не в отдельных ее аспектах, а во всей ее совокупности.

Нужно заметить, что понятие «история народонаселения» не всегда применяется адекватно его действительному содержанию. Порой пишут, что, скажем, историческая география населения — это научная дисциплина, изучающая историю народонаселения. Но это неточно. Данная дисциплина изучает только часть истории народонаселения — развитие закономерных связей между последним и природно-географической средой. Можно привести другие аналогичные примеры, но вывод будет один: история народонаселения не сводится к какому-либо одному ее аспекту или разделу.

Если попытаться дать дефиницию, то история народонаселения должна быть определена как объективный исторический процесс, являющийся органической частью всего общественно-исторического развития и представляющий собой диалектическое единство различных сторон исторической жизнедеятельности народонаселения. Это вся совокупность «историко-народонаселенческих» проблем, каждая из которых связана с определенным историческим аспектом (социальным, экономическим, демографическим, географическим и др.) развития народонаселения, но в единстве образующих его историю[58]. Иначе

---

[58] В связи с выявлением содержания этого понятия необходимо четко определить и употребление термина «история народонаселения». В настоящее время он применяется в двух значениях: им обозначается объективный процесс исторического развития народонаселения и вместе с тем его изучение. В последующем изложении данный термин используется только в первом из этих значений, а исследование указанного процесса обозначается термином «изучение истории народонаселения».

говоря, это все стороны всемирно-исторического процесса, связанные с развитием народонаселения, которое является одним из факторов этого процесса.

Поэтому решающая роль в изучении истории народонаселения как таковой принадлежит историческому материализму. В свою очередь, историческая наука, исходя из методологических положений последнего, выступает как единственная конкретная наука, исследующая все стороны истории народонаселения. При этом разработку проблематики каждой из отдельных сторон она ведет во взаимодействии с соответствующей наукой, которая «ведает» данной стороной изучения развития народонаселения. Иными словами, каждый конкретный аспект истории народонаселения исследуется как исторической наукой, так и той наукой, с предметом которой он связан. Выражением этого являются смежные исторические дисциплины (историческая социология, историческая демография, историческая география населения, историческая психология и др.), имеющие «двойное подчинение». Они входят в историческую науку и вместе с тем являются историческими разделами соответствующих наук. Таким образом, историческая наука, опираясь на изучение развития народонаселения историческим материализмом, интегрирует все конкретные исторические знания о народонаселении, полученные ею в ходе совместных исследований с другими науками, и обеспечивает их разработку в совокупности.

Таков объективный ход изучения истории народонаселения. Анализ его позволяет дать содержательную характеристику этого изучения, определить его место в исторической науке и соотношение с другими «народонаселенческими» науками. Рассмотрение истории народонаселения как исторического процесса, выражающего единство различных (историко-социальной, историко-экономической, историко-демографической, историко-географической и др.) сторон исторического развития народонаселения, интегрируемых исторической наукой, выдвигает практическую задачу осмысления изучения истории народонаселения как целой области исторических знаний.

Известно, что отрасль науки нельзя «выдумать» или «сконструировать». Она возникает и развивается в результате объективного движения научного познания. Не является исключением и область изучения истории народонаселения. Зачатки его стали складываться еще в

XVI—XVIII вв. На их последующее развитие большое влияние оказали, во-первых, выявление в середине XVIII в. новой общественной категории «народонаселение», что открыло путь к осознанию последнего как субъекта общественно-исторического процесса, во-вторых, превращение в начале XIX в. исторических знаний в науку, обеспечивающее многостороннее рассмотрение указанного процесса, в том числе и в аспектах истории народонаселения. Однако буржуазная историография хотя и ввела в оборот понятие «история народонаселения», но не смогла обеспечить всестороннюю разработку данной области знаний, а также теоретически обосновать ее.

Это возможно только на основе марксистско-ленинского изучения народонаселения советской историографией за последнее время значительно продвинувшейся вперед. Не искусственное конструирование «новой научной области», а необходимость выявить этот фактический процесс движения исторических знаний и тем самым максимально содействовать их развитию — такова цель постановки вопроса о разработке целой отрасли исторической науки — изучения истории народонаселения.

Такой подход к первому из поставленных выше вопросов дает основу и для рассмотрения второго вопроса, позволяет определить значимость изучения истории народонаселения как, собственно, для исторической науки, так и для разработки проблем народонаселения, всей системы знаний о нем.

Необходимость исследований истории народонаселения для исторической науки определяется тем, что они неразрывно связаны с изучением социально-экономической истории, которая не может быть всесторонне раскрыта без анализа развития народонаселения как субъекта и объекта общественного производства и всех социальных отношений. При этом важное значение имеет правильное понимание соотношения таких категорий, как «общество» и «народонаселение». Приведенное в предшествующем параграфе положение, согласно которому народонаселение, будучи само системой, выступает как подсистема по отношению к системе «общество в целом», позволяет определить и место изучения истории народонаселения во всем процессе исследований истории общества. Как ни важна разработка истории народонаселения, она не является самодовлеющей, а подчинена рас-

крытию социально-экономической истории, представляет собой часть исследований всего социально-исторического процесса.

Известно, что история как наука немыслима вне общества, но и общество не существует без истории. Одним из основных компонентов ее является история народонаселения, разработка которой диктуется потребностями современного общественного развития. Выше было отмечено, что эту разработку историческая наука осуществляет во взаимодействии с целым рядом других наук. Ее вклад в изучение проблематики народонаселения, органически входит в комплекс исследующих его наук, в систему научных знаний о нем.

Этот вклад реализуется по двум направлениям: во-первых, в разработке конкретных проблем народонаселения, анализ ретроспективы которых невозможен без участия исторической науки, какой бы другой наукой он ни осуществлялся; во-вторых, в интеграции всех данных о прошлом народонаселения, о всей ретроспективе его развития.

На наш взгляд, эти интегративные возможности исторической науки не вполне учитываются при разработке теоретических вопросов системы знаний о народонаселении. Заметим попутно, что у понятия «развитие народонаселения» есть синоним — «история народонаселения», так как термин «история», привычно ассоциирующийся только с прошлым, означает также и всякий процесс развития в природе и обществе[59].

Из сказанного следует, что исследование народонаселения в его истории — один из важнейших, более того, необходимых компонентов всего его изучения, а советская историческая наука относится к числу ведущих «народонаселенческих» наук. Она по праву выступила свыше четверти века назад инициатором глубокого изучения народонаселения, выдвинула на передний план его историческую проблематику. Эта проблематика ныне все более органично входит в общий процесс изучения социальной и экономической истории, прежде всего истории СССР.

Вместе с тем современность диктует и новые задачи в данной области. Важнейшие из них вытекают из ре-

---

[59] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16.

шений КПСС по вопросам народонаселения и демографической политики.

Специфическое ядро комплекса взаимосвязанных вопросов демографической политики социалистического общества составляют проблемы воспроизводства населения СССР, изучение которых является предметом советской демографической науки. В разработке этих проблем она взаимодействует с целым рядом наук, в числе которых одно из первых мест принадлежит исторической науке. Изучение сфер соприкосновения истории и демографии, их взаимодействия выдвинулось сегодня в число первоочередных задач развития марксистско-ленинского изучения народонаселения.

Глава 2

ДЕМОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ

1. РУБЕЖИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Всего лет двадцать — двадцать пять назад термин «демография» был достоянием узкого круга специалистов. Сегодня средства массовой информации обращаются к миллионным аудиториям с материалами, посвященными демографической тематике, ничуть не опасаясь быть непонятыми.

Впрочем, не следует и преувеличивать. Насколько обоснованно такое отсутствие опасений и всегда ли сами эти материалы соответствуют строго научному пониманию термина «демография»? Стремление ответить на это неминуемо приводит к другому, главному вопросу: что представляет из себя демография как самостоятельная общественная наука, проще говоря, что такое наука демография?

При современном обильном употреблении этого понятия оно нередко трактуется весьма неопределенно, порой в духе буквального перевода слова «демография», т. е. «описание населения». То или иное самое общее восприятие существа научно-демографической проблематики, может быть, и достаточно для широкой аудитории, но оно недопустимо во взаимодействующих с демографией науках, в том числе и в исторической, где часто историко-демографические исследования отождествляются с изучением всей истории народонаселения.

В общем-то не всегда, но нередко бывает, что по мере удаления от эпицентра той или иной науки складывающиеся о ней извне представления становятся все бо-

лее обобщенными. В случае с демографией это положение усугубляется тем, что «эпицентр» этой науки (т. е. содержание и характер исследования ее предмета) длительное время не был определен достаточно четко, трактовался односторонне, да и сейчас вызывает дискуссии среди самих демографов, включая и советских.

Означает ли это правоту современного французского демографа А. Сови, который в переведенной на русский язык книге называет демографию «дикой наукой без учителей и учеников», которая-де «вездесуща и неуловима», «не имеет строго определенных границ»[1]? В этой оценке растерянность перед задачами, возникшими в изучении демографических проблем современности, неспособность осмыслить развитие демографии. В свое время А. Ландри (кстати, Сови считает его своим учителем) заметил, что сами демографы имеют о прошлом своей науки «недостаточное представление»[2].

Научные представления об истории демографии необходимы, конечно, в первую очередь демографам. Но они важны и для всех специалистов, изучающих народонаселение и особенно работающих в пограничных с демографией областях. Историк, исследующий историко-демографическую тематику, должен четко представлять не только современную демографическую науку, но и основные этапы ее исторического развития, т. е. историю возникновения и формирования демографии.

С той поры, когда А. Ландри отметил, что история демографии является одним из наименее разработанных разделов последней, прошло едва ли не полвека. Однако положение мало изменилось. Даже время возникновения этой науки датируется по-разному в пределах более чем трехсотлетней амплитуды — от XVII в. до середины XX в. Наиболее распространенная до недавнего времени датировка «начинает» демографическую науку «от Граунта», т. е. от выхода в 1662 г. в Лондоне небольшой книги «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» галантерейного купца Д. Граунта, ординарного, по замечанию английского историка науки Д. Бонара, человека, который совершил экстраординарное. На основе изучения бюллетеней смертности Граунт впервые установил (очевидно, при том или ином участии родоначальника буржуазной политической эко-

[1] *Сови А.* Общая теория населения. М., 1977. Т. I. С. 40; Т. 2. С. 461.

[2] *Landry A.* Op. cit. P. 12.

номии В. Петти) некоторые закономерности в смертности и рождаемости жителей английской столицы, попытался построить таблицу дожития. Обоснование указанной датировки породило примерно со второй половины XIX в. относительно обширную литературу.

В последние десятилетия, казалось бы, «незыблемая» датировка «от Граунта» начала подвергаться серьезному сомнению. В западной литературе это связано с пересмотром буржуазной концепции истории демографической науки, определяемым ее стремлением примерно с 50—60-х годов выйти за узкий круг «чистой демографии» (ведущей, как считается, свое начало «от Граунта») и развернуть изучение взаимодействия демографических и других факторов общественного развития. В этой связи американский демограф Ф. Лоример пишет: «Если и существует некоторая «апостольская последовательность», начиная с Д. Граунта и кончая демографами наших дней, то она полностью исчерпывается анализом смертности и построением таблиц продолжительности жизни»[3]. Его английский коллега Д. Гласс следующим образом резюмировал новое понимание истории возникновения демографической науки: «Демография как область исследования ведет начало с 1662 г., когда была опубликована работа Д. Граунта «Наблюдения», однако как наука она определилась лишь в середине XIX в., тогда же получив свое наименование»[4]. Такое представление, не вытеснив полностью датировку «от Граунта», получило определенное распространение в современной западной литературе.

Что касается советской демографической литературы, то она также не избежала представлений о единовременном зарождении демографической науки в конце XVII в. Традиция вести демографию «от Граунта» сохраняется и в современных работах, в том числе в учебных пособиях, что еще раз подтверждает необходимость более глубокого изучения истории данной науки.

Именно в связи с обоснованием этого примерно в середине 70-х годов выявился иной подход к вопросу о времени возникновения демографической науки: «Д. Граунт положил начало статистике населения, которая позже, где-то в середине XIX в., вышла на новые теоретиче-

---

[3] *Lorimer F.* The development of demography//The Study of Population. P. 157.

[4] Population in History. Essays in Historical Demography/Ed. by D. V. Glass and D. E. C. Eversley. L., 1965. P. 1.

ские рубежи и стала по сути своей демографией» [5]. Здесь правильно, по нашему мнению, определено время формирования науки, но процесс этот трактуется таким образом, что ее возникновение выводится из статистики. Последнее отражает, можно сказать, широко распространенное мнение, согласно которому демография «зародилась в недрах статистики», «вычленилась» из нее и т. д.

Рассмотрение процесса возникновения демографической науки требует иного ракурса. Демографическая наука не возникла в XVII в. (от Граунта) и не родилась в XIX в. из статистики, а сформировалась в ходе развертывания научного изучения народонаселения. Зарождение и развитие научных знаний о народонаселении в XVI — начале XIX в. сопровождалось формированием первичных представлений о его воспроизводстве, которые стали предпосылкой возникновения демографической науки. «Многие ученые собрали большое число драгоценных данных о населении, рождениях, браках и смертности»,— писал на рубеже XVIII—XIX вв. французский математик П. Лаплас. В это время уже началась дифференциация обществознания и «отпочкование» научных дисциплин. Вслед за юридической и исторической науками оформляются политическая экономия, этнография, несколько позже позникает позитивистская социология. Примерно с 40—50-х годов XIX в. этот процесс охватил и область научного изучения народонаселения.

Появление названия науки — внешний, но важный показатель процесса ее оформления. В этой связи следует вспомнить об упоминавшейся в предшествующей главе популяционистике. Попытка Х. Бернулли создать в начале 40-х годов XIX в. учение о народонаселении в форме популяционистики явилось первым свидетельством начала непосредственного оформления той отрасли знания, для обозначения которой в следующем десятилетии впервые был применен термин «демография». Он появился во французской литературе после того, как в Париже в 1855 г. вышла книга «Элементы человеческой статистики, или Сравнительная демография», написанная французским естествоиспытателем и математиком А. Гийяром. Однако потребовалось время, чтобы он вошел в научный оборот. Прежде чем это случилось, немецкий статистик Э. Энгель предложил в 1871 г. еще

---

[5] Система знаний о народонаселении. С. 213.

один термин — «демология», но это предложение не получило поддержки. В 1877 г. в широко известной французской энциклопедии П. Ларусса (т. 16) впервые была опубликована статья «Демография», что свидетельствовало о начавшемся утверждении новой науки и распространении связанного с ней термина. Его официальное признание началось после того, как он был введен в 1882—1883 гг. в название Международных конгрессов гигиены и демографии.

Появление и распространение термина «демография» (он повсеместно утвердился в научной литературе европейских и других стран лишь с середины XX в.) по-своему отразили не только возникновение новой науки, но и сложность ее последующего становления.

Первоначально она трактовалась в самом широком плане как «естественная и социальная история человеческого рода» (А. Гийяр), «наука о человеческих обществах» (Э. Энгель) и т. д. Одновременно стала складываться традиция подмены демографической науки статистикой населения, которая приобрела особенно устойчивый характер в Германии. Воздействие этой традиции сказалось и в русской дореволюционной науке. Хотя термин «демография» в отечественной литературе был впервые применен в 1872 г., он длительное время заменялся понятием «статистика населения» [6].

При своем возникновении во второй половине XIX в. демография носила преимущественно описательный характер и рассматривала состав и движение населения. В известном смысле типичен подход к этой проблематике Ю. Э. Янсона, который в последней четверти XIX в. был одним из крупных русских специалистов в области статистики населения. Как и в современной ему западной демографии, Янсон делит изучение населения на его статику и динамику. К статике населения он относил: численность, населенность и густоту, размещение населения, состав (половой, возрастной, по семейному состоянию, по занятиям и хозяйственному положению), физические свойства (здоровье). В изучение динамики населения он включал: брачность, рождаемость, смертность. изменение коэффициентов движения населения во

[6] См.: *Анучин Е.* Значение статистики как науки и Международный статистический конгресс. Спб., 1872. Известный статистик А. Ф. Фортунатов в 1907 г. писал о «демографии (популяционистике или статистике населения)» (*Фортунатов А. В.* О статистике. М., 1907. С. 38).

времени, миграцию в пределах Европы, эмиграцию из Европы.

Комментируя эту схему, автор одной из первых русских статей о демографии А. Е. Яновский писал, что у Ю. Э. Янсона динамика населения означает движение, выражающееся: а) «в поступательной замене одних поколений другими, в силу *естественных* процессов вымирания и нарождения (главным *социальным* условием последнего является брачность)» (курсив наш.— *Д. Ш.*) и б) «в перемещении массы населения из одних местностей в другие» [7].

Отметим, во-первых, что здесь языком того времени выражено понятие воспроизводства населения; во-вторых, процессы его («вымирание и нарождение») рассматривались как биологические и только «нарождение» отчасти социально обусловлено брачностью. Не случайно, что именно в это время утвердились термины «естественное движение населения» и «механическое движение населения». Их появление было прямым результатом непонимания социальной природы демографических процессов, а также миграции [8].

---

[7] *А. Я. (А. Е. Яновский)* Демография//Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1893. Т. 19. С. 367. Это было первое упоминание термина «демография» в русских справочных изданиях.

[8] Эти термины перешли в советскую науку и, к сожалению, до сих пор имеют немалое распространение (в том числе в работах историков), хотя неоднократно подчеркивалась их несостоятельность. Так, еще в начале 30-х годов было отмечено, что термин «естественное движение населения» как «отражающий стремление классической демографии к биологизации проблемы населения, отвергается» советской наукой (БСЭ. М., 1932. Т. 24. С. 545). Четверть века спустя С. Г. Струмилин был вынужден констатировать, что «наши демографы все еще пользуются столь устарелыми терминами, как «естественный» прирост, «естественное» движение населения и т. п., они явно недооценивают... примат экономики над биологией в современном обществе» (*Струмилин С. Г.* Предисловие//*Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956. С. 12). В последние десятилетия получил распространение термин «воспроизводство населения», применение которого в демографических исследованиях не вполне точно, так как он означает не только возобновление поколений, но и всю совокупность многообразных процессов воспроизводства населения. В этой связи предпринимаются попытки найти ему замену. Например, Б. Ц. Урланис предложил термин «возобновление населения» («демовозобновление»), другие авторы пишут о «демовоспроизводстве» («демографическом воспроизводстве») и т. д. В последующем изложении ввиду отсутствия более удачных терминов будут использоваться два последних — «демовоспроизводство» и «демовозобновление», а применение понятия «воспроизводство населения» будет означать (кроме специально оговоренных случаев), что речь идет

Демография как наука формировалась в рамках буржуазного обществоведения, а становление ее происходило в условиях, когда оно вступило вместе со всей капиталистической системой в глубокий кризис, ярко выявившийся после победы Великой Октябрьской социалистической революции и усилившийся с 40—50-х годов. Это оказало и оказывает серьезное воздействие на западную демографию, которая в силу несостоятельности буржуазных теорий народонаселения длительное время развивалась в значительной мере только на базе эмпирических (количественных) исследований, замыкаясь в их пределах. В результате этого научная теория и методология изучения демографических процессов подменялась (да и подменяется теперь) методами и методиками обработки конкретных данных, а сама демографическая наука сводилась к формальной (чистой) демографии[9].

Всемирная конференция ООН по народонаселению, состоявшаяся в 1954 г. в Риме, была вынуждена констатировать, что вплоть до середины XX в. демографические исследования не выходили за узкий круг формальной демографии, а осуществлявшие их ученые находились в научной изоляции. В этих условиях осмысление проблемы воспроизводства населения во многом было связано с демографо-математическими подходами, в первую очередь с созданием модели стабильного населения. Анализ этого чисто теоретически представляемого населения, обладающего с некоторого исходного момента времени условно неизменными функциями рождаемости и смерт-

---

только о «демографическом воспроизводстве». Что касается термина «механическое движение населения», то он вытесняется термином «миграция населения», который в русской дореволюционной литературе почти не применялся.

[9] Понятие формальной (или чистой, т. е. «очищенной» в формально-статистическом смысле) демографии появилось в конце XIX в. и получило распространение в первой половине нашего столетия в связи с утверждением представлений, что изучение демовоспроизводства полностью исчерпывается количественным аспектом. Иногда как тождественное ему употреблялось понятие «теоретическая (т. е. основанная на математической теории) демография». Формальная (чистая, или теоретическая в указанном смысле) демография в действительности является только частью демографической науки, точнее — важнейшим разделом демографического анализа, понимаемого как анализ демографо-статистических данных. В современной литературе применяется понятие «математическая демография», которым обозначается раздел демографического анализа, изучающий количественные данные о народонаселении математическими методами на основе применения демографических моделей.

ности, впервые позволил увидеть воспроизводство населения как единый процесс, как нечто целостное. В законченном виде такую модель разработал в первые десятилетия XX в. американский демограф А. Лотка, но у него было много предшественников — от Л. Эйлера (конец XVIII в.) до В. И. Борткевича (90-е годы XIX в.). Важным этапом в изучении воспроизводства населения была разработка в 1884 г. немецким ученым Р. Бёком адекватных измерителей интенсивности этого процесса. Они не сразу получили широкое признание, лишь в 20-х — начале 30-х годов нашего столетия его ученик Р. Кучинский, опираясь на идеи Бёка, применил и широко популяризовал коэффициенты воспроизводства населения, получившие позже истолкование в рамках модели стабильного населения.

В 20—40-е годы были предприняты попытки вести демографические исследования во взаимосвязи с изучением другим общественных явлений, однако в условиях господства реакционных теорий они не могли быть полностью реализованы[10]. И хотя в те десятилетия были выдвинуты некоторые концепции («оптимум населения», «демографическая революция», «демографический переход» и др.), в целом изучение закономерностей демографического развития не соответствовало запросам действительности.

Эти запросы, воздействие глобальных общественно-политических, социально-экономических и демографических изменений («демографический взрыв» в развивающихся и снижение рождаемости в развитых странах) определили переход примерно с 50-х годов буржуазной демографии к ее современному периоду деятельности. Он характеризуется усилением внимания к изучению взаимосвязей демографического, экономического и социального факторов общественного развития. Но не следует преувеличивать глубину этого перехода. При значительном росте в 70—80-х годах числа демографических исследований, выдвижении в них «новых» концепций их действительное значение не поднимается выше демографо-статистического уровня[11].

---

[10] См.: *Валентей Д. И.* Реакционные теории народонаселения периода общего кризиса капитализма. М., 1968.

[11] Последний обзор современной западной демографической литературы см.: *Осколкова О. Б.* Современные демографические тенденции. М., 1984.

В этом плане нужно коснуться понимания вопроса о так называемой мировой демографии. Такое выражение, порой встречающееся в нашей литературе, может создать иллюзию существования некоей «внемировоззренческой» демографической науки, неправильно интерпретирует тот реальный факт, что исследования по демографии осуществляются как в рамках буржуазного обществоведения, так и с позиций марксистско-ленинской методологии. Если абстрагироваться от этого факта, то действительно можно назвать некоторые свойства, присущие демографической науке «вообще». Она имеет в основном единый предмет исследования и связанный с ним круг проблем, опирается на одинаковые по своему типу источники данных (переписи населения, его текущий учет и т. д.) и главное — разрабатывает их на основе демографо-статистического анализа, приемы и методы которого, ряд выводимых из него количественных закономерностей одинаково служат изучению народонаселения как в капиталистическом обществе, так и при социализме. Однако уже постановка задач, методологическая основа синтеза полученных в виде демографо-статистического анализа результатов, их содержательная трактовка и ряд других существенных моментов резко «разводят» изучение демографии в марксистско-ленинской и в буржуазной науках. Это объективно обусловлено коренным различием их методологических основ, а также выполняемых ими социальных функций. Осуществляя функцию марксистско-ленинской общественной науки, советская демография выполняет социальный заказ социалистического общества, что относится не только к изучению воспроизводства народонаселения СССР, но и к разработке ею мировой демографической ситуации, глобальных проблем народонаселения. Свой социальный заказ имеет и буржуазная демография. Вне зависимости от субъективных устремлений тех или иных ее представителей он диктуется политическими, экономическими и другими интересами капиталистического общества. Четкая оценка этих двух основных политико-идеологических форм развития демографии в современном мире отнюдь не исключает необходимость постоянного критического использования советскими учеными всего опыта, накапливаемого в изучении демографической проблематики. Но при этом не должно быть упущено главное — это изучение является полем идейной борьбы, которая опосредованно и в сложных переплетениях в конечном итоге

отражает современное противоборство двух социальных систем.

Памятуя это, перейдем к характеристике основных периодов истории советской демографической науки, которая начала формироваться одновременно со становлением всей советской науки после победы Октября.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. ЛОМОНОСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1952 • ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. ЛОМОНОСОВ

ТОМ ШЕСТОЙ
ТРУДЫ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ВОПРОСАМ И ГЕОГРАФИИ
1747 – 1765 гг

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952 ЛЕНИНГРАД

В этом томе дана современная публикация трактата М. В. Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа». Трактат написан в 1761 г., впервые полностью опубликован в 1873 г. в журнале «Русская старина»

Ее создание шло не на пустом месте. Изучение народонаселения в дореволюционной России, осуществлявшееся в основном в том же русле, что и в других европейских странах, получило определенное развитие. Уже в XVIII в. проблемы народонаселения привлекли внимание ряда ученых, что ярко выразилось в сочинении М. В. Ломоносова «О размножении и сохранении российского народа», в трудах других ученых[12]. В XIX в. были составлены первые таблицы смертности, в пореформенный период началось изучение рождаемости, разрабатывался ряд других проблем. Значительное внима-

[12] См.: *Кукушкин Ю. С., Шелестов Д. К.* К юбилею старейшего русского университета//Прошлое и настоящее демографии. М., 1980.

ние на рубеже XIX—XX вв. стало уделяться внутренним миграциям населения — переселениям. Хотя в изучении народонаселения имелись отдельные достижения, накануне 1917 г. оно испытывало кризис, являвшийся отражением общего кризиса, который переживала буржуазно-помещичья Россия.

Строительство и победа социализма в СССР создали прочную основу развития всей советской науки, в том числе и советской демографии, в истории развития которой можно выделить три основных периода. Первый из них характеризуется становлением марксистско-ленинской демографической науки, которое в основных чертах определилось к середине 30-х годов. Вместе с тем в следующий период (вторая половина 30-х — конец 50-х годов) на ее развитии сказался ряд негативных моментов. Распространение ошибочного представления о том, что победа социализма сама по себе решает проблемы воспроизводства населения, а также некоторых других неверных теоретических положений о роли и месте народонаселения в общественном развитии привело к тому, что демография стала, по существу, низводиться до уровня регистратора статистических данных. Тем не менее поступательное движение советской демографии продолжалось.

Ее подъем, начавшийся с 60-х годов, был обусловлен все более нарастающими потребностями социалистического общества в глубокой научной разработке проблем народонаселения. То была пора начала научных дискуссий, развертывания публикаций исследований и подготовки кадров. В это же время складываются основные научные коллективы, работающие в области демографии. Самым крупным среди них стал образованный в 60-е годы Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [13]. Тогда же развернул свою деятельность Отдел демографии НИИ ЦСУ СССР. Несколько позже был создан Отдел социально-демографических проблем ИСИ АН СССР. Демографические исследования развернулись во многих вузах страны, ведутся в академических и науч-

[13] Он состоит из кафедры народонаселения и Проблемной лаборатории народонаселения; кроме того, при ЦН действуют спецфакультет по переподготовке специалистов по демографии, а также Демографические курсы ООН для специалистов из развивающихся стран. На базе ЦН готовятся ежеквартальные сборники «Народонаселение», издающиеся с 1973 г.

но-исследовательских учреждениях всех союзных республик.

Значительные изменения, происшедшие в развитии советской демографии в 60—80-е годы, зафиксировали первое в истории науки марксистско-ленинское учебное пособие «Курс демографии» (1-е изд.— 1967; 2-е изд.— 1974; 3-е изд.— 1985), а также Демографический энциклопедический словарь.

Исследования советской демографии осуществляются в творческом содружестве с учеными других социалистических стран. Проведенные в этих странах коренные социально-экономические преобразования, победа социализма, утверждение диалектико-материалистического мировоззрения обусловили становление действительно научного изучения народонаселения, неразрывно связанного с решением современных задач социалистического строительства[14]. Содружество ученых социалистических стран — важный залог развития демографии, распространения диалектико-материалистического подхода к изучению народонаселения среди прогрессивных буржуазных ученых и особенно в формирующейся науке развивающихся стран.

Обзор истории демографической науки показывает сложность формирования демографических знаний, подводит к выявлению ряда теоретико-методологических проблем современной демографии.

Одной из центральных среди них является определение предметной области осуществляемых в этой науке исследований. Эта проблема актуальна не только для самой демографии, хотя, конечно, в первую очередь относится к ней. В силу особого (стержневого) положения демографии во всей системе научных знаний о народонаселении проблема определения ее предметной области имеет важное значение для каждой из наук, так или иначе исследующих народонаселение. От характера этого определения зависят стыковка демографии с другими науками, их взаимодействие и междисциплинарные исследования, наконец, весь комплексный подход к изучению народонаселения, включая и его историю.

---

[14] В настоящей работе нет возможности остановиться на изучении народонаселения и развитии демографических процессов в социалистических странах. См.: *Бодрова В. В.* Народонаселение европейских социалистических стран. М., 1976; Проблемы народонаселения. Над чем работают ученые социалистических стран. М., 1977; и др.

На первый взгляд может показаться, что проблемы здесь нет. Как следует из приведенного очерка истории демографической науки, контуры ее предметной области обрисовались уже на исходе минувшего столетия, а в первые десятилетия нашего столетия в рамках формальной демографии была выявлена, так сказать, сердцевина этой области — изучение воспроизводства населения, рассматриваемое как взаимодействие процессов рождаемости и смертности.

Понятие «воспроизводство населения» в советской литературе появилось с начала 30-х годов[15], однако вплоть до 60-х годов разрабатывалось преимущественно в демографо-статистическом аспекте.

Его всесторонний диалектико-материалистический анализ развернулся только в последние два-три десятилетия. Начавшийся в 60-е годы подъем марксистско-ленинского изучения народонаселения закономерно выдвинул в центр внимания вопросы дальнейшего развития советской демографии, что потребовало четкого уяснения задач и содержания ее исследований, общего статуса этой науки. Развернувшиеся дискуссии выявили различные, подчас полярные точки зрения. Исходя из сложившихся в предшествующий период представлений, некоторые ученые ограничивали демографическую науку пределами демографической статистики. В то же время их оппоненты, по существу, растворяли демографию в широко понимаемой ими науке о народонаселении[16].

Выработка ее конкретного определения по времени почти совпала со становлением нового, современного подхода к демографии в западной науке, что сопровождалось стремлением дефинитивно осмыслить ее содер-

---

[15] Так, В. В. Паевский, инициатор создания и один из руководителей Демографического института АН СССР, писал в 1933 г.: «Современная наука не удовлетворяется разрозненно полученными коэффициентами рождаемости и смертности и требует совокупного изучения вопросов рождаемости и смертности с точки зрения единого вопроса — о воспроизводстве населения» (*Паевский В. В.* Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970. С. 47).

[16] Свою роль в этом сыграли энциклопедические издания. Так, в 1-м томе «Философской энциклопедии» (М., 1962) был дан термин «демография» без пояснения его значения и с отсылкой на статью «Народонаселения теория». В соответствующем томе (3-м, 1964 г.) такая статья не появилась, зато была опубликована статья «Народонаселение», по существу, посвященная демографии. Почти десятилетие спустя в 3-м издании БСЭ последняя была определена как наука, «изучающая население и закономерности его развития в общественно-исторической обусловленности» (М., 1972. Т. 8. С. 74).

жание. Опираясь на мнение ряда западных специалистов, пытавшихся дать «исчерпывающую картину демографии как науки и профессии XX века», американские ученые Ф. Хаузер и О. Дункан в конце 50-х годов следующим образом изложили содержание ее исследований: «Демография изучает численность, размещение и состав населения, а также происходящие в них изменения и компоненты этих изменений, которыми могут считаться рождаемость, смертность, пространственное движение и социальная мобильность (изменение общественного положения)»[17].

Данная дефиниция в своих общих чертах оказалась адекватной современному пониманию демографии и после существенной переработки была использована и в советской науке[18]. В «Курсе демографии» (М., 1985. С. 4) демография определяется как наука, «изучающая присущими ей методами численность, территориальное размещение и состав населения, их изменения, причины и следствия этих изменений, взаимосвязь социально-экономических факторов и изменений в населении; она раскрывает закономерности воспроизводства населения в широком смысле этого слова и полученные знания ставит на службу общественного развития».

Такое определение демографии можно назвать универсальным. Но в этой универсальности не только сильная, но и слабая ее сторона. Сильная заключается в том, что демография характеризуется как действительно общественная наука, слабая — в неопределенном обозначении границ ее исследования народонаселения и особенно в слишком общей характеристике центральной проблемы этой науки — воспроизводства населения.

Таким образом, попытка универсального определения демографической науки возвращает к проблеме воспроизводства населения, трактовка которого в аспекте предмета демографии вот уже более двух десятилетий вызывает дискуссии среди советских ученых. «Демография,— было определено еще в середине 60-х годов,— это

---

[17] The Study of Population. P. 3.

[18] Впервые на русском языке дефиниция Ф. Хаузера и О. Дункана была приведена в одной из переводных работ с комментарием А. Г. Волкова (см.: Теоретические проблемы демографии. М., 1970). В таком виде она была перенесена в книгу «Основы теории народонаселения» (М., 1973), а из нее попала в «Курс демографии» и в некоторые другие издания (см., напр.: *Боярский А. Я., Валентей Д. И., Кваша А. Я.* Основы демографии. М., 1980. С. 16).

самостоятельная общественная наука, изучающая *воспроизводство населения в его общественно-исторической обусловленности.* Воспроизводство населения следует понимать в широком смысле слова, не только как его «естественное» воспроизводство вследствие рождаемости и смертности, но и как изменение его состава по ряду других социально значимых признаков (национальность, образование и т. д.), носителем которых является человек как общественное существо. Объектом демографии следует считать при этом не только процесс воспроизводства в указанном смысле, но и те связи, посредством которых передается на население влияние общественного устройства, многообразные взаимоотношения между движением населения и развитием экономики».[19]

Выработка такого понимания предмета изучения демографии стала заметным достижением начального этапа развертывания современных исследований народонаселения. Однако по мере дальнейшего развития этих исследований, углубления представлений о многообразии процессов воспроизводства населения стали обнаруживаться различные подходы к предмету демографии.

Не касаясь хода дискуссии, следует отметить, что фактически она развивается в двух взаимосвязанных плоскостях. Первая из них охватывает общие вопросы изучения народонаселения. Здесь выявилось два подхода. Один был отмечен выше в связи с характеристикой системы знаний о народонаселении, стержнем которой, по мнению сторонников этого подхода, является демография. Сторонники другого подхода, не разделяя концепцию системы знаний о народонаселении (впрочем, аргументированный критический разбор ее в литературе отсутствует), характеризуют демографию «как науку, занимающую определенное место в системе естественных и общественных наук, изучающую те закономерности явлений природы и общества, которые воздействуют на воспроизводство населения». При этом констатируется, что «такая система еще не определена достаточно четко»[20].

Дискуссия в этой плоскости как бы накладывается на более конкретную плоскость — обсуждение предмета самой демографии. Рассмотрение указанных расхожде-

---

[19] Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. М., 1969. С. 65. (Выступление А. Г. Волкова.)

[20] *Волков А. Г.* О предмете демографии. С. 22—23.

ний выявляет, что в своей основе они, в сущности, сводятся к различиям в понимании изучения воспроизводства населения как предмета демографической науки. Ученые, развивающие первый из указанных подходов, считают, что демография изучает воспроизводство населения как совокупность трех форм движения населения — социального (изменение социальных структур, социальная и профессиональная мобильность и т. д.), так называемого естественного и пространственного (миграция). К этому подходу близка точка зрения, согласно которой демография — наука о воспроизводстве населения как совокупности разнообразных социальных общностей, выступающих субъектом соответствующих общественных отношений. При этом из предмета демографии исключается изучение социального движения народонаселения и изменения его социальных структур, а воспроизводство населения понимается как совокупность процессов рождаемости, смертности и миграции. Сторонники другого из названных выше подходов не только не разделяют рассмотрение демографии как компонента системы знаний о народонаселении, но и в отличие от приведенных точек зрения ограничивают ее предмет исследованиями закономерностей воспроизводства населения только как процесса взаимодействия рождаемости и смертности, а также брачности и прекращения брака.

Говоря о различных точках зрения, не следует преувеличивать степень расхождения во взглядах и забывать, что дискуссия идет в рамках единой науки, имеющей общую, диалектико-материалистическую основу. Каждая из отмеченных позиций имеет определенные достоинства, но и не должна абсолютизироваться. Так, включение в предмет демографии анализа всех видов движения населения несомненно взаимосвязывает ее исследования с изучением социальных, экономических и других процессов движения общества. Однако существует и опасность, так сказать, экстенсивного развития демографии путем «присвоения» ею целого ряда проблем, которые рассматриваются в других науках. Опасность таится и в сужении демографии до изучения только процессов рождаемости и смертности, при котором вольно или невольно на первый план выступает демографо-статистический анализ. Но и этот подход содержит сильные стороны, позволяет «вплотную» подойти к процессам рождаемости и смертности, а также к свя-

занным с ними явлениям. Именно в рамках этого подхода в последнее время вырабатываются некоторые содержательные суждения, по-новому раскрывающие многообразие воспроизводства населения.

В этой связи должны быть отмечены исследования А. Г. Вишневского, в которых обосновывается положение о демографических отношениях как особом виде общественных отношений, возникающих в результате участия людей в непрерывном возобновлении поколений, в «производстве самого человека». Эти отношения по поводу создания и сохранения жизни себе подобных, которые К. Маркс и Ф. Энгельс определяли как «...отношение между мужем и женой, родителями и детьми, *семья*» [21], а В. И. Ленин называл «отношениями по детопроизводству» [22], уже привлекали внимание специалистов [23]. А. Г. Вишневский сделал серьезную попытку разработать данную категорию. Обращение к ней позволяет расширить понимание воспроизводства населения, «рассматривать его как двуединый процесс — непрерывное воспроизводство самих людей, с одной стороны, и столь же непрерывное воспроизводство демографических отношений — с другой». Такое понимание, считает он, вообще укрепляет позиции демографии как общественной науки, которую, по его мнению, следует рассматривать в первую очередь как науку о демографических отношениях [24].

Констатация различных подходов к предмету демографии, их сильных или слабых сторон не означает стремление примирить эти подходы или найти компромиссное решение. Наличие таких подходов — реальный факт современного развития советской демографии, рассмотрения ее проблематики под разными углами зрения.

В связи с этим возникает необходимость обратиться к фактическому положению, сложившемуся в настоящее время в демографии, попытаться выявить основные реально существующие направления ее исследований и на этой основе составить общее представление о структуре данной области научных знаний. Хотя на протяжении длительного времени, вплоть до второй половины наше-

---

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 27.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 150.

[23] См., например: Система знаний о народонаселении. С. 24, 81.

[24] *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество. М., 1982. С. 37, 39, 266.

го столетия, она развивалась в основном в пределах формальной демографии («статистики населения»), ее отдельные разделы — изучение смертности, рождаемости, брачности и другие — начали формироваться относительно рано. Вместе с тем по мере утверждения представлений о недостаточности только демографо-статистических исследований, проникновения в демографию социологического и некоторых других подходов структура ее усложнялась.

Так, еще в 30-е годы А. Ландри предложил разделить демографию на два раздела — количественную и качественную демографию. Такое деление имело принципиальное значение, так как показывало несводимость этой науки к статистике (количественной демографии). К сожалению, качественная демография трактовалась при этом весьма обще и представление о ней не утвердилось в структуре науки. Нужно отметить также попытку выделить «социальную демографию», поскольку она выразила стремление выйти за пределы биологического понимания демографических процессов. Однако это был противоречивый подход, объективно он подразумевал расчленение демографии на «социальную» и «несоциальную». К тому же по мере осознания этой науки как общественной, т. е. социальной, такое выделение одного из ее разделов потеряло смысл.

Во второй половине нашего столетия понятийный аппарат, отражающий структуру демографической науки, заметно расширился. Получили хождение такие понятия, как «экономическая демография», «историческая демография», «региональная демография», «военная демография» и др. Это было одним из свидетельств процесса развития и усложнения демографических исследований, в ходе которого складывались указанные и другие «специализированные» демографии, однако не только не субординированные между собой, но и не имевшие подчас сколько-нибудь четкого определения [например, описательная (дескриптивная) демография, прикладная демография].

Это не значит, что в последнее время вовсе не предпринимались попытки установить структуру демографии. В западной науке потребность в них возникла в связи с установлением соотношения между демографией и исследованиями народонаселения как «более широкой области» анализа его проблем. В 60—70-е годы вопросы разработки структуры демографии привлекали внимание

ряда ученых[25]. В качестве примера можно привести структуру, предложенную шведским демографом Г. Хирениусом, который считает, что демографию образуют семь основных разделов[26]. Первые два — демографическая статистика и формальная демография — обеспечивают получение данных и их обработку. Следующий раздел — демографические теории. Отдельно выделяется демографический анализ — изучение факторов, влияющих на население, и его обратного воздействия на экономические явления. В качестве разделов рассматриваются также демографическое описание (описание конкретного населения) и прикладная демография (приложение демографического анализа к конкретному населению). Как раздел демографии Г. Хирениус называет и демографическую политику.

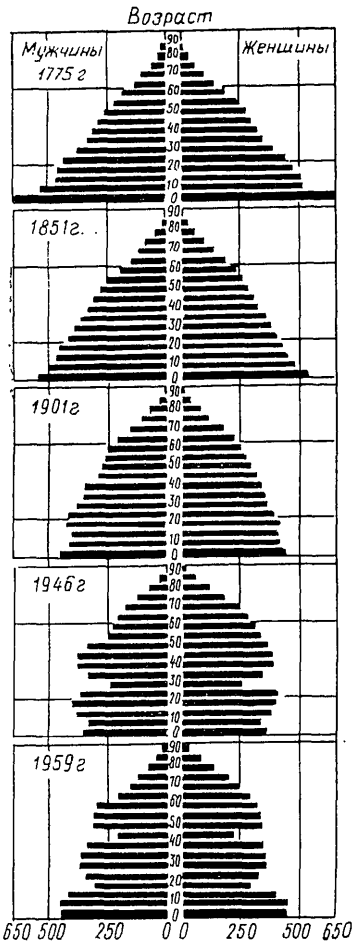
В советской науке наиболее последовательные попытки определить структуру демографической науки были предприняты в связи с разработкой концепции системы знаний о народонаселении. При этом Д. И. Валентей еще в середине 70-х годов выдвинул гипотезу, согласно которой демография, будучи стержнем системы знаний о народонаселении, постепенно превращается в систему демографических наук[27]. Такую систему Д. И. Валентей представляет в виде нескольких блоков. Первый из них — блок теоретических демографических наук. Он открывается теоретической демографией, кроме нее в этот блок входят: история демографической науки, описательная демография, экономическая демография и историческая демография. Второй блок включает источники данных о населении и методики их разработки (статистические методы, математические методы, социологические методы, картографирование населения, моделирование демографических процессов). Затем следуют блок региональной демографии и блок прикладных демографических исследований. Схема завершается выделением исследований, связанных с социально-демографическим прогнозированием, а также с разработкой теоретических

---

[25] Они в известной мере обобщены в Многоязычном демографическом словаре (русское издание. ООН. Нью-Йорк, 1964. С. 3—4).

[26] См.: *Trebici V.* Mică, enciclopedie de demografie. Bucureşti 1975. P. 35—36.

[27] См.: *Валентей Д. И.* Демографические науки в системе знаний о народонаселении//Экономические науки. 1976. № 9.



В демографии широко применяются графические методы. При изображении демографических структур чаще всего используются возрастные (возрастно-половые) пирамиды. Здесь сопоставлены возрастные пирамиды населения Франции за период с 1775 по 1959 г. (численность пятилетних возрастных групп на 10 тыс. человек). См. также следующий рисунок на с. 80

основ демографической политики и оптимизации демографических процессов[28].

Превратятся ли перечисленные в схеме дисциплины в науки — это может показать только будущее. Поэтому, не касаясь правомерности рассмотрения современной демографии как системы наук, а также ряда других противоречий схемы, следует отметить, что в ней верно схвачена логика структуры демографии.

Эту логику определяет фактический ход демографических исследований, развивающихся в соответствии с практическими запросами. В свою очередь, она проявляется в структуре демографической науки как диалектическое единство ее основных составляющих. Можно условно выделить по крайней мере четыре такие составляющие. Первая — получение демографических данных и их обработка. Вторая — теоретическое осмысление демографического развития в каждом из его проявлений и в целом как части всего обществен-

[28] Схему системы демографических наук см.: Основы теории народонаселения. М., 1986. С. 276.

ного развития. Третья — анализ эмпирических данных на основе выработанного теоретического знания в конкретных исследованиях воспроизводства населения и его процессов, всех проблем демографического развития. Наконец, четвертая — синтез полученных знаний, их теоретическое обобщение и реализация научных результатов в практике прогнозирования демографического развития и в разработке мер по оптимизации демографических процессов (демографической политики).

Каждая из названных составляющих может быть выделена только теоретически для уяснения главных компонентов структуры демографической науки, которые в реальном ходе ее исследований взаимопереплетаются, накладываются друг на друга и в конечном счете сливаются в едином процессе развития научных демографических знаний. Такая условно обозначенная «теоретическая конструкция» не просто дает общее представление о структуре демографической науки, но и открывает возможность для рассмотрения фактического состояния ее предметной области, т. е. того, чем в действительности занимается эта наука.

Более конкретную характеристику ее структуры можно начать (в соответствии с обозначенными выше составляющими) с демографической статистики и демографического анализа. Они являются разделами демографической науки и вместе с тем непременным условием ее любого исследования. Эти разделы, если воспользоваться терминологией историков, представляют собой демографическое источниковедение. И подобно тому как в источниковедении исторической науки нет единства по ряду вопросов, так и демографы по-разному подходят к пониманию демографической статистики и демографического анализа. Далее демографическая статистика будет обозначать раздел демографии, обеспечивающий получение фактических данных, а демографический анализ — раздел этой науки, «ведающий» приемами и методами обработки полученных данных [29].

---

[29] Понятие «демографический анализ» употребляется в двух смыслах. В первом, универсальном, оно означает анализ демографических процессов и явлений вообще. В более конкретном смысле это анализ статистико-демографических данных на основе определенных приемов и методов. Так, применяет это понятие, например, Р. Пресса [см.: *Пресса Р.* Народонаселение и его изучение. (Демографический анализ). М., 1966; см. также: Многоязычный демографический словарь. С. 4].

Конечно, такое их подразделение также условно, что связано со спецификой получения демографией фактических данных. Главным и постоянным их источником являются переписи населения (демографические переписи), а также его текущий учет (учет демографических событий). Переписи и учет населения, требующие больших затрат, осуществляются прежде всего исходя из социально-экономических потребностей. Однако разработка программ современных переписей, развитие текущего учета опираются на достижения демографической статистики и демографического анализа, что отражает в получаемых данных и запросы демографической науки. Этим запросам полностью подчинены все более развивающиеся выборочные научные обследования, которые чаще всего имеют социолого-демографический характер, охватывают различные по масштабам совокупности (от десятков тысяч человек до нескольких сотен) и разнообразны по тематике (изучение рождаемости, стабильности семьи, мотивов миграции и пр.).

Демографическая статистика не ограничивается простым получением данных, она проводит их первичную обработку, тем самым смыкаясь с демографическим анализом. В силу того что демография изучает не отдельные случаи рождения, смерти, брачности, миграции и т. д., а совокупности таких случаев, демографические данные имеют количественное выражение (те или иные множества людей). Поэтому огромную роль в их изучении играют статистические методы[30]. Однако при всей своей важности они, включая и «формальную демографию», не исчерпывают область демографического анализа, в котором применяются графические (в том числе картографические) и социологические методы, а также методы и приемы ряда других наук.

Если применить образное сравнение, то можно сказать, что демографическая статистика и демографический анализ образуют фундамент здания демографии.

---

[30] Как отмечалось, демографию в свое время были склонны причислять к статистической науке. Теперь к последней относят демографическую статистику. Она несомненно причастна к статистической науке, но все же это раздел демографии. Что касается статистики, то в ней целесообразно выделение «своего» раздела — статистики народонаселения, соответствующей всему многостороннему изучению народонаселения. Ее частью является и демографическая статистика, одновременно входящая в демографическую науку.

Но известно, что сам по себе фундамент, как бы великолепно он ни был выложен, не завершает постройки. Больше того, его кладка, органическая связь со всем зданием демографии, научная «прочность» последнего и положение среди других «зданий» науки определяются не методами анализа данных, а теоретическим осмыслением каждой детали и всей демографической «постройки» в целом. Так образное сравнение привело к выявлению роли и значения следующей составляющей структуры демографической науки — теории демографического развития.

Именно с нее и следовало бы начать характеристику этой структуры, так как те или иные теоретические посылки предваряют любую демографическую работу, не исключая и получение данных. Широко распространено мнение, что демографические наблюдения зарождались из количественного изучения народонаселения. Однако оно не точно и является результатом одностороннего подхода к работам Д. Граунта и других политических арифметиков, их последователей в XVIII—XIX вв. Все эти работы имели определенные теоретические посылки и были связаны с концепциями общественного развития. В конце XIX — первой половине XX в. сведение исследований демовоспроизводства к формальной демографии, попытки подменить его социально-экономическое изучение формально-статистическим, базирующимся только на математической теории, привели буржуазную демографию в тупик. Демография, отмечал в этой связи в середине XX в. американский ученый Р. Венс, «слишком долго находилась на стадии, когда ее работы носили чисто описательный характер... Она справедливо отмечает важность точности в исследованиях, но несправедливо игнорирует значение идей. Теоретическая основа демографии все еще остается ее слабым местом, главным образом потому, что целью анализа слишком часто является чистое описание» [31].

В силу сложности своего развития не избежала статистико-описательных тенденций и советская демография, такие тенденции сказываются и на современном этапе ее движения. Однако, как и все советское обществоведение, она имеет своей основой марксистско-ленинскую методологию. Последняя определила формирова-

---

[31] *Vance R.* The development and Status American demograhy// The Study of Population. P. 296.

ние диалектико-материалистической теории народонаселения, являющейся теоретико-методологическим базисом советской демографии, исходными и определяющим моментом в изучении эмпирического материала и осуществлении всех конкретных демографических исследований [32].

Исходя из первостепенной важности разработки теоретико-методологических вопросов, ряд советских ученых в последнее время выделяют особый раздел демографии — теоретическую демографию (некоторые из них называют ее демологией). На первый взгляд, такое выделение оправдано, так как концентрирует внимание и усилия на важнейшем направлении развития демографической науки. Но оно таит в себе и определенную опасность, ибо искусственно отчленяет область теоретического знания от других областей демографии. Между тем марксистско-ленинская теория демографического развития — прикладная теория, реализуемая в практике каждого демографического исследования и одновременно обогащаемая в ходе этих исследований, взаимосвязывающая и цементирующая весь процесс движения демографических знаний.

Последнее обстоятельство приобретает особенно важное значение в связи с современной диверсификацией конкретных демографических исследований. Проблематика этих исследований, условно выделенных выше как одна из составляющих структуры демографической науки, собственно, и образует в совокупности содержание последней. Вместе с тем в силу специализации демографических знаний конкретные исследования осуществляются по определенным направлениям, выявление которых детализирует фактическое состояние предметной области демографии.

Переходя к краткому перечню главных из них, следует прежде всего выделить изучение *рождаемости*. Исследования, осуществляемые на этом направлении, составляют наибольшую часть современной демографической литературы. Изучение рождаемости не просто выдвинулось на передний план, а стало основным звеном в современной демографии. Даже появились утверждения, что демография «посвящает себя главным образом проблеме рождаемости» [33]. Хотя это всего лишь гипербола,

---

[32] См.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974.

[33] *Рубин Я. И.* Оптимум населения: что за этим понятием? Минск, 1979. С. 30.

нельзя не признать, что современные исследования в данной области значительно обогатили советскую демографию[34], укрепили ее связи с рядом наук[35], особенно с социологией[36].

Взаимодействие с последней, а также с социальной психологией имеет первостепенное значение и для изучения демографических аспектов состояния *брачности* и *семьи*. В минувшие годы данное направление демографических исследований получило развитие в целой серии работ[37].

Широкий размах изучения рождаемости отчасти заслонил внимание к другому основному демографическому процессу — *смертности*. Однако в последнее время его изучение вновь выдвигается на передний план, особенно в связи с исследованием проблем продолжительности жизни, а также медико-демографических вопросов[38].

Анализ процессов рождаемости и смертности сопровождается развитием ряда других направлений демографических исследований, среди которых важное значение имеет изучение *демографических структур*, возникшее еще в XIX в. и усилившееся в связи с некоторыми новыми тенденциями в современной демографической ситуации (демографическим старением населения и др.)[39].

---

[34] См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР. М., 1974; *Белова В. А.* Число детей в семье. М., 1975; Рождаемость. М., 1976; *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976; Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983; и др.

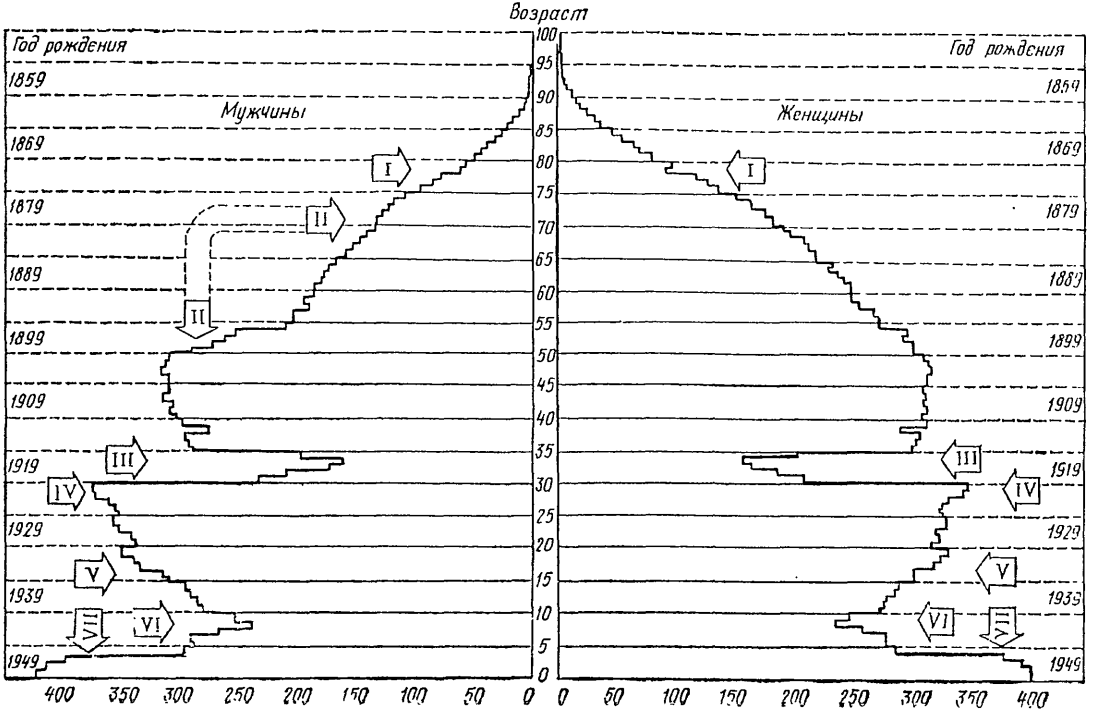
[35] В частности, изучение этнических процессов рождаемости (см., например: *Бондарская Г. А.* Рождаемость в СССР. Этнодемографический аспект. М., 1977) явилось одним из оснований постановки вопроса о формировании этнической демографии (см.: *Козлов В. И.* Этническая демография. М., 1977).

[36] См.: *Антонов А. И.* Социология рождаемости. М., 1980.

[37] См.: *Дарский Л. Е.* Формирование семьи. М., 1972; Демографические проблемы семьи. М., 1978; Демографическое развитие семьи. М., 1979; *Волков А. Г.* Семья — объект демографии. М., 1986.

[38] См.: *Урланис Б. Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М., 1978; Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М., 1979; *Россет Э.* Продолжительность человеческой жизни. М., 1981; и др. Отметим, что развитие взаимодействия демографии и ряда медицинских наук ведет, по мнению ряда ученых, к возникновению новой смежной дисциплины — медицинской демографии (см.: *Бедный М. С.* Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979).

[39] См.: *Пирожков С. И.* Демографические процессы и возрастная структура населения. М., 1975; *Калинюк И. В.* Возрастная структура населения СССР. М., 1975; и др.


Возраст
Год рождения
Мужчины
Женщины
1859
1869
1879
1889
1899
1909
1919
1929
1939
1949
I
II
III
IV
V
VI
VII
400 350 300 250 200 150 100 50 0
0 50 100 150 200 250 300 350 400
100 95 90 85 80 75 70 65 60 55 50 45 40 35 30 25 20 15 10 5 0

Возрастно-половая структура населения Франции в 1950 г. (численность каждой возрастной группы в тыс. человек): *I* — отдаленные последствия времени франко-прусской войны 1870—1871 гг.; *II* — людские потери в ходе мировой войны 1914—1918 гг.; *III* — снижение рождаемости в период мировой войны; *IV* — восстановление рождаемости в первые послевоенные годы и последующее снижение ее; **V** — вступление в воспроизводящие возраста родившихся в 1914—1918 гг.; *VI* — снижение рождаемости в период второй мировой войны 1939—1945 гг.; *VII* — послевоенное восстановление рождаемости

По-прежнему основным направлением, обобщающим другие разработки, является изучение *воспроизводства населения в целом*[40], с которым связан анализ изменений динамики *численности населения*[41], а также ряда других проблем как более общего (например, *демографическая ситуация*), так и конкретного (например, *демографическое поведение*[42], *демографические отношения* и др.) характера.

Данное направление органически связано с изучением воспроизводства трудовых ресурсов, с целым комплексом экономических проблем. Необходимость их разработки вызвала формирование во второй половине XX в. нового раздела демографической науки — *экономической демографии*, исследующей взаимосвязь экономических и демографических факторов общественно-исторического развития[43].

Среди демографов нет единства по вопросу об отнесении к их науке изучения *миграций* населения. Вне зависимости от этой дискуссии, по фактическому ходу изу-

---

[40] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Воспроизводство населения в условиях развитого социализма. Киев, 1978; *Стешенко В. С.* Изучение воспроизводства народонаселения. Киев, 1981; Воспроизводство населения СССР. М., 1983; и др.

[41] См., например: *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.

[42] Изучение демографического поведения — относительно новая область знания, в которой демография взаимодействует с социологией, социальной психологией (разработка проблем демографического сознания) и некоторыми медицинскими науками. Выделяются репродуктивное (или генеративное, рекреационное, брачное) поведение, связанное с рождаемостью, и витальное (или самосохранительное) поведение, воздействующее на состояние здоровья, продолжительность жизни. Применяется также понятие «миграционное поведение».

[43] См.: *Кваша А. Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974; *Медведева Т. Н.* Экономические проблемы роста населения и использования трудовых ресурсов в СССР. М., 1978; *Ткаченко А. А.* Экономические последствия демографических процессов в СССР. М., 1978; и др.

чения данной проблемы можно заключить, что, несмотря на большую роль, которую играют в ее изучении географы (география населения) и представители ряда других наук, она тяготеет и к демографии, являясь одним из существенных факторов воспроизводства населения[44].

С проблемами расселения населения и его миграциями тесно связаны исследования демографических процессов в региональном разрезе, иногда выделяемые в особый раздел науки — *региональную демографию*. В принципе ее проблематика та же, что и у демографии в целом, но при этом особое внимание уделяется специфике демографического развития в данном конкретном регионе страны[45]. Такой же подход, но только на уровне народонаселения страны, выделяемого из народонаселения континента, части света или всего мира, характерен для *страноведческой демографии*[46].

Таковы главные направления конкретных исследований, осуществляемых в современной демографической науке. Практический выход их аккумулируется в демографическом прогнозировании, которое не исчерпывается перспективными расчетами численности населения, а включает в себя определение путей дальнейшего демографического развития, изучение возможностей его регулирования и оптимизации[47]. На основе диалектико-материалистического обобщения своих конкретных исследований советская демография вырабатывает практические рекомендации по вопросам демографической политики.

---

[44] См.: Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М., 1970; Миграционная подвижность населения в СССР. М., 1974; *Хорев Б. С., Чапек В. Н.* Проблемы изучения миграции населения. М., 1978; *Рыбаковский Л. Л.* О миграции населения в СССР//Социологические исследования. 1981. № 4; и др.

[45] См., например: Территориальные особенности населения РСФСР. М., 1976; Демографическое развитие Украинской ССР. Киев, 1977; Население союзных республик. М., 1977; и др. В настоящее время имеются работы почти по всем союзным республикам и многим их регионам. О региональном разрезе изучения населения СССР см.: *Хорев Б. С.* Территориальная организация общества. М., 1981.

[46] См., например: *Первушин А. С.* Население республики Куба. М., 1976; *Петров В. В.* Народонаселение Индии. Демографическая характеристика. М., 1978; *Звидриньш П. П.* Население Великобритании. М., 1979; *Вяткин А. Р.* Юго-Восточная Азия: демографический анализ. М., 1984.

[47] См.: *Рыбаковский Л. Л.* Методологические вопросы прогнозирования населения. М., 1978.

Характеристика структуры демографической науки, осуществленная с учетом фактического движения ее исследований, выявления их главных направлений, позволяет сделать обобщающее заключение. Суть его выражается в том, что современная демография должна рассматриваться как самостоятельная общественная наука, имеющая четкий, только ей присущий предмет. Центральное место в демографии занимает изучение закономерностей социально-исторически обусловленного воспроизводства населения, и прежде всего его непрерывного возобновления вследствие взаимодействия массовых процессов рождаемости и смертности, иначе говоря, непрерывной смены вымирающих поколений нарождающимися. Демография включает в свои исследования демографические аспекты семьи и брачности, а также изменения демографических структур (половой и возрастной). В определенном плане демография исследует миграции населения, его расселение, поскольку это является одним из существенных факторов демовоспроизводства. Демография исследует и другие (в первую очередь социально-экономические) факторы демографического развития, а также его взаимосвязь со всеми социальными процессами и общественным развитием в целом.

Такое понимание проблематики демографических исследований обеспечивает концентрацию научных усилий на одной из основных проблем воспроизводства населения, что, конечно, никак не умаляет важность и необходимость разработки его во всем многообразии.

Последнее должно быть особо подчеркнуто. Несводимость воспроизводства населения только к его «естественному» возобновлению несомненна. Вместе с тем несомненно и диалектическое единство этого процесса в целом, всех его взаимосвязанных сторон и составляющих. В силу этого, выделяя предметную область демографической науки, нельзя забывать, что она постоянно и тесно взаимодействует с другими «народонаселенческими» науками[48], является (будучи одновременно са-

---

[48] См.: *Борисов В. А.* Демография и социальная психология. М., 1970; *Зверева Н. В.* О соотношении политической экономии и демографии//Экономические науки. 1975. № 10; Место демографии в системе наук. М., 1975; *Урланис Б. Ц.* Народонаселение. Исследования и публицистика. М., 1976; *Фосетт Дж. Т.* Психология и демография//Проблемы народонаселения. М., 1977; и др.

мостоятельной наукой) неотъемлемой частью всего изучения народонаселения.

Эта неотъемлемость проявилась в формировании ряда демографических дисциплин («специализированных» демографий), выражающих взаимодействие наук в изучении народонаселения — экономической демографии, этнической демографии и др. Одной из первых стала складываться историческая демография — совместная дисциплина двух отраженных в ее названии наук.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ: ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Можно ли афористически определить основные задачи демографии? Это попытался сделать А. Ландри. В «Трактате о демографии» он выразил их в четырех словах: знать, понимать, оценивать, изменять [49]. Под первым он подразумевал изучение фактических данных, под вторым — демографическую теорию, под третьим — связь демографии с практикой, под четвертым — выход ее в область политики. Такой подход отражает только что охарактеризованную структуру демографической науки, в принципе соответствует выделенным четырем ее составляющим.

Не менее важно и то, что, определяя изучение фактов как первую задачу демографических исследований, А. Ландри особо подчеркнул значение обращения к истории, больше того, в решении этой задачи, считал он, «демография выступает как история». Ученый имел в виду, разумеется, не тождество двух наук — истории и демографии, а исторически непрерывное течение демографических процессов, что вызывает необходимость постоянного изучения их ретроспективы, потребность для демографии союза с историей. А. Ландри акцентировал внимание на одной стороне этого союза, связанной с демографией. Позже А. Сови, исходя из современных запросов науки, поставил вопрос шире — о необходимости более действенного привлечения к демографии внимания историков и развития взаимодействия демографической и исторической наук [50].

История есть не что иное, как последовательная сме-

---

[49] См.: *Landry A.* Op. cit. P. 10.

[50] См.: *Сови А.* Общая теория населения. Т. I. С. 31.

на отдельных поколений[51]. Это лаконичное определение, сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом еще на заре их научно-революционной деятельности, в первом совместном труде «Немецкая идеология» (1845—1846), не только указывает на одну из важнейших сторон многогранного общественно-исторического процесса, но и раскрывает объективную закономерность необходимости сотрудничества двух наук — истории и демографии, а последнюю характеризует как науку историческую.

Приведенное определение было дано, когда демографическая наука еще только формировалась, тем не менее накопление уже первых научных знаний о процессах воспроизводства населения раскрыло их историческую обусловленность, а также невозможность их изучения вне исторического развития. Английские «политические арифметики» второй половины XVII в., первыми соприкоснувшиеся с изучением тех явлений, которые впоследствии получили название демографических процессов, совершили свои открытия на базе исторических сведений о народонаселении. В поле их зрения попали бюллетени смертности за большие отрезки времени, что позволило провести первичные наблюдения над процессами смертности и рождаемости в длительной ретроспективе их движения. Наличие таких данных является определяющим и в наше время. Иначе и не может быть: успешное рассмотрение демографических процессов невозможно только на «сиюминутном» материале и практически всегда требует исследования их в исторической ретроспективе. Именно поэтому А. Ландри и считал, что в изучении фактов «демография выступает как история».

Но, разумеется, не только это определяет обращение демографии к истории. Не сводится оно и к тому, что «все демографические процессы изучаются на фоне исторических событий», как можно прочитать в одной из современных энциклопедий[52]. В том-то и дело, что они изучаются не «на фоне», а в контексте исторического развития. Марксистско-ленинская демографическая наука ставит своей основной задачей раскрытие закономерностей воспроизводства населения в его социальной обусловленности, что возможно лишь на основе рассмотрения этого воспроизводства как исторического процес-

---

[51] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 44.

[52] Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М., 1972. Т. 1. С. 375.

са, органически вплетенного в ткань всего общественно-исторического развития. В силу этого советская демография по мере своего утверждения все более выступает как наука, опирающаяся в своих исследованиях на историко-демографический материал, ведущая эти исследования на основе диалектико-материалистического принципа историзма.

Закономерно усиление внимания к историко-демографической тематике и советской исторической науки. В. К. Яцунский объяснял отставание в изучении истории народонаселения тем, что первоначально усилия советских историков были направлены главным образом на разработку социально-экономической истории, классовой борьбы, ряда других первоочередных проблем [53]. Добавим, что немалое значение имели и распространившиеся в конце 30-х — первой половине 50-х годов уже упоминавшиеся ошибочные представления, согласно которым народонаселение оказалось «где-то за пределами общества», а изучение его демографической проблематики отодвигалось на второй план.

Советская историческая наука была в числе тех наук, которые, исходя из указаний КПСС, начали активно преодолевать эти представления. Творчески применяя наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, опираясь на предшествующие достижения советской историографии, она все более действенно обращается к историко-демографической тематике.

Ее взаимодействие в этой сфере с демографической наукой определяется потребностями всестороннего анализа общественно-исторического процесса. Начиная разработку материалистического понимания истории, К. Маркс и Ф. Энгельс выделили тот факт, «что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться». Этот факт наряду с материальным производством и развитием потребностей изначально включается в ход исторического развития, раскрывающий «...три стороны социальной деятельности...», «...которые совместно существовали с самого начала истории, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории еще и теперь» [54]. Диалектико-материалистическое изучение истории, таким образом, сразу включило в себя ту проблема-

---

[53] См.: Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83. С. 63.
[54] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 28.

тику, которая на современном языке науки называется историко-демографической.

Дальнейшая разработка этой проблематики является одной из первоочередных задач марксистско-ленинского изучения истории народонаселения, что никак не умаляет важности исследования всех (и прежде всего социально-экономической) сторон последней. Именно в сфере демографической истории, являющейся как бы стержнем истории народонаселения, с которым так или иначе взаимосвязаны все ее стороны, реализуется исторически непрерывное производство самого человека, продолжение рода, как в конечном счете определяющий (наряду с производством средств к жизни) момент в истории[55].

Но этим не исчерпывается современное значение исследования историко-демографической проблематики для советской исторической науки. В свете стоящих перед ней задач оно не только обогащает и углубляет разработку социально-экономической истории, всего исторического процесса, но и, что особенно важно, значительно повышает ее актуальность, связь с современностью.

Именно это должно быть подчеркнуто как главное при характеристике значения сотрудничества истории и демографии. На первый взгляд может показаться, что оно касается только двух наук и взаимообогащает лишь эти две науки, «замыкаясь» на них. Но это не так. Его действительное проявление намного шире. Без всесторонних историко-демографических исследований невозможно и изучение истории народонаселения в целом, а следовательно, и всей народонаселенческой проблематики. Это налагает особую ответственность за проведение историко-демографических исследований.

Проблемы, разрабатываемые на стыке истории и демографии, должны иметь «выход» в современность, быть взаимосвязаны с изучением актуальных проблем народонаселения, как глобальных, так и особенно тех, которые решает социалистическое общество. В этом первостепенное значение развития сотрудничества исторической и демографической наук в сфере их совместного изучения демографической истории.

Одним из решающих условий взаимосвязанного развития этих наук является разработка целого ряда теоретических и историографических проблем, возникающих на стыке истории и демографии. Если смотреть «со сто-

---

[55] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 26.

роны» исторической науки, интегрирующей все изучение истории народонаселения, то одной из таких проблем будет выявление и характеристика соотношения двух объективных процессов — демографической истории и истории народонаселения в целом. Постановка этой проблемы в свою очередь выдвигает вопрос о взаимосвязи двух областей научного знания — исторической демографии и изучения истории народонаселения, решение которого имеет непосредственное значение для исследования стыка истории и демографии, сложившейся здесь смежной научной дисциплины.

Общая ее характеристика обеспечивает взгляд на поставленную проблему не только «со стороны» истории, но и «со стороны» демографии, что позволяет использовать выработку такой характеристики как отправной пункт рассмотрения названных соотношений. В последнее время в некоторых теоретических работах, посвященных демографической науке, было выдвинуто положение о том, что следует различать объект ее исследований и их предмет как понятие более узкое (точнее — более конкретное) [56]. Если воспользоваться этим положением, то общую характеристику исторической демографии следует начать с установления ее объекта.

Рассмотрение этого вопроса наталкивается на необходимость субординировать понятия «демографическая история» и «историческая демография». Возникшая в западной литературе 60-х годов тенденция (она была отмечена выше в связи с работой Т. Холлингсворта) обозначать ими две различные дисциплины (одна из них характеризуется как «демографическая», другая — как «историческая») проникла и в некоторые работы советских авторов.

Каждый, кто знакомился с историко-демографической литературой последних лет, не мог не обратить внимание на встречающееся в некоторых работах своеобразное толкование этих понятий, ведущее к искажению представления об объекте исторической демографии. Наиболее наглядно оно проявилось в теоретических исследованиях В. И. Козлова. Вначале (в книге «Динамика численности народов») он писал об «особой научной дисциплине — исторической демографии (или демографической истории)». Позже (в статье «Демография и

---

[56] См.: *Лармин О. В.* Методологические проблемы изучения народонаселения. М., 1975. С. 17.

система исторических наук»), отказавшись от отождествления названных понятий, он указывал, что «эта дисциплина может быть с некоторой условностью подразделена на собственно историческую демографию и демографическую историю». Наконец, в книге «Этническая демография» уже без каких-либо оговорок утверждается, что «вырисовываются контуры двух научных дисциплин: исторической демографии и демографической истории; первая по своей сущности и задачам ближе примыкает к демографии, вторая — к истории». Впрочем, через несколько десятков страниц эта категоричность зачеркивается констатацией: между этими дисциплинами нет четкой границы — обе они имеют широкие полосы «перекрытия» и часто объединяются под названием «историческая демография». Так все, по существу, свелось к отождествлению демографической истории и исторической демографии.

Но ненадолго. В статье «К вопросу о роли демографических факторов в истории» ученый вновь вернулся к этому вопросу. Теперь о тождестве демографической истории и исторической демографии не говорится. Зато с новой силой подчеркивается, что вторая из них ближе к демографии и научность ее «повышается там, где она переходит от констатации демографических фактов к выявлению обусловивших их причин на данном историческом этапе развития общества». Демографическая история, по мнению автора, ближе к исторической науке, она анализирует влияние демографических явлений «на те или иные стороны процесса исторического развития общества».

Ученый правильно подметил двуединую задачу, которая решается историко-демографическими исследованиями в целом: изучение демографических факторов в истории и вместе с тем исторической обусловленности их. Но необходимость «размежевания» (термин В. И. Козлова) и особенно выделения двух специальных дисциплин он, как и Т. Холлингсворт, так и не обосновал. Да вряд ли это и можно сделать, так как объективно такое выделение ведет не просто к «размежеванию», а к нарушению взаимодействия исторической и демографической наук.

Нельзя не отметить, что данная постановка вопроса порождает и терминологическую путаницу. В. И. Козлов впервые сформулировал свое толкование понятий «демографическая история» и «историческая демография» еще

в конце 60-х годов, но, как он позже признал, «положение с тех пор изменилось мало» [57]. И это не случайно: в современной литературе, включая учебники (например, «Курс демографии», глава XXII), под демографической историей понимается не какая-либо научная дисциплина, а историческая эволюция демографических процессов (включая миграционные) с древнейших времен до наших дней.

В такой трактовке проблема соотношения понятий «демографическая история» и «историческая демография» выходит за ограниченные пределы дискуссии о «двух научных дисциплинах», а также терминологического спора и приобретает принципиальное методологическое значение. При этом отношение исторической демографии и демографической истории определяется как отношение субъекта (научной дисциплины — исторической демографии) и объекта (демографической истории, т. е. того, на что направлена познавательная деятельность этой дисциплины). Не история народонаселения вообще, а народонаселение в его демографической истории — таков объект изучения исторической демографии. Четкое определение, очерчивающее область непосредственного взаимодействия исторической и демографических наук, является первым непременным условием правильного его понимания.

Но оно имеет и более широкое значение, так как позволяет рассмотреть поставленную выше проблему соотношения демографической истории с историей народонаселения в целом и соответственно исторической демографии с изучением истории народонаселения. Эта проблема не проста, и постановка ее в западной литературе не нашла адекватного решения. Так, Ж. Дюпакье попытался провести различие между историей народонаселения, которая, по его мнению, изучалась до середины XX в., и «исторической демографией» последних десятилетий, но при этом был вынужден признать, что такое различие «весьма тонко» [58].

В действительности оно имеет совсем иной характер. Понятия «история народонаселения» и «демографическая история» различны: первое из них значительно шире второго и не противостоит ему, а включает его в себя. Соот-

---

[57] Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Сб. статей. Таллин, 1979. С. 7—8.

[58] *Dupâquier J.* Op. cit. P. 79.

ветственно изучение истории народонаселения шире исторической демографии, которая является одним из его разделов и исследует не историю народонаселения (этим занимается историческая наука), а только часть ее — демографическую историю. Из сказанного следует, что историческая демография возникла в русле изучения истории народонаселения и именно на том этапе развития этого изучения, когда в него включилась демографическая наука, оформившаяся во второй половине XIX в.

Выявленные соотношения не являются абстрактно-отвлеченными, установление их имеет четкую практическую функцию, позволяет определить место и значение исторической демографии как в области демографических, так и в области исторических знаний. Историческая демография предстает как раздел демографической науки, в котором на основе сочетания методов последней и методов исторического анализа, а также на основе применения специальных историко-демографических методик исследуется демографическая история человечества в целом и во всех ее аспектах. Однако такое определение не исчерпывающе и должно быть существенно дополнено.

В связи с тем что объект исследования исторической демографии — демографическая история — является частью истории народонаселения и через нее органически вплетается в ткань всего общественно-исторического процесса, данная историческая дисциплина одновременно входит и в историческую науку. Если признать, что в рамках последней объективно складывается целая отрасль — изучение истории народонаселения, то историческую демографию следует рассматривать как один из основных компонентов этой отрасли.

Историческая демография, таким образом, представляет собой сферу взаимодействия двух наук (демографической и исторической), сложившегося и развивающегося на основе совпадения задач этих наук в исследовании демографической истории. Определение положения исторической демографии на стыке двух наук и в изучении народонаселения в целом, выявление объекта ее исследований имеет важное значение. Но это только первый шаг, который открывает возможность дать более глубокую характеристику этой дисциплины, раскрыть ее предметную область, т. е. круг и содержание реальных исследований демографической истории.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ: ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ И ХРОНОЛОГИЯ

Выявление объекта исследований исторической демографии — народонаселения в его демографической истории — ставит ряд вопросов, и прежде всего основной: как соотносятся историческая и демографическая науки на поле демографической истории? Иначе говоря, какая из них определяет предметную область их совместных исследований демографической истории?

Этот вопрос не может быть отнесен только к теоретическим. Ответ на него определяет практику историко-демографических исследований, их связь с потребностями современности. Вместе с тем подход к нему требует рассмотрения некоторых теоретических и историографических моментов.

Из-за нечеткого понимания предметной области исторической демографии эту дисциплину пытались трактовать по-разному — ее «записывали» за исторической географией [59] (точнее, исторической географией населения), причисляли в качестве «составной части» к исторической социологии [60] и т. д. Не остались в стороне от этого и историки. Поскольку область демографической истории лежит в сфере их науки, они в числе первых начали ее разработку. В условиях отсутствия четких представлений о предмете исторической демографии, неразработанности проблем взаимодействия исторической и демографической наук в советской историографии постепенно сложилась традиция относить к историко-демографическим любое исследование по истории народонаселения. Она в немалой степени сохранилась и в настоящее время, хотя за более чем четверть века, прошедшие со времени ее возникновения, в марксистско-ленинском изучении истории народонаселения произошли серьезные изменения.

Когда на рубеже 50—60-х годов был поставлен вопрос о необходимости ликвидации отставания в области исторической демографии, исследования по истории народонаселения были относительно немногочисленны. Это был

---

[59] См., например: *Муравьев А. В., Самаркин В. В.* Историческая география эпохи феодализма. М., 1973. С. 4. При таком подходе сама демография превращалась, по замечанию Ю. В. Бромлея, в субдисциплину географии (см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 256).

[60] См.: Брачность, рождаемость, семья за три века/Под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. М., 1979. С. 5.

в известной мере синкретический этап развития изучения истории народонаселения, предметная область исследований была слабо дифференцирована, и все они подчас объединялись под единой «демографической» рубрикой. Немаловажно и то, что подъем марксистско-ленинского изучения всей проблематики народонаселения тогда еще только начинался. В неразрывной связи с его нарастанием (в том числе и бурным развитием современной советской демографии) появились многочисленные исследования по истории народонаселения, выполненные в историко-экономическом, историко-социологическом, историко-демографическом, историко-географическом и других аспектах.

Могут ли все они быть отнесены к исторической демографии? Это попытался сделать Р. Н. Пуллат[61]. В результате предметная область исторической демографии настолько расширилась, что демографическая проблематика растворилась в многообразном изучении истории населения, осуществляемом исторической наукой совместно с целым комплексом наук (экономической, социологией, географической и др.). Стремясь определить место исторической демографии в этом комплексе, Р. Н. Пуллат правильно отмечает, что у нее есть своя система взаимосвязей и она «относится как к историческим, так и к демографическим наукам». Однако это положение в части, касающейся демографии, осталось в его работе на уровне простой констатации: современное развитие советской демографической науки, ее обширная исследовательская литература (в том числе и историко-демографическая) выпали из поля зрения автора. Тем самым был допущен серьезный просчет.

Демографическая история как часть общественно-исторического процесса действительно находится в сфере исторической науки. Однако констатация этого факта ничего не дает для понимания предмета исторической демографии, так как не раскрывает содержание демографической истории. Для этого необходимо выйти за рамки исторической науки, ввиду того что выделение данной исторической области определялось главным образом вне их пределов. Оно прежде всего связано со становлением проблематики демографической науки, которая проеци-

---

[61] См.: Проблемы исторической демографии в СССР. Таллин, 1977. С. 8 и след.

ровалась на историю народонаселения в целом, вычленив в ней область демографической истории.

Приоритет в определении предметной области исторической демографии принадлежит советской демографической науке. Являясь ее разделом, историческая демография изучает те же процессы и явления, что и демографическая наука в целом, но в их исторической ретроспективе, и полностью подчинена тем задачам, которые решает последняя в изучении ее современной проблематики. В этой неразрывной связи с современными задачами демографической науки раскрывается с подлинной полнотой практическое значение исследований по исторической демографии. В этом же раскрывается важнейшее значение взаимодействия исторической и демографической наук. Советская историческая наука с полным правом включает в себя историческую демографию, но не механически, а с учетом предмета демографической науки, обогащая последнюю, способствуя утверждению в ней диалектико-материалистического принципа историзма и, в свою очередь, получая через нее один из важнейших выходов в современность.

Четкое определение предмета исторической демографии имеет принципиальное значение для всего изучения истории народонаселения. Оно выделяет круг вопросов, подлежащих историко-демографическому исследованию, и вместе с тем позволяет уяснить его взаимосвязи с другими областями изучения истории народонаселения, систематизирует это изучение. Так, оно помогает установить не только различие, но и тесную взаимосвязь исторической демографии и исторической географии [62].

Выступая при обсуждении в Отделении истории АН СССР проблем изучения исторической демографии, Б. А. Рыбаков указал на необходимость тесно увязывать это изучение с исследованиями исторической географии. Это положение имеет принципиальное значение, так как историки рассматривают народонаселение (в том числе и его возобновление) не только во временной, но и в

---

[62] В данном случае, возможно, точнее говорить об исторической географии населения. Известно, что в последние десятилетия география населения вполне оформилась как самостоятельная ветвь экономической географии (см., например: *Покшишевский В. В.* География населения СССР. М., 1971; *его же.* Население и география. М., 1978; и др.). Именно эта ветвь наиболее близка к демографии, что, в частности, выразилось в появлении в западной литературе понятия «демогеография».

территориально-географической определенности (расселение, миграционные перемещения и др.). В известном смысле историко-географические исследования открывают путь к его историко-демографическому рассмотрению, являются как бы предварительным условием его осуществления. Это подтверждает и опыт последних десятилетий, когда историко-географические работы Б. А. Рыбакова [63], а также ряда других ученых сыграли огромную роль в становлении современного изучения истории народонаселения.

Свои связи и различия существуют у исторической демографии с исторической социологией, исторической психологией (социальной психологией), исторической медициной и рядом других областей исторического знания, включая одну из наиболее важных среди них — экономическую историю.

Необходимость их творческого кооперирования в изучении народонаселения, определяемая как объектом исследования, так и пересечением предметных областей, требует четкого выявления тех направлений, которые исследуются в каждой из данных дисциплин. Вместе с тем отграничение предмета исторической демографии от предметов смежных с ней исторических дисциплин отнюдь не означает обеднение содержания ее исследований. И при указанном отграничении в нее входит широкий круг проблем, подлежащих совместному изучению историков и демографов. Эти проблемы настолько многообразны, что перечень их требует некоторой систематизации, разумеется, чисто условной, так как в действительности они тесно переплетаются и взаимосвязаны.

Можно наметить три группы таких проблем. В первую из них входят проблемы, изучение которых связано с исторической эволюцией динамики численности населения, с изменениями его состава, расселения и плотности, а также миграций. Миграции и расселение населения являются предметом совместного рассмотрения с исторической географией населения. Но при этом историческая демография сохраняет к ним самостоятельный интерес в силу того, что они в определенной мере влияют на процессы воспроизводства населения и динамику его численности.

---

[63] В конце 30-х — начале 60-х годов опубликовано 45 исторических карт, составленных Б. А. Рыбаковым. См. также: *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974.

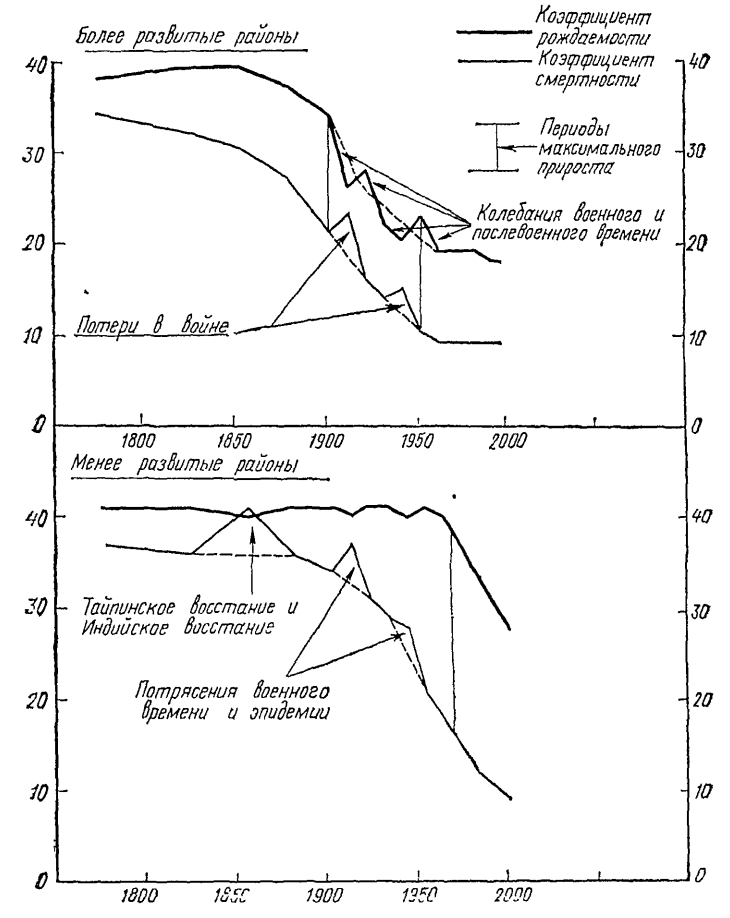
Исторический материализм дал научно обоснованную критику демографического детерминизма буржуазной социологии и с исчерпывающей определенностью установил, что то или иное изменение численности населения не может само по себе, независимо от общественной формы, ускорить или замедлить развитие общества. Вместе с тем темпы роста населения, его большая или меньшая плотность оказывают в конкретно-исторических условиях определенное воздействие на социально-экономические процессы. Так, скажем, в античную эпоху давление избытка населения на производительные силы[64] вынуждало древних греков ограничивать численность жителей своих городов-государств, а позже стало причиной огромных миграционных перемещений (великое переселение народов). Примеры такого рода можно привести по любому из исторических периодов вплоть до современности, когда одна часть стран озабочена низкими темпами прироста населения, а другая испытывает немалые затруднения в связи с его значительным увеличением.

Уже этот факт свидетельствует о важности изучения данной группы проблем, входящих в предмет исторической демографии. Однако длительное время эти проблемы почти не привлекали внимание историков. Еще в начале 40-х годов, когда в советской историографии полностью утвердилось марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях, Б. Ц. Урланис отмечал, что, несмотря на важность изучения «роста населения в связи со сменой общественных формаций, этому до сих пор уделялось очень мало внимания»[65]. Такое положение, к сожалению, сохранялось десятилетиями, и только в последнее время наметился некоторый перелом. Советские историки, пишет в связи с этим В. И. Козлов, «отмечая ведущую роль народных масс в истории, уже тем самым, по существу, признают значение количественного фактора. Но дальше этого дело зачастую не идет. Приводимые в исторических работах данные, например сведения о численности населения отдельных стран или численности народов, обычно привязываются лишь к какой-то определенной дате, берутся в статике, а не в динамике, и поэтому имеют лишь иллюстративное значе-

---

[64] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 568.
[65] *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. С. 7.

ние»[66]. С этой оценкой нельзя не согласиться. Данный недостаток тем более неоправдан, что, как показали работы Б. Ц. Урланиса по Европе и позже А. Г. Рашина и других ученых по России, источники дают наибольшие возможности именно для исследования динамики числен-



Эволюция со второй половины XVIII в. до конца XX в. рождаемости, смертности и естественного прироста населения экономически развитых и развивающихся стран (по оценке демографов ООН, 1970—1971 гг.)

---

[66] Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). С. 12.

ности населения, рассмотрения других названных выше проблем данной группы.

Намного сложнее, особенно по мере удаления в глубь времен, обстоит дело с источниковой основой изучения следующей группы проблем — исторических процессов воспроизводства населения (его «естественного движения»). Между тем они являются своеобразным ядром исторической демографии и исследование, скажем, эволюции рождаемости или смертности имеет наиболее важное и непосредственное практическое значение для анализа современных демографических процессов. Высокую степень актуальности имеет также история развития демографических отношений, брачности, семьи, демографического поведения, демографической структуры населения и ряда других вопросов, при разработке которых историческая демография встречается с исторической психологией, а также с исторической социологией, с которой она изучает (со своих позиций) и социальные изменения в населении. Наконец, историческая демография призвана участвовать и в изучении медико-биологических аспектов эволюции воспроизводства населения. Таким образом, вся группа проблем изучения последнего не только ставит перед исторической демографией ряд первоочередных задач, но и требует их междисциплинарного изучения, что пока осуществляется далеко не в полной мере.

При характеристике изучения проблем этой группы следует остановиться на значении для нее взаимодействия демографии с историей и вновь коснуться взглядов Т. Холлингсворта. Характеризуя «получение оценок общей численности населения» как демографию «на уровне самых приблизительных данных», он полагает, что роль исторической науки на их выработке завершается, а остальную проблематику способна исследовать только демография. Действительно, историки длительное время не занимались систематическим изучением эволюции воспроизводства населения и всего круга связанных с ним вопросов. Но это совсем не значит, что отмеченные проблемы могут быть успешно и всесторонне исследованы без участия исторической науки, тем более что она все больше становится заинтересованной в их освещении.

Возьмем, к примеру, такую кардинальную проблему исторической демографии, как разработка исторической типологии воспроизводства населения, выявление его основных типов, последовательная смена которых представ-

ляет собой генеральную линию всего развития демографической истории. Эта проблема была выдвинута еще в середине 30-х годов, однако многочисленные попытки западных демографов решить ее на основе изучения только показателей рождаемости, смертности, брачности и др. не принесли, как будет показано далее, им успеха.

Демографическую историю можно представить и как непрерывную цепь меняющихся демографических ситуаций, каждая из которых фиксирует состояние демографических процессов в определенный исторический период. Но и здесь взаимодействие истории и демографии необходимо, так как любая демографическая ситуация вторична по отношению к объективным закономерностям общественно-исторического развития. Это, кстати, еще раз подчеркивает значение исторической науки и в выработке типологии воспроизводства населения, основные закономерности которого проявляются через последовательную и взаимосвязанную систему сменяющих друг друга демографических ситуаций.

Отмечая значение взаимодействия истории и демографии в исследовании широкого круга названных выше историко-демографических проблем, следует подчеркнуть, что речь идет не просто об «участии» исторической науки в их изучении, а о действенном вторжении в него, что отвечает не только интересам демографии, но и потребностям современного развития марксистско-ленинских исторических знаний. Можно сказать, что советская историческая наука в последние годы все чаще обращается к проблемам исторической демографии, однако изучение воспроизводства населения, являющееся ядром последней, все еще ведется ею явно недостаточно.

Неудовлетворительно обстоит дело с анализом третьей группы проблем, подлежащих «ведению» исторической демографии. Эта группа по перечислению названа последней, но по значимости ее проблем она в числе первоочередных, так как к ним относится изучение исторических законов демографического развития и истории демографической политики. Если разработка демографических законов пусть очень робко, но все же начата, то о истории демографической политики этого сказать нельзя.

Одна из основных причин такого положения заключается в том, что сотрудничество демографов и историков остается спорадическим. Известно, какое большое значение придают КПСС и Советское правительство эф-

фективной демографической политике. Между тем исследований, специально посвященных истории демографической политики и политики народонаселения в целом, почти нет [67].

Этот пример — не только свидетельство необходимости резкого усиления содружества историков и демографов. Он является еще одним подтверждением того, что предметная область исторической демографии должна соответствовать проблематике, изучаемой современной демографической наукой. На этой основе историко-демографические исследования должны смело выходить за пределы «традиционных» тем, обращаться к изучению исторических аспектов актуальных вопросов нашего времени.

В связи с характеристикой данной группы проблем исторической демографии подчеркнем, что ее исследование неразрывно связано с раскрытием исторической обусловленности демографического развития и вместе с тем роли демографических факторов (или фактора) в истории. Известно, что демографические факторы относятся к числу важнейших факторов развития общества. Их изучение — одна из центральных задач и исторической демографии, что требует специального рассмотрения. Сейчас же отметим только, что длительное время в нашей литературе принимался во внимание (да и то, как сказано выше, недостаточно, преимущественно в статике) только фактор численности (рост или убыль) и плотности населения.

В первой главе была отмечена актуальность и важность разработки Г. М. Коростелевым и В. С. Краевым положения о том, что развитие народонаселения следует рассматривать как социальный фактор. Одним из исходных моментов этой разработки явилось исследование А. И. Смирновой, посвященное характеристике демографического фактора общественного развития [68]. Это одна из первых постановок важного вопроса и вместе с тем серьезная попытка рассмотреть данный фактор не только

---

[67] Исключение составляют отдельные появившиеся в последнее время работы. См.: *Дробижев В. З.* Становление политики Советского государства в области естественного движения населения//Вестник Московского университета. История. 1981. № 1; *Кваша А. Я.* Демографическая политика в СССР. М., 1981. С. 10—46.

[68] См.: *Смирнова А. И.* Понятие «демографический фактор»//Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии. Челябинск, 1973. Вып. 5.

в его, так сказать, «количественном» выражении, но и в аспекте эволюции демографических процессов и структур, изменения средней продолжительности жизни и т. д. Хотя не все при этом представляется бесспорным (например, отнесение к демографическому фактору состояния физического и психического здоровья населения), постановка данной проблемы А. И. Смирновой, а также указанное положение Г. М. Коростелева и В. С. Краева заслуживают всяческой поддержки и должны привлечь внимание демографов и особенно историков.

Небезынтересна и попытка Я. Н. Гузеватого установить воздействие демографического фактора на материальное производство [69]. Так, отмечает он, зависящие от соотношения рождаемости и смертности размер, структура и темпы роста населения образуют основу формирования характера и размера потребностей общества, тем самым влияя на объем и структуру производства. Другим важным направлением воздействия на него демографического фактора является, считает ученый, прямая зависимость процесса формирования контингентов трудящихся — главного элемента производительных сил общества — от величины и динамики рождаемости и смертности. «...Увеличение населения,— приводит он слова К. Маркса,— увеличивает производительную силу труда, делая возможным большее разделение труда, большее комбинирование труда и т. д. Увеличение населения есть *природная сила* труда...» [70]

Из последних работ следует особо отметить коллективную статью Д. И. Валентея, В. В. Елизарова и Н. В. Зверевой о демографическом факторе и роли его в развитии социалистического общества [71]. Наряду с анализом проблем современного демографического развития СССР авторы дают характеристику структуры и содержания демографического фактора, его значения в общественном развитии, что важно и для историко-демографических исследований.

Завершая характеристику предметной области исторической демографии, укажем, что она, разумеется, осуществлена в общем виде, но и сказанное раскрывает широту историко-демографической тематики как отечественной, так и зарубежной истории. Последняя упомянута не

---

[69] См.: *Гузеватый Я. Н.* Демографические проблемы Азии. С. 34.
[70] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 374.
[71] См.: Вопросы философии. 1985. № 9.

случайно. Полноценное изучение перечисленных проблем не может осуществляться только на материалах отечественной демографической истории, хотя она имеет важнейшее значение. Поэтому одна из безотлагательных задач современной советской демографической науки — ликвидация отставания в изучении зарубежной историко-демографической тематики, всей всеобщей демографической истории. В свое время основоположники диалектико-материалистического подхода к истории завещали начать изучать ее заново [72]. Советская историческая наука добилась значительных успехов в этом. Взаимодействуя с марксистско-ленинской демографической наукой, она призвана раскрыть подлинную демографическую историю человечества, обеспечить развитие всех разделов исторической демографии и изучение всех ее периодов.

В связи с этой задачей возникает необходимость остановиться на вопросе об общих хронологических рамках исторической демографии. Научным критерием их определения является определение протяженности объективного процесса, изучаемого исторической демографией, т. е. демографической истории, которая в своем развитии полностью соответствует движению всей истории человечества. Таким образом, если предметная область исторической демографии у́же, чем предметная область изучения народонаселения исторической наукой, то хронологически она полностью совпадает с последней, т. е. изучает свой объект на протяжении всего общественно-исторического процесса — с древнейших времен до наших дней.

Казалось бы, других толкований этого вопроса не должно возникать, тем не менее они встречаются. «Демографическая история Узбекистана,— говорится в одном из недавно вышедших фундаментальных трудов,— начинается с 1897 г., когда в Туркестанском крае прошла первая перепись населения» [73]. Примеры такой аберрации можно увеличить. Чем же она вызвана? Во-первых, недостаточной разработанностью теоретических вопросов изучения демографической истории, во-вторых, попытками (главным образом демографов)взять за основу выявления ее хронологических рамок не объективный про-

---

[72] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 371.

[73] Узбекская ССР. Энциклопедический однотомник. Ташкент, 1981. С. 63.

цесс, а субъективный момент — получение (или состояние) данных о нем.

Это породило и распространение глубоко ошибочного утверждения, что «нижняя граница» исторической демографии «там, где кончается палеодемография и появляются первые письменные источники» [74]. Такая точка зрения не только искусственно отсекает от исторической демографии ее раздел — палеодемографию [75], но и объективно отражает ненаучную периодизацию, принятую среди части западных демографов, которые делят демографическую историю на три периода: «дописьменный», «достатистический» и «статистический». Вынесение «дописьменного периода» за рамки исторической демографии разрывает единый исторический процесс, искусственно отсекает от него проблему начала демографической истории человечества [76].

Если же говорить о «верхней границе» исторической демографии, то здесь вопрос ясен — она сливается с проблематикой современности, изучаемой демографической наукой. Промелькнувшее в нашей литературе утверждение, что историческая демография занимается только досоветским периодом [77], нужно рассматривать как досадную ошибку. Следует еще раз подчеркнуть важность и первоочередность задач изучения народонаселения советской эпохи. Это не значит, что все исследования должны быть сориентированы только непосредственно на ее тематику. «Актуальность исторической проблемы,— справедливо отмечает М. П. Ким,— ее практическая связь с

---

[74] Проблемы демографической истории СССР. Таллин, 1977. С. 11.

[75] Палеодемография — раздел исторической демографии, в котором на основе данных палеоантропологии, археологии и этнографии изучаются демографические процессы, происходившие в древнейших человеческих коллективах. Палеодемография отчасти использует и письменные данные (например, надгробные эпитафии). Хотя элементы ее исследований зародились в XIX в., палеодемография стала развиваться только в последнее время.

[76] Рассматривая вопрос об общих хронологических рамках исторической демографии, нужно отметить, что среди части западных демографов-историков в 60—70-е годы сложилось мнение, что данная дисциплина ведет исследования только в пределах XVII—XX вв. Определение этих пределов также связано с характером источников, а вся конструкция — со стремление рассматривать историческую демографию обособленно не только от исторической, но и от демографической наук, о чем выше уже говорилось в связи с критикой взглядов Ж. Дюпакье.

[77] См.: Библиография по исторической демографии Эстонии. Таллин, 1969. С. 7.

современностью не всегда определяются, конечно, близостью их во времени»[78]. Данное положение имеет особое значение для исторической демографии, так как изучение эволюции процессов воспроизводства населения часто требует большого временного лага. Однако к какому бы историческому периоду ни относилась та или иная историко-демографическая работа, она должна быть подчинена современным задачам советской демографии, связана, употребляя образное выражение М. П. Кима, «живой нитью с нашими практическими свершениями».

Актуализация историко-демографических исследований подразумевает и преодоление их тематико-хронологической узости. Ведь процесс воспроизводства населения в своем историческом развитии характеризуется, по образному замечанию А. Я. Боярского, «сменяющимися волнами», и на основе только той или иной фазы волны, если даже она длится 10—15 лет, правильно выявить его закономерности нельзя — для этого требуются более длительные периоды. Между тем исследования, обобщающие такие длительные периоды, насчитываются единицами.

Определение объекта изучения исторической демографии, ее предметной области и хронологических рамок является основным вопросом в разработке теоретических проблем историко-демографических исследований. Выяснение их позволяет глубже понять механизм взаимодействия исторической и демографической науки, в частности ответить на вопрос: не означает ли выведение из последней предметной области исторической демографии отсечение ее от исторической науки?

Вопрос совсем не праздный, особенно если учесть, что некоторые буржуазные демографы, как это было показано выше на примере работ Т. Холлингсворта, Ж. Дюпакье и П. Губера, именно так и поступают. Их подход отражает ограниченный, противоречивый характер взаимодействия истории и демографии в изучении историко-демографической тематики в буржуазной науке.

В советской науке, где у истории и демографии единая диалектико-материалистическая основа, положение принципиально иное. Но это не значит, что их взаимодействие реализуется автоматически, не требует глубокого анализа и осмысления. Именно в силу недооценки проблем этого взаимодействия появились односторонние

---

[78] *Ким М. П.* История и коммунизм. М., 1968. С. 222.

суждения о принадлежности исторической демографии только к исторической науке или только к демографии. Начало этому положили историки, выступив с утверждением, что историческая демография является «фундаментальной (? — *Д. Ш.*) дисциплиной в системе исторических наук» [79]. Позже формулировка была несколько смягчена («самостоятельная (?) отрасль в системе исторических наук»), но смысл ее остался прежним. Вопреки этому в среде демографов историческую демографию подчас рассматривают «не как ветвь исторической науки, а как отрасль демографии» [80].

Обе эти точки зрения выражают недооценку взаимодействия истории и демографии и того реального факта, что историческая демография «принадлежит» двум этим наукам. История науки свидетельствует, что при формировании научных дисциплин, лежащих в пограничных областях наук, нередко возникали дискуссии, к какой из них отнести данную дисциплину. Так было, например, с исторической географией: В. К. Яцунский считал, что она относится к истории и географии, а С. С. Дмитриев относил ее только к истории [81]. Сегодня исторической географией занимаются преимущественно историки, но разве кто-нибудь станет отрывать ее от географической науки? Такой же представляется судьба изучения демографической истории, его, очевидно, будут осуществлять преимущественно историки (на то они и специалисты «по прошлому»), но только они не должны забывать, что занимаются исторической *демографией*. Конечно, и демографы должны постоянно помнить, что историческая демография изучает демографическую *историю*.

Акцентирование внимания на «двойном подчинении» исторической демографии демографической и исторической наукам, разумеется, не означает попытку отсечь ее от других наук и дисциплин, изучающих историю народонаселения. В том-то и состоит большое положительное значение современной историографии этой тематики, что она начинает изучаться широким фронтом: в историко-экономическом, историко-социологическом, историко-демографическом, историко-географическом и других ас-

---

[79] Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977. С. 8.
[80] Проблемы исторической демографии СССР. Омск, 1980. С. 49.
[81] См.: Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1951. Т. VIII. № 4. С. 371.

пектах[82]. Как было показано на примере исторической демографии, каждое из этих направлений «должно знать свой маневр», т. е. ту предметную область, которая является сферой его исследования. Однако не менее важное значение имеет и интеграция этих исследований. Таким интегрирующим фактором для них является историческая наука, в свою очередь взаимодействующая в изучении народонаселения с широким кругом наук.

---

[82] Понятно, что в данной работе нет возможности коснуться каждого из них. Подчеркнем хотя бы в общей форме важность такого, например, аспекта, как медико-биологический, связанного с историей здоровья и заболеваемости, с эволюцией санитарии и гигиены и т. д. Особо должно быть сказано о разработке историко-демографической проблематики в широком спектре проблем военной истории. Серьезную основу для этого создают изданные в последние годы теоретические труды, посвященные указанным проблемам: Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1976; *Жилин П. А.* Проблемы военной истории. М., 1984; и др.

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

1. ОБ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Уже с первых шагов научного изучения истории народонаселения одной из основных проблем явилась проблема источников. Собственно, она стихийно возникла еще на исходе XVII — XVIII вв. в связи со спором о соотношении численности населения в древнем мире и в новое время. Но особенно остро и в практическом своем значении эта проблема встала с конца XIX и особенно в XX в., когда изучение истории народонаселения приобрело систематический характер.

Одними из первых к ней обратились К.-Ю. Белох, Э. Левассер и другие ученые, в трудах которых зарождалась научная дисциплина — историческая демография. Примечательно, что вслед за термином «историческая демография» (1894) появилась и первая специальная работа, посвященная ее источникам. Это была статья польской исследовательницы З. Дашинской, опубликованная в немецком экономико-статистическом ежегоднике за 1896 г. Она содержала описание некоторых источников «исторической статистики населения» и ныне представляет интерес в историографическом плане. Именно в этом плане она стала одним из провозвестников становления историко-демографического источниковедения.

Это становление продолжается по настоящее время. В первой половине XX в. шел процесс накопления данных об источниках по истории народонаселения, они анализировались главным образом в конкретных исследованиях. Специальные источниковедческие работы стали появляться в западной науке только с 50-х годов.

Одна из первых попыток инвентаризировать данные об источниках демографической истории принадлежит бельгийскому историку Л. Женико, который в начале 50-х годов обобщил предшествующую источниковедческую работу над материалами средневековой Европы и классифицировал ее демографические источники по нескольким группам [1]. Приняв эту классификацию за основу, Т. Холлингсворт расширил ее и дал следующий перечень видов демографических источников (расположенных «в примерной очередности их пригодности»): 1) учеты населения (цензы), в особенности если они составлены по именам и возрастам; 2) бюллетени о смертности; 3) церковные документы (приходские метрические книги и др.); 4) налоговые документы; 5) военные документы; 6) описи владений; 7) генеалогические документы; 8) завещания; 9) брачные договоры; 10) свидетельства очевидцев; 11) цены за длительный период; 12) численность и размер городов; 13) археологические останки; 14) методы ведения сельского хозяйства; 15) административная и церковная география; 16) колонизация новых земель; 17) кладбищенские данные (как по количеству скелетов, так и по надгробным надписям).

Приведенный перечень свидетельствует, что, преодолевая трудности, связанные со скудностью историко-демографических данных, западные ученые накопили определенный опыт использования разнообразных материалов для реконструкции демографической истории. Вместе с тем приведенная классификация имеет два существенных ограничения: во-первых, хронологическое, так как охватывает в основном источники позднего средневековья и начала нового времени (XV—XVIII) [2]; во-вто-

---

[1] См.: *Genicot L.* A propos des preuves d'une augmentation de la population en Europe occidentale XI-e au XIII-e siècles//Cahiers d'histoire mondiale. 1, 2. 1953. October. P. 446—462.

[2] Это, конечно, не означает, что в западной исторической демографии не ведется разработка источников по более ранним периодам. Напротив, она осуществляется в широком хронологическом диапазоне — от палеодемографии до средневековья включительно. Тот же Л. Женико в 60-е годы создал методику получения на основе косвен-

рых, территориальное, ибо относится только к Европе (да и то далеко не ко всем ее странам). Но именно в этом диапазоне постепенно была выявлена категория документов, которая дала важные статистико-демографические сведения для изучения истории народонаселения.

Здесь имеется в виду разработка источников по методу восстановления истории семей (ВИС). Применение этого метода оказало определенное воздействие на все развитие западной исторической демографии в 60—70-е годы. О нем подробнее будет сказано ниже, сейчас же отметим ошибочность представления о том, что метод ВИС неприменим для изучения отечественной демографической истории. Возможность его относительно широкого использования раскрыта эстонским историком Х. Э. Палли[3].

Это имеет тем более важное значение, что традиционные источники по демографической истории нашей страны еще более скудны, чем западноевропейские. Для изучения демографической истории дореволюционной России некоторые сведения дают летописи, различные феодальные акты и особенно писцовые (XV—XVI вв.) и переписные книги. Наиболее важны последние. Они составлялись при проведении как общих учетов тяглового населения середины XVII—начала XVIII в., так и частных учетов населения отдельных районов или категорий. Для XVIII—первой половины XIX в. можно выделить три основные группы источников: данные ревизий податного населения России (10 ревизий за период с 1718 по 1858 г.), материалы церковного (с 1722 г.), а также административно-полицейского учета. Однако все они содержат сведения главным образом о населении европейской части страны. Впервые материалы по всей Российской империи дала Всеобщая перепись населения 1897 г. Изучение ее данных имеет важное значение и для понимания демографической

ных источников данных о предполагаемом росте численности населения в раннесредневековой Западной Европе. О попытке ее применения см.: Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. Реферативный сб.//Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный, А. Л. Ястребицкая. ИНИОН. М., 1984. В этом же сборнике см. статью Бессмертного Ю. Л. «Проблемы исторической демографии в современной западноевропейской медиевистике».

[3] См.: *Палли Х.* Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях//История СССР. 1982. № 1.

истории советского общества, отраженной в материалах переписей населения 1920, 1924 (городская), 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 гг., а также в данных текущего учета населения.

Безплатно. № Листа

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ

населенія Россійской Имперіи,

на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ПОЛОЖЕНІЯ 5 Іюня 1835 года.

Губернія или область: | ПЕРЕПИСНОЙ ЛИСТЪ ФОРМА А. | Уѣздъ или округъ.

Переписной участ. № ... Счетный участ. № ...

Станъ А ... или полицейскій участокъ № ...
(Подчеркнуть подлежащее названіе и проставить №).

Волость, тарна, станица или соотвѣтствующее имъ дѣленіе ...

Сельское общество или соотвѣтствующее ему дѣленіе ...

Село, деревня или другое поселеніе на землямъ сельскаго общества
(прописать подробно какого рода поселеніе и его названіе)

Имя, отчество и фамилія хозяина двора ...

Хозяинъ живетъ въ собственномъ-ли дворѣ? ... или на квартирѣ въ чужомъ дворѣ? ...

Фрагмент переписного листа переписи населения Российской империи 1897 г.

Историко-демографическое источниковедение в советской науке зародилось одновременно с начавшимся на рубеже 50—60-х годов подъемом в изучении истории народонаселения. Работы В. К. Яцунского, В. М. Кабузана, Я. Е. Водарского, Х. Э. Палли и ряда других авторов, исследовавших вопросы демографической истории, внесли значительный вклад в возникновение источниковедения данной проблематики. Вместе с тем постепенно

накапливались специальные работы, характеризующие источники по отдельным темам и периодам[4].

Такие исследования имеют важное значение, так как в последние десятилетия в научный оборот введены многие документальные материалы. Наглядный пример тому — разработка окладных книг ревизий XVIII—XIX вв., которые, по мнению И. Д. Ковальченко, дают «наиболее точные сведения о народонаселении крепостной эпохи»[5]. Теоретико-источниковедческое осмысление этих и других групп историко-демографических источников становится одной из насущных задач развития данной научной дисциплины.

Особенно это относится к документам советской эпохи. Отметим в этой связи высказывание В. З. Дробижева[6], который охарактеризовал традиционные источники (переписи населения, его текущий учет) и показал возможности расширения источниковой базы историко-демографических исследований советского общества за счет использования вторичных (т. е. уже собранных и первично обработанных) материалов переписей, а также данных социологических обследований. В. З. Дробижев не только привлек внимание к новым группам источников, но и поставил вопрос о дальнейшем развитии историко-демографического источниковедения и особенно относящегося к демографической истории советского общества.

В практическом плане этот вопрос впервые получил рассмотрение в коллективной монографии ученых МГУ

---

[4] См., например: *Кабузан В. М.* Демографическая статистика России в XVIII — первой половине XIX в.//Труды Моск. историко-архивного института. М., 1963. Т. 17; *Кабузан В. М., Пуллат Р. Н.* Обзор статистических источников о численности и составе городского населения России XVIII — начала XX в.//Известия АН ЭССР. 1975. Т. 24. Общ. науки, № 2; *Гусейнова А. М.* Качество статистической информации о естественном движении населения Азербайджана на рубеже XIX—XX вв.//Проблемы истории демографической мысли и критики буржуазных демографических концепций. Киев, 1979; *Антадзе К. Д.* Статистико-демографический материал о Грузии XIX в.// Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980; и др.

[5] *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 30.

[6] См.: *Дробижев В. З.* Некоторые вопросы источниковедения историко-демографических исследований советского общества//Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977. См. также: *Гапоненко Л. С., Кабузан В. М.* Материалы сельскохозяйственных переписей 1916—1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции//История СССР. 1961. № 6.

«Массовые источники по социально-экономической истории советского общества» (М., 1979). В ней проанализированы источники по истории советского рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, ряд других важных данных.

Особое значение с точки зрения рассматриваемой проблемы имеет глава, написанная Л. И. Васькиной, которой открывается монография. Кратко характеризуя отечественные историко-демографические источники XVIII — начала XX в., Л. И. Васькина сосредоточила внимание на статистических данных о народонаселении эпохи социализма. В обобщенном виде рассматриваются формы и методы текущего учета населения, раскрыто содержание демографических переписей России и СССР, показано большое внимание к их данным В. И. Ленина. В заключение автор останавливается на вопросе о сопоставимости ряда показателей (о численности городского населения, его социальной и профессиональной структуре и др.) в переписях, проводившихся в разное время. Работы В. З. Дробижева, Л. И. Васькиной и ряда других историков показывают, что даже переписные материалы, которые многократно подвергались изучению, в историко-демографическом аспекте исследованы еще недостаточно, что является одним из важных резервов развития источниковедения данной области исторического знания.

Такое развитие невозможно в отрыве от источниковедения массовых исторических источников[7]. Оно, как отмечает И. Д. Ковальченко, «стало активно разрабатываться лишь в последнее время, и многие его общие и конкретные проблемы еще ждут своего решения»[8]. При разработке этих проблем источниковедение демографической истории (включая его новое направление — историко-демографическое моделирование) должно занять свое место. Это относится и к его методологическим вопросам, исследование которых имеет, как и во

---

[7] См., например: *Ковальченко И. Д.* О применении математических методов в исторических исследованиях//Источниковедение. Методологические и методические проблемы. М., 1969; *Кахк Ю. Ю., Ковальченко И. Д.* Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях//История СССР, 1974, № 5; и др.

[8] Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма/Отв. ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979. С. 5.

всем источниковедении, важное идейно-политическое значение[9].

Историко-демографические источники, о которых выше шла речь, преимущественно связаны с изучением тех или иных изменений в динамике численности населения. Известно, что основоположники марксизма-ленинизма относились к этим данным с большим вниманием. «Как бы ни выглядели сухо эти выстроенные тесными колонками в официально напечатанном документе цифры,— писал К. Маркс,— они в действительности дают больше ценного материала для истории общего развития нации, нежели томы, полные риторической чепухи и политической болтовни. Первое, что привлекает наше внимание,— это таблицы численности населения...»[10]

Количественные данные, позволяющие выявить те или иные параметры демографических процессов и воспроизводства населения в целом, всегда будут занимать центральное место в историко-демографическом источниковедении. Такова специфика изучения демографической истории. Поэтому необходимо усиление научного поиска в этом направлении. Тот факт, что основные статистические материалы по истории СССР XVIII—XX вв. в принципе известны и описаны[11], а количественные данные в документах предшествующих периодов либо отсутствуют, либо отрывочны и чаще всего не надежны, не должен сдерживать такой поиск. Он не только не исчерпан, но и пока не реализуется во многих своих возможностях.

Предстоит наряду с дальнейшим, более глубоким овладением уже известными материалами развернуть широкий поиск данных, особенно в архивах, богатые фонды которых разрабатываются лишь в отдельных историко-демографических исследованиях. Демографы, изучая современные процессы, пользуются, как правило, вторичными материалами. В отличие от них историки реконструируют события, явления и т. д., проводя, как правило, самостоятельную первичную обработку источников. Историческая наука накопила большой и ценный

---

[9] См.: *Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В.* Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке// История СССР. 1976. № 5.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 513.

[11] См.: Источниковедение истории СССР/Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981.

опыт, который необходимо приложить и к изучению демографической истории. Следует подчеркнуть, что речь идет не только о документах, непосредственно содержащих демографическую информацию (это само собой разумеется), сколько об изучении обширного круга разнообразных источников (летописей, законодательных, актовых, делопроизводственных, писцовых и многих других материалов) с целью извлечения из них — подчас по крупицам — информации, хотя бы и косвенного характера. В данном случае необходимо привлечение и методик демографической науки, которая обладает развитыми приемами демографо-статистического анализа, в том числе и по неполным или косвенным данным.

Наконец, отметим, что свои возможности, прежде всего в изучении демографической истории ранних эпох, имеет метод определения численности и плотности населения путем соотнесения размера занимаемой им территории с видом хозяйственной деятельности (охота и рыболовство, земледелие и т. д.). В конце XIX — начале XX в. такой прием часто использовался в историко-экономической литературе, в том числе и отечественной. Из советских исследователей его успешно применял Б. Ц. Урланис[12].

Как ни важны количественные данные, они не исчерпывают корпус источников исторической демографии, который формируется в соответствии с предметной областью ее исследований и определяемой ею тематикой. В предшествующей главе вопрос о содержании этой предметной области был рассмотрен. Не повторяясь, отметим, что разработка ее источниковой основы ведется неравномерно. Почти все усилия сосредоточены на выявлении материалов, позволяющих установить динамику численности населения, некоторые другие количественные показатели. В определенной степени это связано с тем, что в общеисторических исследованиях историко-демографические данные все еще используются только «на выходе», в виде конечного обобщения, чаще всего в цифровом выражении. Вольно или невольно под это подстраиваются и специальные историко-демографические исследования. Свое воздействие на них оказывают демографы, которые нередко склонны рассматри-

---

[12] См.: *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941.

вать демографическую историю только через призму исторической статистики.

Все это породило однобокость в подборе источников по исторической демографии. Слабо ведется изучение материалов по такой важнейшей проблеме, как выявление воздействия на демографические процессы всего общественного развития на каждом из его этапов. До сих пор не исследованы документы, раскрывающие огромное внимание КПСС к проблемам народонаселения.

В последнее время возрастает интерес к историко-демографическим аспектам брачности и семьи, всех социальных отношений, возникающих в процессе воспроизводства населения, начинается изучение истории демографической политики, роли в истории демографического фактора и ряда других проблем. Это требует решительного отказа от ставшего традиционным ограничительного понимания источников исторической демографии, включения в их корпус и соответствующей историко-демографической обработки материалов социальной и этнической истории, данных исторической социологии, социальной психологии, исторической географии — всех научных дисциплин, участвующих в изучении истории народонаселения. Такое расширение источниковой основы не означает подмену последнего исторической демографией, но позволяет ей занять одно из ведущих мест в этом изучении, создать конкретно-историческую базу исследования демографического развития во всем его многообразии, сложности и противоречивости.

В советской исторической науке немало сделано для становления историко-демографического источниковедения, которое находится на пороге своего развития. Необходимо перешагнуть его, так как без этого невозможно дальнейшее диалектико-материалистическое изучение демографической истории.

2. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ МИРОВОГО НАСЕЛЕНИЯ. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЕГО ИСТОРИИ

«Были ли древние многолюднее новейших?» Этот вопрос о характере исторической эволюции численности человечества получил более или менее обосно-

ванный ответ только в наше время. На протяжении тысячелетий знания о численности народонаселения Земли в каждый данный отрезок полностью отсутствовали, а следовательно, не могло быть и достоверных представлений об исторической динамике численности человечества.

Это конечно, не значит, что те или иные подсчеты населения вообще не велись. Существует множество свидетельств, что такие подсчеты постоянно осуществлялись с древнейших времен, сохраняя тысячелетиями при всем своем разнообразии две существенные особенности. Во-первых, они имели локальный характер, ограничиваясь пределами сначала родоплеменной организации, затем общины и раннегосударственных образований, позже — рамками феодального хозяйства. Во-вторых, они были очень приблизительными и эта приблизительность резко возрастала, приобретая характер фантазий с выходом за пределы указанной локальности. Впрочем, и сами эти «выходы» имели ограниченные территориальные пределы, которые по-настоящему стали раздвигаться только с XVI—XVII вв., когда постепенно прорисовывалась общая картина расселения человечества на всех обитаемых материках.

Выявление народонаселения как категории социально-экономического развития и постановка в связи с этим задачи выработки представлений об исторической эволюции динамики численности населения относится к XVIII столетию. Сегодня это может показаться удивительным, но решение такой задачи вызывало тогда ожесточенные, подчас драматические споры, отголоски которых звучали еще в XIX и даже в начале XX столетия. Поскольку историческая эволюция численности человечества является той проблемой, с которой в известной степени начиналось в новое время изучение всей истории народонаселения, о рассмотрении этой проблемы в XVIII—XX вв. будет сказано ниже (в гл. 5).

Немалую роль в утверждении современных представлений о постепенном росте в ходе всемирно-исторического процесса численности мирового населения сыграло развитие с рубежа XVIII—XIX вв. демографических переписей. К началу XX в. они охватили почти 100 стран, в которых проживало до 64% мирового населения[13].

---

[13] См.: *Гозулов А. И.* Переписи населения земного шара. М., 1970. С. 18, 20.

Данные переписей наглядно показали устойчивый рост численности последнего за относительно длительный период с конца XVIII до начала XX в., что способствовало закреплению мнения об увеличении по мере развития общественно-исторического процесса численности живущих на Земле людей.

Казалось бы, тем самым данная научная проблема была решена. Действительно, зная более или менее достоверно, что, например, в настоящее время на Земле проживает 5 млрд. человек, и предположив, что на предшествующих исторических этапах их количество увеличивалось, скажем, на 0,02% в год, можно высчитать, что 40 тыс. лет назад (предположительная верхняя граница времени появления Homo sapiens)[14] численность наших предков теоретически составляла около 500 тыс. человек. Исходя из такой гипотезы (гипотеза экспоненциального роста), можно вычертить график, который покажет увеличение численности населения как сплошную прямую линию, поднимающуюся к пятимиллиардной отметке.

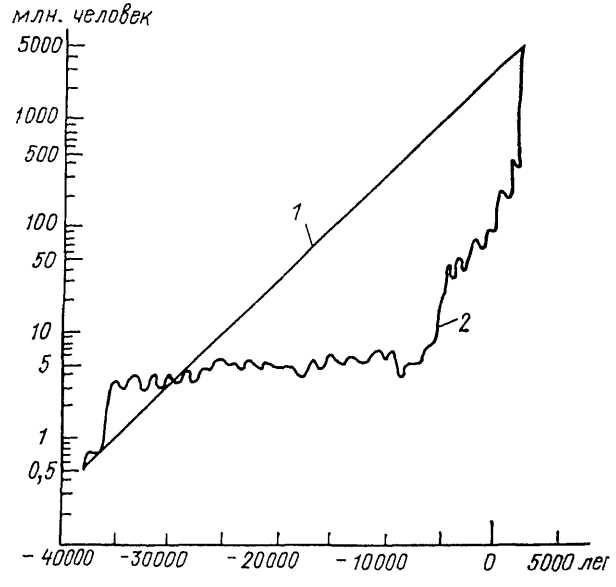
Такое представление дает самый первоначальный общий эскиз исторической динамики численности человечества. Если не считать последних двух-трех столетий, наука не располагает сколько-нибудь надежными данными о численном выражении этой динамики. Но достоверно установлено, что она никогда не изменялась плавно, на основе неизменных темпов, которые в действительности испытывали серьезные колебания, связанные как с их ускорением, так и с замедлением. Это подтверждают и материалы переписей населения XIX—XX вв.

Чтобы более реально представить историческую эволюцию численности мирового населения, нужно, образно говоря, «разломать» линию его экспоненциального роста и между ее, так сказать, клеммами построить кривую, которая хотя бы приближенно отразила фактическую динамику. Материал для этого дают оценочные расчеты изменений численности населения мира, а также его регионов и ряда крупных стран. Опубликован не один десяток таких расчетов. Многие из них хроно-

---

[14] См.: *Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984. С. 288. Все древнейшие находки человека разумного, отмечает В. П. Алексеев, датируются в абсолютных цифрах 25 000—28 000 лет, иногда даже 40 000 лет.

логически ограничены только пределами нового времени. Вместе с тем выработаны оценки, относящиеся ко всей мировой истории — от древнейших времен до наших дней. Выполненные по различным методикам, такие расчеты подчас существенно расходятся в своих итогах. Однако в целом они (в том числе расчеты ряда совет-



1 — гипотеза экспоненциального роста населения Земли; *2* — предполагаемый фактический рост (по Ж.-Н. Бирабену). Вертикальная шкала в логарифмическом масштабе

ских ученых) внесли определенный вклад в реконструкцию исторической динамики численности населения. Здесь нет возможности остановиться на рассмотрении каждого из них. Воспользуемся сводкой В. И. Козлова, в которой даны средние из имеющихся в историко-демографической литературе оценок с округлением общей суммы до целых миллионов (см. табл. 1).

Ознакомление с данными таблицы показывает неравномерность роста населения во временных интервалах. Исходя из таких представлений, французский ученый Ж.-Н. Бирабен попытался графически изобразить действительный рост населения. Понятно, что состав-

Таблица 1

Динамика численности населения мира и его основных регионов до середины XX в. (млн. чел.)

Дата	Весь мир	В том числе					
		современная территория СССР	зарубежная Европа	зарубежная Азия	Африка	Америка	Австралия и Океания
15 тыс. лет назад	Неск. млн. чел.	—	—	—	—	—	—
7 тыс. лет до н. э.	10	—	—	—	—	—	—
5 тыс. лет до н. э.	30	1	3	20	5	1	0,5
0	230	5	35	155	30	4	1,0
1000	305	10	43	195	40	15	1,5
1500	440	15	75	260	60	27	2,5
1650	550	20	82	330	100	15	3,0
1800	952	50	160	620	90	30	2,0
1850	1247	75	205	790	110	65	2,5
1900	1656	130	295	950	130	145	6,0
1950	2527	180	392	1392	220	330	13,0

Источник: Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1982. С. 5, 8, 32.

ленный им график отражает только одну из гипотез, однако он дает представление о возможном фактическом ходе изменения динамики численности мирового населения.

Возвращаясь к рассмотрению таблицы, можно констатировать, что с точки зрения современных научных данных количественный рост человечества на всем протяжении его истории развивался в целом поступательно, хотя в различные исторические эпохи этот процесс протекал с разной интенсивностью. Однако несмотря на то, что в нем были периоды застоя и даже спадов, его генеральная тенденция, просматриваемая на протяжении всей всеобщей истории, заключается в медленном, но все же неуклонном увеличении темпов роста населения, которое в новое время приобрело ускоренный характер.

Таков другой общий вывод, который можно сделать из наблюдений над динамикой роста мирового населения. Чтобы конкретизировать это, воспользуемся расчетами Б. Ц. Урланиса, посвятившего проблеме ускорения роста населения Земли специальное исследование [15]. По его данным, значительное и относительно быстрое увеличение численности людей началось с последних тысячелетий первобытнообщинного строя (7 тыс.—2 тыс. лет до н. э.), когда ежегодный прирост населения впервые стал ощутимым, выражаясь в среднем примерно в 0,03%. В период античности (Б. Ц. Урланис датирует ее 2 тыс. лет до н. э. — началом н. э.) этот показатель увеличился до 0,1%. Переход к феодализму вызвал его понижение: к 1000 г. он опустился до 0,02, вновь поднявшись в последующие 1000—1500 годы до 0,1%. После 1500 г. он вырос до 0,2%, а где-то от рубежа 1800 г. составил 0,6%, достигнув к 1900 г. 1,0 и к 1950 г. 1,8%.

Конечно, эти показатели, кроме двух-трех последних, имеют более или менее гипотетический характер. Тем не менее они позволяют представить наращивание темпов роста населения Земли, ускорение этого роста в ходе всемирно-исторического процесса. Вместе с тем эти показатели, выведенные для мирового населения в целом, не должны заслонять неравномерность изменения населенности основных регионов мира, что является еще одним общим выводом из рассматриваемой таблицы.

По удельному весу занимаемой территории самым крупным регионом является Америка (31% территории Земли), на втором месте находится Африка (22,3%), на третьем — Азия (20,3%), на четвертом — Австралия и Океания (6,3%) и, наконец, на пятом — Европа (3,6%) [16]. Данные таблицы свидетельствуют, что по численности населения и ее динамике соотношение этих регионов было на протяжении всей истории совершенно иным.

С древнейших времен самым населенным является Азиатский регион, в котором всегда было сосредоточено значительно более половины мирового населения, а в отдельные периоды — и едва ли не две трети его. Так,

---

[15] См.: *Урланис Б. Ц.* Народонаселение. Исследования, публицистика. М., 1976. С. 224 и след., табл. 9.

[16] См.: Естественное движение населения современного мира/ Под ред. Э. Ю. Бурнашева. М., 1974. Табл. 5 (без территории СССР).

на ранних этапах истории (5 тыс. лет до н. э.) из каждых трех жителей Земли два жили на Азиатском материке. Следующими по населенности были Африканский и Европейский регионы — соответственно 16,3 и 9,8% мирового населения. Таким образом, почти 92% последнего размещалось в пределах этих трех регионов, площадь которых составляет менее половины (46,2%) территории Земли. К началу нашей эры доля азиатского населения несколько увеличилась, достигнув 67,4%. Хотя этот показатель оказался самым высоким за всю историю, удельный вес населения Азии на протяжении последующих столетий (вплоть до 1850 г.) не спускался ниже 60%, а в первой половине нашего века абсолютная численность ее жителей перешагнула за миллиард.

В то же время доля азиатского населения в мировом населении снизилась до 57,4% в 1900 г. и 55,1% в 1950 г., оставаясь самой высокой, значительно превышающей соответствующие показатели всех других регионов. К середине XX в. эти показатели составляли для Европы 15,5% (в 1900 г. — 17,8%), для Америки — 13,1% (в 1900 г. — 8,8%), для Африки — 8,7% (в 1900 г. — 7,8%).

Общие наблюдения над изменением динамики численности мирового населения можно было бы продолжить. Но как бы ни были они интересны, рассмотрение их вне связи с конкретным ходом истории имеет абстрактно-отвлеченный характер. Выстроенные в хронологической последовательности временные показатели динамики численности населения подобны, если использовать образное сравнение, волнам. Можно измерить их высоту, снижение или нарастание и т. д., но вряд ли такие наблюдения, осуществленные сами по себе, могут раскрыть глубинные процессы, определяющие размеры и движение возникающих на их поверхности «волн».

Эти процессы неразрывно взаимосвязаны со всем многообразным движением истории общества, что определяет неотторжимость от нее демографической истории, истории народонаселения в целом. Данное положение, конечно, не означает невозможность условного (в целях конкретного изучения) выделения историко-демографической проблематики из проблематики всеобщей истории, но вместе с тем ставит вопрос о пределах такого выделения. Ответ на него связан и с рассмотрением периодизации всеобщей демографической истории,

выяснением, может ли она (и если может, то насколько) быть «самостоятельна» от основных периодов социально-экономического развития общества.

Буржуазное обществоведение, в рамках которого зарождалась историческая демография, оказалось неспособным обеспечить выработку научной периодизации демографической истории, что связано как с несостоятельностью буржуазных концепций исторического развития, так и со сведением демографических исследований к формально-статистическим наблюдениям над количественными изменениями в воспроизводстве населения

Еще с конца XIX в. западная историческая демография автоматически восприняла традиционное для буржуазной историографии выделение древней, средневековой и новой истории. Изложение всеобщей демографической истории на основе чисто хронологического принципа в общем характерно и для современной историко-демографической литературы, в которой предпринимаются попытки выделить наряду с указанными крупными периодами отдельные этапы демографического развития тех или иных стран. Основания для таких выделений подчас существенно различны. Так, Е. Ригли, автор предисловия к «Введению в историческую демографию Англии с XVI по XIX в.» (Лондон, 1966), обосновывает выделение этого периода состоянием источников — наличием приходских метрических книг. Справедливо отмечая недостатки такой периодизации, Т. Холлингсворт кладет в основу последней внешний фактор. Он считает, что «с точки зрения демографии» необходимо выделять иной период — от середины XIV до второй половины XVII в, «когда основную роль в изменении численности народонаселения играла чума».

Наиболее наглядное представление о современных подходах к периодизации всеобщей демографической истории в западной историко-демографической литературе последних десятилетий дает сводный труд, подготовленный экспертами ООН,— «Детерминанты и последствия демографических тенденций» (Нью-Йорк, 1973—1978. Т I—II). В его первом томе имеется глава, посвященная истории мирового народонаселения. Изложение этой истории ведется по четырем крупным периодам: I. От эпохи палеолита до начала исторического периода (составители доводят изложение до середины 1 тыс. до н. э). II. Народонаселение в эпоху древнего мира

(середина I тыс. до н. э. — начало н. э.). III. Демографические тенденции: от древнего мира до современности (начало н. э. — первая половина XVII в.). IV. Народонаселение в современный период (вторая половина XVII—XX вв.).

Общая схема дополняется попытками определить стадии собственно демографического развития, выделить в нем сменяющиеся режимы воспроизводства населения, т. е. изменение в те или иные исторические периоды количественных характеристик процессов рождаемости и смертности. Еще в начале XX в. было выдвинуто предположение, что демографическая история человечества прошла через три таких «режима» — от примитивного до современного. Эта гипотеза сформировалась и длительное время разрабатывалась в рамках формальной демографии, но и рассмотрение ее в последние десятилетия с некоторым учетом данных социально-экономической истории, по существу, не изменило положения, так как это рассмотрение по-прежнему сводится к изучению эволюции только количественных показателей воспроизводства населения, т. е. его «режима».

Не случайно эта гипотеза вызывает серьезную критику самих западных ученых. Составители «Детерминантов...» вынуждены констатировать, что, по мнению многих специалистов, схема исторической эволюции режимов воспроизводства населения «является не теорией, а хроникой исторических событий. В ней лишь указывается на определенную группу факторов, которые предположительно воздействуют на компоненты, из которых слагается численный рост населения». Все это только попытка «интерпретации поворотных пунктов в процессе демографической эволюции»[17]. Добавим: интерпретации, основанной на формально-статистическом подходе и субъективистских трактовках исторического процесса, свойственных буржуазной историографии.

В советской науке принципиально иная основа периодизации демографической истории, исходящая из методологических положений исторического материализма, его учения о социально-экономических формациях. Тем не менее отзвук указанной гипотезы сказался и в работах ряда советских ученых. Развернувшееся в по-

---

[17] Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I. Ч. 1. Гл. 3. С. 165.

следние 15—20 лет активное исследование проблем воспроизводства населения закономерно выдвинуло наряду с другими вопросами также и вопрос о необходимости разработки типологии взаимосвязей и параметров процессов рождаемости и смертности в ходе их исторической эволюции.

В этих условиях в современной советской научной литературе, главным образом демографической, получило определенное распространение понятие «исторический тип воспроизводства населения». Оно обозначает научную категорию, которая призвана отразить общность наиболее важных качественных черт демовоспроизводства в более или менее сходных исторических условиях. При этом считается, что данная категория тесно связана с другой категорией — режимом воспроизводства населения, характеризующим количественную специфику этого воспроизводства на каждом историческом этапе.

Сама по себе разработка типологии воспроизводства населения, стремление выявить его исторические типы и режимы вряд ли могут вызывать возражение; больше того, заслуживает полную поддержку. Однако при этом возникает вопрос: что является основой такой типологии, как она связана с периодизацией социально-экономического развития общества? Ответ на этот вопрос в советской науке однозначен: воспроизводство населения рассматривается в ней как один из важнейших социальных процессов, следовательно, и периодизация его исторической эволюции должна, очевидно, в основном соответствовать главным периодам всемирной социальной истории, ее движению через пять последовательно сменяющихся общественно-экономических формаций.

Тем не менее некоторые демографы, разрабатывающие проблему исторической эволюции типов воспроизводства населения, отстаивают гипотезу не пяти, а трехчленного деления всеобщей демографической истории. По их мнению, нет никаких оснований считать, что смена каждого способа производства «должна вести к смене типа воспроизводства населения»[18]. Такая смена, считают они, происходит в результате более длительного социально-экономического развития, что «укрупняет» периоды эволюции и смены исторических типов

---

[18] *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество. М., 1982. С. 47.

воспроизводства населения. Начальный из них приходится на эпоху первобытнообщинного строя, второй соотносится с рабовладельческой и феодальной формациями, третий стал формироваться в новое время и ныне свойствен развитым капиталистическим, а также с некоторыми качественно своеобразными особенностями социалистическим странам.

Широкое (укрупненное) членение всеобщей демографической истории возможно и имеет свое достоинство. Оно позволяет в наиболее общих чертах представить конкретный ход всемирно-демографического развития. Однако исходной для такого членения должна быть формационная периодизация исторического процесса, а его критерием — различия в исторически сменяющихся способах производства и в формах производственных отношений [19].

К сожалению, именно это фактически не реализуется в указанных теоретических построениях, которые сводят воедино воспроизводство населения не только в рабовладельческом и феодальном обществах, но и в таких антагонистических друг другу формациях, как капитализм и социализм. Хотят того или не хотят сторонники этой типологии, в основе ее лежит все тот же формально-статистический подход, а связанные с ней разработки, несмотря на отдельные важные наблюдения, базируются в основном только на количественном анализе.

Такой подход, справедливо отмечает социолог И. С. Даниленко, «следствие поверхностно-описательного обобщения демографической истории ряда стран на уровне ее демографо-статистических показателей». И добавляет: «...так же, как статистические показатели производства металлов, машин, сельскохозяйственной и другой продукции в различных странах не дают основания для выделения способов производства, так и демографо-статистические показатели не должны смазывать существенные различия в содержании демографического развития в разных странах» [20].

Попытки разработать трехчленное деление всеобщей демографической истории не сняли, да и не могли снять

---

[19] См.: Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1983. С. 468.

[20] *Даниленко И. С.* Три книги демографов//Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1984. № 6. С. 79.

выдвинутую еще в ходе становления советской исторической демографии проблему изучения неразрывной взаимосвязи демографического и социально-экономического развития. «Принцип конкретно-исторического подхода требует изучения развития народонаселения по формациям, которые и являются качественно новыми ступенями развития народонаселения»[21].

Данное положение в полном объеме относится, по нашему мнению, и к демографическому развитию. Иначе говоря, периоды всеобщей демографической истории соответствуют смене пяти основных типов общественного способа производства. Именно они в конечном итоге определяют и тот или иной исторический тип воспроизводства населения, что выражает диалектику взаимосвязи обоих видов производства непосредственной жизни, первый из которых детерминирует характер общественного развития, второй в соответствии с этим развитием обеспечивает длящееся существование общества путем смены поколений.

Выше приводилось положение К. Маркса и Ф. Энгельса, согласно которому история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений. Данное определение раскрывает значение воспроизводства населения как непременного условия человеческой истории. Вместе с тем оно, обеспечивая постоянное возобновление народонаселения — не только предпосылки, но также продукта и результата общественного развития, не может осуществляться вне этого развития, каждый конкретно-исторический тип которого сказывается и на характере воспроизводства населения.

Означает ли сказанное, что формационное деление всеобщей демографической истории является единственным и исключает другие? На наш взгляд, нет. На основе этого подхода возможна более дробная (узкая) или более широкая периодизация демографического развития, конкретизирующая или дающая обобщенное представление о нем. Но при этом определяющим является выделение периодов демографической истории на основе общей периодизации всемирно-исторического процесса, т. е. по формациям.

Нет необходимости останавливаться на характеристике категории общественно-экономической формации. Подчеркнем только многомерность этой категории, от-

---

[21] Система знаний о народонаселении. М., 1976. С. 82.

ражающей такие ступени исторического процесса, которые характеризуются своим особым способом производства, своим историческим типом производственных отношений и организации общественной жизни в целом[22]. Исследование конкретно-исторического типа последней является центральной проблемой теории общественно-экономической формации и имеет первостепенное значение для изучения демографического развития. В этой связи уместно напомнить слова В. И. Ленина о том, что К. Маркс показал в «Капитале» «...всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»[23]. Указание на эти отношения позволяет заключить, что основоположники диалектико-материалистического учения вводили демографическое развитие (по современной нам терминологии) в живую ткань каждой формации, ставили его в ряду других основных проявлений общественной жизни, свойственной соответствующим ступеням исторического процесса.

Переходя к конкретной характеристике демографической истории на каждой из таких ступеней, следует оговориться, что эта характеристика, естественно, может быть дана только в самом общем виде.

3. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Со школьных лет многие помнят рисунок, образно изображающий многомиллионнолетний путь от обезьяны до человека: фигурку обезьяны, спускающейся с дерева, сменяет постепенно распрямляющееся существо; от него отделяются последовательно сменяющие друг друга фигуры прямоходящих обезьянолюдей (питекантропов) с развитыми передними конечностями, которые начинают овладевать все более сложными орудиями труда; завершает этот ряд сформировавшийся

[22] См., например: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологическое исследование. М., 1975; Теория общественно-экономической формации. М., 1982; и др.

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 139.

человек (Homo sapiens), который уверенно вступает в свою историю. Но на рисунке отражена лишь одна сторона единого процесса — антропосоциогенеза, касающаяся биологической эволюции человека, да и то не полно: каждой стадии эволюции предков человека соответствует одна фигурка, а их должно быть несколько — самец и самка с детенышами. За пределами рисунка осталось непрерывное возобновление изображенных на нем особей, которое уже на стадиях биологической эволюции пра- и предлюдей, очевидно, претерпело определенные изменения. Об этом свидетельствует, например, «загадка эструса», т. е. исчезновение течки (эструса) у самок предков человека, что повлекло появление существенных различий в физиологии размножения людей и в физиологии размножения обезьян.

В данном случае нет возможности останавливаться на предыстории человечества. Отметим только, что в последние годы вышли обобщающие труды, в которых затрагивается ряд вопросов, связанных с изучением процессов воспроизводства в популяциях предков человека[24].

Рубеж возникновения *народо*населения и начала его истории — это рубеж завершения антропосоциогенеза, возникновения человека и человеческого общества. «Первая предпосылка всякой человеческой истории,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— это, конечно, существование живых человеческих индивидов». Отмечая далее, что первый исторический акт этих индивидов, благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают производить необходимые им средства к жизни, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что «это производство начинается впервые с *ростом населения*»[25].

Здесь четко указано на взаимосвязь социально-экономического и демографического развития, которая возникла одновременно с возникновением человеческого общества. Завершение антропосоциогенеза, становление начальной в истории человечества первобытнообщинной формации ознаменовалось включением процессов воспроизводства населения в социальные рамки, детерминацию их социально-экономическим развитием.

---

[24] См.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза/Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1983; *Алексеев В. П.* Становление человечества и др.

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.

В западной демографии, особенно среди сторонников гипотезы «демографической революции», распространено мнение, что на протяжении длительного времени (едва ли не до наших дней) демографические процессы развивались как бы сами по себе. Нетрудно заметить в этом подходе отзвук мальтузианской доктрины. К сожалению, изложенное мнение порой некритически используется и в отдельных марксистских работах. Так, польский демограф Э. Россет полагает, что «период, в течение которого рождаемость и смертность не регулировались обществом, длился очень долго: от возникновения человечества вплоть до так называемой демографической революции» [26].

Такое странное обобщение базируется на гипотезе А. Сови, которая характеризует демографическую историю на протяжении тысячелетий, вплоть до XVIII—XIX вв., как период «демографического примитивизма». Этот «примитивизм» имеет следующие типичные черты:

1) высокая рождаемость: 30—40 ежегодных рождений на каждую 1000 человек;

2) высокая смертность: ей соответствует средняя продолжительность жизни менее 30 лет;

3) особенно высокая смертность грудных детей: каждый пятый ребенок умирает в возрасте до одного года;

4) низкая доля людей старших возрастов: количество лиц в возрасте 60 лет и старше по отношению ко всей численности населения составляет около 7% (сейчас в экономически развитых странах этот процент нередко выше более чем в два раза) [27].

Эти черты свойственны для длительного периода демографической истории и могут быть использованы для его наиболее обобщенной характеристики (почему они здесь и приведены). Однако нельзя не видеть и отрицательную сторону такого слишком широкого обобщения: демографическая история предстает как нечто застывшее на тысячелетия, не связанное с общественно-историческим развитием. Что касается термина «демографический примитивизм», то он ненаучен, противоречит принципу историзма, так как механически

---

[26] *Россет Э.* Продолжительность человеческой жизни. М., 1981. С. 14.

[27] См.: *Sauwy A.* L'Europe et sa population. P., 1953. P. 18, 33.

переносит современные оценки демографического положения на совсем иные, более ранние эпохи.

Оценка демографической истории с таких позиций заслоняет значение великого переворота, который начался в воспроизводстве населения в эпоху первобытнообщинного строя и выразился в становлении и последующей сложной эволюции надбиологических, социальных по своей природе брачно-семейных отношений.

С формированием примерно 35 тыс. лет назад ранних родовых общин охотников, рыболовов и собирателей на смену промискуитету (неупорядоченным половым отношениям) пришел брак, но брак не между индивидуумами, а между их группами. Первой формой брачных отношений был групповой, дуально-родовой брак, при котором мужчины, принадлежащие к данному роду, могли вступить в половые отношения с любой из женщин другого, соседнего рода. Социальными нормами, регулирующими репродуктивное поведение коллектива, были различные половые табу, самым сильным из которых являлся запрет половых отношений между членами одного рода.

Средняя продолжительность жизни в период палеолита и мезолита составляла 20 лет[23], женщины, как правило, умирали до завершения детородного возраста. Высокая рождаемость в среднем лишь немного превосходила смертность. Люди погибали главным образом от голода, холода, болезней, стихийных бедствий и т. д. Тем не менее темпы прироста населения по сравнению с предшествующим периодом первобытного стада несколько возросли, становились пусть очень незначительно, но более устойчивыми.

---

[28] Средняя продолжительность жизни (точнее — средняя продолжительность предстоящей жизни для новорожденного) — демографический показатель, дающий обобщенную характеристику смертности и определяющий среднее число лет, которые при данном порядке повозрастного вымирания предстоит прожить новорожденному. Поскольку младенческая смертность (до 1 года) на протяжении почти всей истории человечества была высокой, употребляют показатель модальной продолжительности жизни (мода — норма), который выражает наиболее вероятную продолжительность жизни детей старше 1 года. Оба показателя рассчитываются на основе составления демографических таблиц смертности. Модальная продолжительность жизни выражает, таким образом, возраст после 1 года, в котором число умирающих является в данной конкретной таблице смертности наивысшим.

Совершенствование производительных сил протекало чрезвычайно медленно. В эпоху неолита возникли земледелие и скотоводство (8—7-е тыс. до н. э.). Эпоха первобытной общины вступила в свой второй и последний этап — развитой родовой общины земледельцев-скотоводов. Экономика из присваивающей стала постепенно превращаться в производящую. Появился определенный излишек над необходимым продуктом — прибавочный продукт, что оказало сильное воздействие на экономическое развитие общества, имело большие социальные и демографические последствия. В этих условиях начинает складываться парная семья, состоящая из мужа, жены и детей. Ее становление протекало длительное время и в упорной борьбе с материнским родом, возникшим в ходе развития группового брака.

В эпоху неолита изменился характер возрастной смертности: детская смертность оставалась высокой, у взрослых же пик смертности переместился на более старшие возрасты. Модальный возраст смерти перешагнул 30-летний рубеж, при этом общий уровень смертности оставался высоким. Период пребывания женщин в репродуктивном возрасте увеличился; среднее число детей, рожденных одной женщиной, повысилось, однако не достигло физиологического предела.

Некоторые ученые полагают, что к исходу неолита численность населения значительно увеличилась, произошел своеобразный «демографический взрыв», порой пишут даже о «неолитической демографической революции». Однако надежных данных, подтверждающих это, нет. Все же заметные (если их сравнивать с предыдущим этапом первобытной общины) демографические сдвиги были, в том числе и в количественном росте населения[29].

В эпоху первобытной общины и перехода к классовому обществу брачно-семейные отношения проделали значительную эволюцию от группового брака до возникновения патриархальной семьи, связанной с появлением частной собственности[30]. Произошли серьезные изменения в социальном положении женщины — на долгие столетия она обрекалась на роль несамостоятельного

---

[29] См.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины/Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1986. С. 444, 452.

[30] Подробнее см.: *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.

спутника мужчины, была превращена в слугу мужа, «в рабу его желаний, в простое орудие деторождения». На определенном историческом этапе женщина «отстала» от мужчины, произошло, как писал Ф. Энгельс, всемирно-историческое поражение женского пола. Он рассматривал это как революцию — одну из самых радикальных, пережитых человечеством[31].

Самая длительная в истории человечества первобытнообщинная формация обеспечила рост производительных сил общества, развитие общественного разделения труда, завершилась возникновением частной собственности, индивидуального хозяйства, что привело к распаду рода, выделению зажиточной верхушки, превращавшей в рабов военнопленных и обедневших соплеменников.

В результате разложения первобытнообщинного строя сложилась первая в истории классово-антагонистическая рабовладельческая формация. Древнейшие рабовладельческие государства образовались на рубеже 4—3 тыс. до н. э. (Месопотамия, Египет). Высшего развития рабовладельческий строй достиг в Древней Греции (V—IV вв. до н. э.) и в Древнем Риме (II в. до н. э. — II в. н. э.).

Переход к рабовладельческой формации вызвал коренные изменения в развитии народонаселения. Хотя значительную часть населения составляли свободные мелкие земельные собственники, ремесленники, представители других социальных групп, рабовладельческие отношения были господствующими, определяли, как справедливо отмечает демограф И. В. Дзарасова, все процессы развития народонаселения.

Рабы рассматривались как орудия труда и были полностью бесправны. Чаще всего они не могли иметь семью. Их воспроизводство происходило, как правило, за счет невольничьего рынка.

Несмотря на то что имели место (особенно в Древнем Риме) случаи «разведения» рабов, т. е. их естественного воспроизводства, невольничий рынок пополнялся главным образом за счет военнопленных («живые убитые»), а также продажи в рабство своих сограждан, что, впрочем, не было повсеместным явлением. Тем

---

[31] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 59—60.

не менее рабы постоянно воспроизводились, но воспроизводились, так сказать, потенциально, в недрах юридически свободного населения, так как в условиях рабовладельческого строя любой свободный не был гарантирован от превращения в раба во время войн или в силу каких-либо других жизненных обстоятельств.

Развитие семейно-брачных отношений, шедшее почти полностью в среде свободного населения, характеризовалось окончательным переходом от парной семьи к моногамной. У различных народов этот переход, начавшийся еще в период разложения первобытнообщинного строя, протекал неодинаково. Моногамия утвердилась лишь в зрелом классовом обществе, когда сложилась семья, в которой безраздельно господствовал мужчина.

Определенные изменения произошли и в процессах рождаемости и смертности. Среди причин смертности первое место заняли болезни и потери в войнах. Некоторое увеличение продолжительности жизни населения повлияло на показатели рождаемости. Среднее число детей, рожденных одной женщиной, составляло 5 человек.

В государствах наиболее развитой, античной формы рабовладения впервые в истории возникает явление малодетности. Так, в условиях начавшегося в I в. до н. э. кризиса римского общества было отмечено значительное падение рождаемости граждан империи. В этой связи был принят ряд законодательных актов, получивших общее наименование закона Юлия и Папия Поппея (3 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Он был рассчитан на укрепление семьи и повышение рождаемости, в частности предоставлял преимущества всем римским гражданам, имевшим трех и более детей.

В некоторых государствах возникали определенные противоречия между ростом численности населения и слабым развитием производительных сил. Они разрешались путем принудительной эмиграции, в результате которой в Средиземноморье возникли греческие, финикийские и римские колонии. «В древних государствах, в Греции и Риме, — писал К. Маркс, — вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая

опасности самих условий существования античной цивилизации»[32].

С возникновением рабовладельческих государств в фискальных и военных целях начали проводиться первые учеты населения; регулярные цензы осуществлялись с V в. до н. э. по II в. н. э. в Древнем Риме и его провинциях.

Пришедший на смену рабовладельческому обществу феодализм как формация в своей классической форме сложился в странах Западной Европы и датируется периодом примерно V—XVII вв. В других странах Европы и Азии феодализм характеризовался рядом особенностей. В то время как в Европе под влиянием роста производства и некоторых других причин рабство исчезло, уступив место феодально-крепостнической зависимости, во многих странах Азии оно продолжало существовать, не играя, однако, важной роли. В Африке феодальные отношения стали оформляться сравнительно поздно (и лишь в странах Средиземноморья); в Америке до прихода европейцев стадии феодального развития не достиг ни один из индейских народов.

В литературе иногда встречается утверждение, что «в средневековую эпоху, характеризующуюся засильем христианства с его фаталистической концепцией «все в руках божьих», интерес к проблемам демографии существенно ослаб»[33]. Это глубоко ошибочное утверждение. Во-первых, отношение к «демографической проблеме» на разных этапах средневековья не было одинаковым. Во-вторых, если уж говорить об этом периоде в целом, то именно христианская церковь (как, впрочем, и ряд других религий) всячески способствовала размножению населения, что было не случайно. Феодалы, чьи интересы выражала церковь, являясь собственниками земли и имея право на значительную часть труда своих крепостных крестьян, а также на их продажу другому собственнику, были заинтересованы в численном росте крестьян. Господствовавшая при феодализме патриархальная семья складывалась из ряда кровнородственных по мужской линии индивидуальных семей и представляла собой как хозяйственную ячейку, так и основное звено в физическом возобновлении населения

---

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 567.

[33] *Литвинова Г. И.* Право и демографические процессы в СССР. М., 1981. С. 7—8.

феодального общества. В репродуктивном отношении этот тип семьи оказался наиболее производительным из всех форм семейной организации, когда-либо существовавших.

Однако высокая рождаемость, свойственная патриархальной семье, «погашалась» высокой смертностью, особенно среди закрепощенного населения и трудовых слоев феодального города. Такая смертность была обусловлена низким развитием производительных сил, тяжелыми условиями жизни, эпидемиями и войнами. По мере развития производительных сил и особенно сельскохозяйственного производства уровень смертности медленно снижался, что при сохранении высокой рождаемости привело к увеличению естественного прироста населения.

Несмотря на жестокость эпохи, она создавала некоторые благоприятные условия для воспроизводства населения. Если рабовладелец не был заинтересован в естественном воспроизводстве своих рабов — ему было дешевле их купить «в готовом виде»,— то отношение феодала к массе зависимого от него населения было иным, ему был выгоден естественный рост этого населения. «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов,— писал К. Маркс,— определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»[34].

В Западной Европе сравнительно устойчивый прирост населения начался примерно с рубежа 1-го и 2-го тысячелетий, однако он сильно замедлялся почти непрекращавшимися феодальными междоусобицами и войнами, частыми эпидемиями[35]. Так, от эпидемии чумы, распространившейся в Европе в 1347 — 1353 гг. и получившей название черной смерти, погибло около 25 млн. человек — почти половина тогдашнего населения этого континента.

С началом новой истории, периода перехода от феодализма к капитализму, впервые стало очевидным, что человек заселяет все пригодные для его обитания территории нашей планеты. За короткий исторический пе-

---

[34] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 729.

[35] О ряде историко-демографических вопросов европейского средневековья см.: *Самаркин В. В.* Историческая география Западной Европы. М., 1976.

риод человечество распространилось по всей Земле, а его численность значительно увеличилась. Только за 8—9 тыс. лет, прошедшие от эпохи неолита до начала нового времени, она возросла более чем в 50 раз (см. табл. 1).

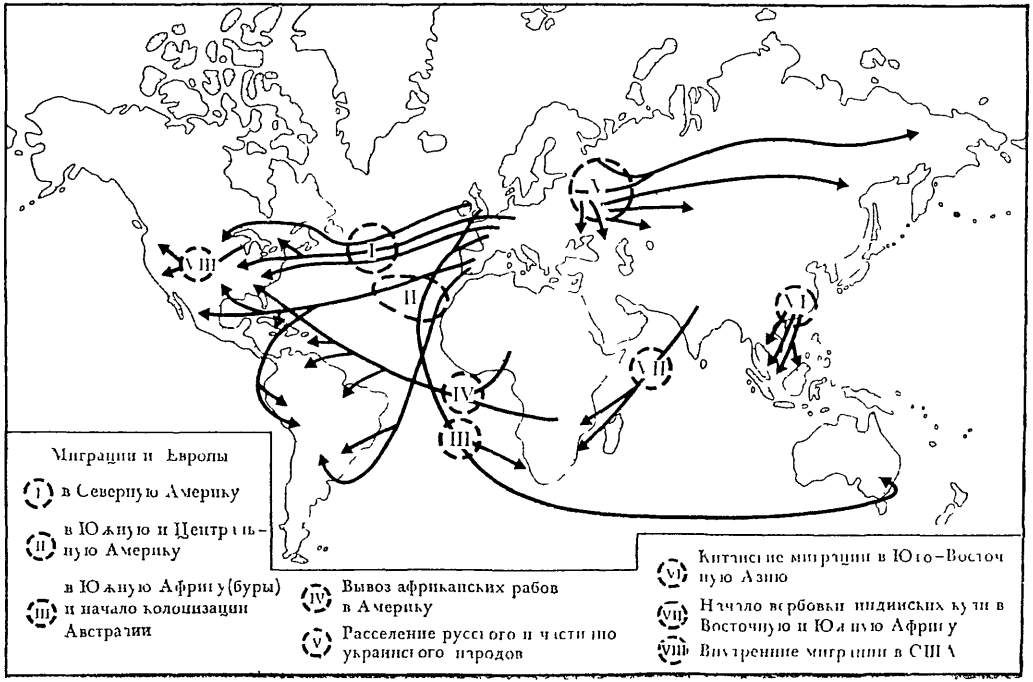
Это не был «популяционный взрыв». В основе указанного роста лежали не биологические, а социальные факторы. Он свидетельствовал, что, несмотря на огромные трудности, демографическое развитие человечества — органическая часть общественного развития — было поступательным, в труднейших условиях становления и начальных этапов движения общества оно не только обеспечило длящееся существование народонаселения, его выживание, но и его расширенное воспроизводство. Конечно, движение демографических процессов (как и все развитие народонаселения) было сложным, противоречивым, подчас зигзагообразным, в разных регионах мира оно имело свои особенности. Но если оценивать его в целом, то оно на каждом крупном историческом этапе в основном отвечало характеру и содержанию соответствующих этим этапам первых трех общественно-экономических формаций.

С наступлением нового времени появились новые тенденции и в демографическом развитии. Поскольку наиболее значительные из них обнаружились в XVIII—XIX вв., остановимся на развитии демографической ситуации в этот период.

Огромные изменения, происходившие в мире по мере утверждения промышленного капитализма, постепенно стали сказываться и на демографических процессах, складывании новой демографической ситуации в Европе в первую очередь. Именно в западноевропейских странах, раньше других вставших на путь капиталистической индустриализации, уже во второй половине XVIII в. стали обнаруживаться признаки изменений в смертности. Глубокую характеристику этого процесса дал А. Г. Вишневский, показавший, что в основе его лежит изменение структуры причин, от которых умирают люди[36]. «От чумы, голода и войны, избавь нас, Господи» — это заклинание средневековья в обобщенном виде формулирует экзогенные (внешние) причины смерти, которые были господствующими на протяжении

---

[36] См.: *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976. С. 51 и след.



Главные мировые миграции населения в XVII — первой половине XIX в.

всей истории докапиталистических формаций, унося человеческие жизни в ранних возрастах. В рассматриваемое время эти внешние причины смерти впервые стали отступать (кроме войн). На смену им шли эндогенные (внутренне обусловленные) причины смерти, поражающие пожилые и старческие возраста, что означало, во-первых, сокращение смертности, во-вторых, увеличение средней продолжительности жизни.

Отступление смертности шло медленно и не повсеместно. Еще во второй половине XVIII в. вспышки голода потрясали Европу. В самом конце первой половины XIX в. из-за неурожая картофеля погиб миллион ирландцев. И все же голодные годы стали повторяться все реже и реже, а смертность от голода и хронического недоедания пошла на убыль. Чуму Европа XIX в. уже не знала, внедрялось оспопрививание, открытое Э. Дженнером. Но появившаяся в Европе новая болезнь — холера оставляла после себя большие опустошения. Кроме того, малярия и туберкулез — болезни нищеты, которым благоприятствовало тяжелое положение пролетариата в XIX в.,— явились причиной многих смертей. Последнее свидетельствовало о противоречивом характере снижения смертности при капитализме. «Повторяющиеся вспышки холеры, тифа, оспы и других эпидемических заболеваний,— отмечал Ф. Энгельс,— показали английскому буржуа настоятельную необходимость улучшения санитарного состояния его городов, если он хочет спасти себя и свою семью от опасности пасть жертвой этих болезней»[37].

Изменение жизненных условий влекло за собой улучшение здоровья населения, этому же содействовали успехи медицины в борьбе с эпидемическими заболеваниями, а также распространение со второй половины XIX в. санитарии и становление научной гигиены[38]. Однако миллионные массы трудящихся могли очень ограниченно пользоваться этими достижениями и это, конечно, сдерживало процесс снижения уровня смертности.

Особенно деформировали этот процесс войны, которые стали неотъемлемой частью капитализма. Если в XVI в. военные потери в Европе, по подсчетам Б. Ц. Урланиса, исчислялись сотнями тысяч человек, то в

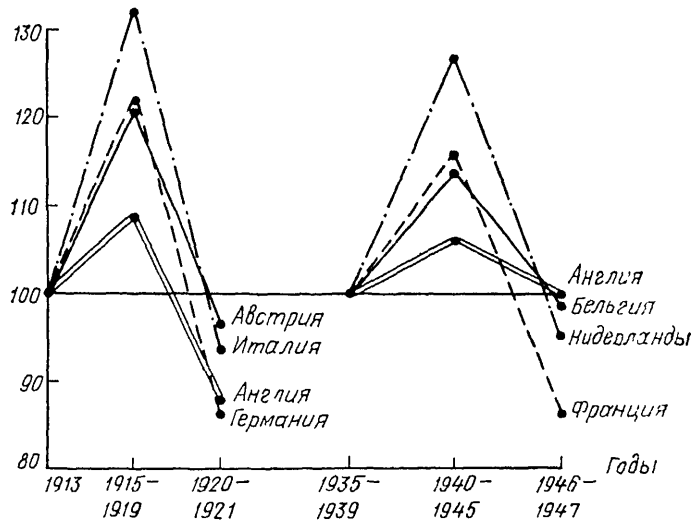
---

[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 262.

[38] В 1876—1878 гг. немецкий ученый М. Петтенкофер ввел новые понятия — «социальная гигиена» и «санитарная статистика».

XVII в. они превысили 3 млн. человек, в XVIII в.— 5 млн., а в XIX в. только в период наполеоновских войн (1800—1815) составили более 3,6 млн. человек[39].

Снижение смертности в XIX в. не было прямолинейным процессом. Тем не менее падение уровня смертности



Изменение уровней смертности населения ряда стран во время и после первой и второй мировых войн (в процентах к 1913 г. и к 1935—1939 гг.)

в западноевропейских странах было налицо. По данным венгерского специалиста по исторической демографии И. Ковачича, общий коэффициент смертности в Англии снизился за 100 лет — с 1801—1810 гг. до 1901—1910 гг.— в 1,7 раза (с 23,9 до 15,4‰). Во Франции за период с 1811—1820 гг. до 1901—1910 гг. снижение произошло с 26,1 до 19,4‰. В Нидерландах за вторую половину XIX в. этот показатель снизился с 25,4 до 15,1‰. В начале XX в. наиболее низкие общие коэффициенты смертности были в Дании, Норвегии и Швеции (14,2—14,9‰). Даже в тех странах, которые позже вступили на путь капиталистического развития, к началу XX в. уровень смертности заметно понизился.

---

[39] См.: *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 42, 404.

Иначе реагировала на новые социально-экономические условия рождаемость. Практически во всей Европе (кроме Франции) рождаемость вплоть до последней четверти XIX в. оставалась на высоком уровне. В начале прошлого века наибольший коэффициент рождаемости (более 35‰) отмечался в таких странах, как Австрия, Венгрия, Испания, затем Англия, Финляндия и Германия. Если воспользоваться данными И. Ковачича, то можно заключить, что в первой половине XIX в. рождаемость в Англии оставалась высокой, изменившись с 1801—1810 гг. до 1851—1860 гг. очень незначительно — с 37,5 до 35,0‰. В таких странах как Швеция, Норвегия, Венгрия, показатель ее за это время даже вырос, а в других, например в Бельгии, остался неизменным. Как и смертность, рождаемость под влиянием конкретных социально-экономических и ряда других факторов изменялась волнообразно. Но в среднем в течение XIX в. она находилась в Европе на уровне 37—40‰. Ее модальный коэффициент здесь был 38‰ [40].

Обращает на себя внимание низкий уровень рождаемости во Франции. Уже за первую половину XIX в. ее коэффициент снизился с 31,8 (1801—1810) до 26,3‰ (1851—1860). Такого низкого показателя не имела в середине столетия ни одна страна. Но как стало ясно из последующего, этот показатель был своеобразным индикатором тех глубинных изменений, которые зрели на протяжении длительного времени и выявились с середины 70-х годов XIX в. в снижении рождаемости, постепенно охватившем все европейские страны.

Итак, демографическая ситуация в Европе на протяжении большей части XIX в. характеризовалась постепенным снижением уровня смертности и высокой рождаемостью. Вопрос о том, что первоначально вызвало рост численности населения — снижение смертности или некоторое увеличение рождаемости,— остается дискуссионным. Во всяком случае высокие темпы роста населения Европы были достигнуты в условиях как падения уровня смертности, так и высоких показателей рождаемости. В среднем годовой прирост населения в XIX в. был равен 0,77%; это в 7 раз превышало темпы роста населения феодальной Европы и в 3 раза — темпы эпохи первоначального накопления. В результате в течение XIX в. население Европы более чем удвоилось. По

---

[40] См.: *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. С. 239.

существующим оценкам, оно в 1800 г. насчитывало 193—208 млн. человек, а в 1900 г.— 423—430 млн. человек[41], т. е. выросло в 2—2,2 раза. Этот «белый взрыв», как его иногда называют в западной литературе, послужил демографической основой расселения европейцев в XIX в. по многим другим континентам.

Наиболее высокие темпы роста населения прослеживаются в Англии. Ее население в XIX в. увеличилось почти в 3,5 раза — такой рост не был достигнут ни в одной стране. Во второй половине XIX в. и особенно в последней его четверти стало быстро расти население Германии. Иной была картина во Франции. Коэффициент естественного прироста населения в середине века стал стремительно падать и к концу его достиг примерно нуля. Франция в XIX в. не увеличила население даже наполовину.

Если брать рост численности населения мира в целом, то он, хотя и отстал от европейского масштаба, все же был значительным[42]. Где-то в первой четверти XIX в. численность человечества впервые достигла миллиарда и затем несоизмеримо более высокими темпами, чем за всю предшествующую демографическую историю, стала нарастать, все быстрее приближаясь к рубежу второго миллиарда. Рост населения по континентам проходил в XIX в. неравномерно. Самый низкий показатель его был в Африке и Азии, где население увеличилось только в 1,3 и в 1,5 раза соответственно. Примерно одинаковым (почти в 3 раза) был рост населения в Латинской Америке и в Океании. В 13,5 раза оно увеличилось в Северной Америке. Ясно, что такой рост, как и показатели Латинской Америки и Океании (включающей Австралию), был достигнут за счет миграции населения в эти регионы.

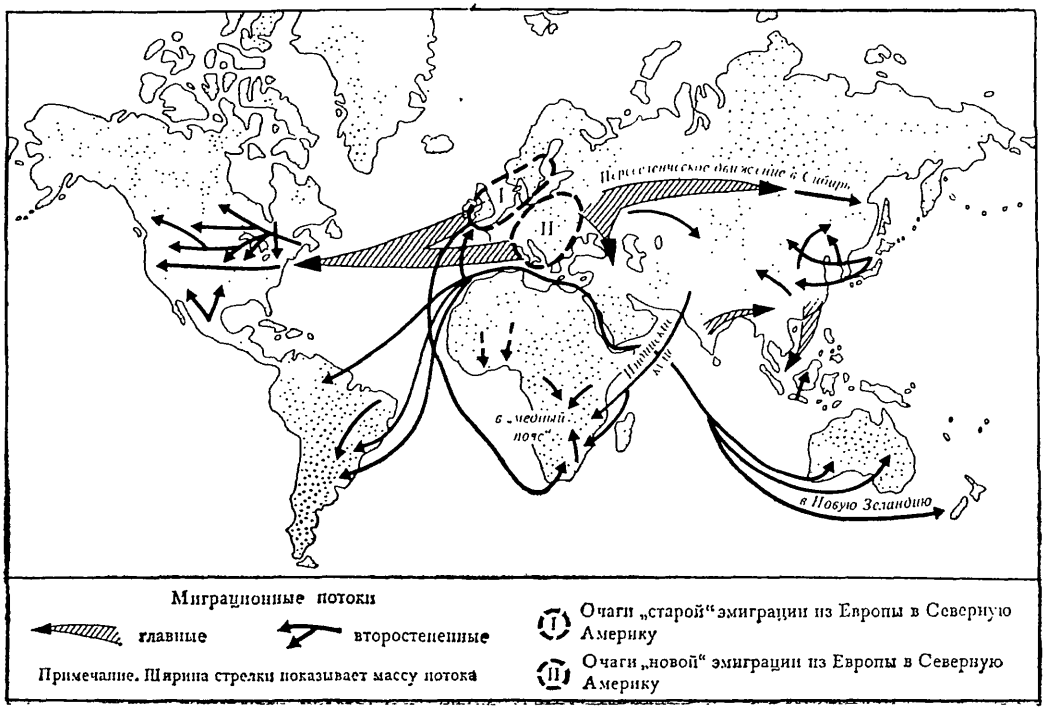
На протяжении XIX в. из Европы выехали более 28 млн. эмигрантов. Из них почти половина приходится на последние два десятилетия (80—90-е годы)[43]. Откуда шли основные потоки, показывают данные о мигрантах, прибывавших в США. На первом месте по численности стояли выходцы из Англии (включая Ирландию);

---

[41] См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I. Ч. 1. С. 56.

[42] См.: Мировое демографическое положение в 1970 году. ООН. Нью-Йорк. С. 6.

[43] См.: *Хорев Б. С., Чапек В. Н.* Проблемы изучения миграции населения. М., 1978. С. 117.



Миграции населения в конце XIX — начале XX в. (до 1914 г.)

менее устойчивый, но все же значительный поток шел из Германии. Начиная с 90-х годов основную массу мигрирующих в США стали составлять выходцы из Южной и Восточной Европы (в том числе из России) [44].

Кроме США и Канады значительный поток европейской миграции направлялся в британские колонии, в частности в Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку. Примерно с 1880 г. много иммигрантов стало прибывать в Латинскую Америку, где произошли серьезные изменения — народы этого континента встали на путь самостоятельного государственного развития. В XIX в. на всем Американском континенте было, наконец, отменено рабство, что имело серьезные демографические последствия не только для Америки, но и для Африки. Выдающийся негритянский историк У. Дюбуа считает, что в связи с невольничьим рынком для Западного полушария Африка потеряла свыше 60 млн. человек [45].

Завершая краткий обзор мирового демографического развития к исходу XIX в., следует отметить, что это развитие шло в условиях социального строя, который, по определению К. Маркса, «...является расточителем людей...» [46]. В «Капитале» К. Маркс раскрыл закон относительного перенаселения как основной экономический закон народонаселения капиталистического общества [47], всем стадиям которого свойственны безработица и нищета масс.

Как складывалась мировая демографическая ситуация в первые десятилетия XX в.? Прежде всего она характеризовалась убыстряющимся ростом населения. Если в 1900 г. на земном шаре насчитывалось 1,6 млрд. человек, то в 1950 г. этот показатель составил почти 2,5 млрд. Предполагается, что примерно в 1927 г. численность населения Земли достигла второго миллиарда. Путь к первому миллиарду занял всю демографическую историю человечества до начала XIX в., путь ко второму миллиарду — немногим более столетия. Это явилось результатом неуклонного (с небольшими колебаниями) увеличения среднегодового прироста населения.

---

[44] См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. ООН. Нью-Йорк, 1975. Т. I. Ч. 4. С. 635—638.

[45] См.: *Фостер У.* Очерк политической истории Америки. М., 1955. С. 105.

[46] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 101.

[47] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 656—657.

Такой прирост определялся соотношением показателей рождаемости и смертности. Уровень последней продолжал понижаться, что происходило во все большем количестве районов мира. Так, в экономически развитых странах показатели смертности за период с 1900—1910 гг. до 1930—1940 гг. снизились с 21 до 14‰. Меньшее, но заметное ее снижение произошло и в экономически слаборазвитых регионах — за тот же период с 34 до 29‰. Иную картину дают показатели рождаемости. В течение всей первой половины XX в. они в менее развитых районах оставались на неизменно высоком уровне — 41‰. В то же время в развитых странах происходило сокращение рождаемости: в 1900—1910 гг. ее показатель составлял 34‰, а в 1930—1940 гг.— 22‰ [48].

Начавшийся в последней четверти XIX в. процесс снижения рождаемости в ряде стран Европы продолжился и в XX в. В некоторых странах уровень рождаемости опустился значительно ниже приведенных средних показателей. Так, в Англии в 1870—1879 гг. рождаемость составляла 35,5‰, в 1910—1914 гг. она сократилась до 24,3‰, а в 1933—1938 гг.— до 14‰. Соответственно резко уменьшился и прирост населения: он упал с 10,4‰ в 1910—1914 гг. до 2,9‰ в 1933—1938 гг.

Удельный вес населения Европы в общей численности населения мира стал постепенно сокращаться. Одновременно доля населения ряда других континентов заметно повысилась, особенно Африки и Америки. Рост численности населения последней дала главным образом Латинская Америка, где как считается, в 20—30-е годы произошел региональный «демографический взрыв» (среднегодовой прирост населения превысил 1,5%) [49].

Важное значение сохраняла международная миграция, особенно в США. С 1901 по 1930 г. сюда прибыло 18,6 млн. человек (чистая иммиграция составила 63%). Всего же из Европы за 1900—1939 гг. эмигрировало 28,5 млн. человек [50]. Массовые перемещения населения

---

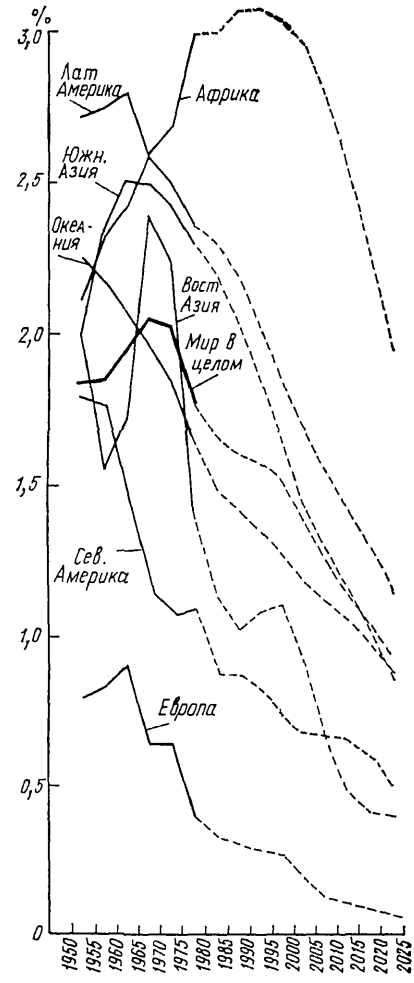
[48] См.: Краткое изложение мирового демографического положения в 1970 году. ООН. Нью-Йорк, 1971. С. 4.

[49] См.: *Брук С. И.* «Демографические взрывы» в истории//Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин, 1979. С. 21.

[50] См.: *Хорев Б. С., Чапек В. Н.* Проблемы изучения миграции населения. С. 124, 128.

произошли в 40-е годы, они были связаны с военными действиями, с изменениями границ государств и с различными политическими и экономическими причинами.

50-е годы стали переломными в мировом демографическом развитии, определили хронологическую грань в складывании сложной современной демографической ситуации. Нередко характеристику этой ситуации почти полностью сводят к «демографическому взрыву» в развивающихся странах, что в общем объяснимо. Указанный «взрыв» выразился в одном из феноменов современности — беспрецедентном во всей истории человечества росте его численности. В 1950 г. численность населения мира составляла 2,5 млрд. человек, примерно десять лет спустя она достигла 3 млрд., в 1976 г. — 4 млрд., а в настоящее время — 5 млрд. человек (см. табл. 2).



Среднегодовые темпы роста мирового населения (в процентах). Расчет ООН, 1982 г., средний вариант

Однако, как ни внушительны эти данные, характеристика современного мирового демографического развития не исчерпывается ими, а имеет многосторонний, сложный и противоречивый характер. Оно развертывалось и идет в условиях коренных социально-экономических изменений в мире. Возникновение мировой

Таблица 2

Динамика численности населения мира и его основных регионов во второй половине XX в. (млн. чел.)

Дата	Весь мир	В том числе				
		зарубежная Европа	зарубежная Азия	Африка	Америка	Австралия и Океания
1950	2527	392	1392	220	330	13
1960	3060	425	1715	275	414	16
1970	3728	460	2140	356	509	19
1980	4417	485	2564	472	608	23
1990*	5242	499	3077	635	749	26
2000*	6119	512	3612	853	898	30

* Оценка

Источник: Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1984. С. 32.

социалистической системы, крах колониализма и образование десятков новых государств, продолжающееся углубление общего кризиса капитализма — все это сказывается на мировом демографическом развитии. Само это развитие далеко не однозначно: демографические проблемы в социалистических странах и их решение имеют принципиально иной характер, нежели в странах капитализма; свои проблемы народонаселения вынуждены решать страны, освободившиеся от колониального ига.

Решение основных вопросов обострившейся во второй половине XX в. мировой демографической ситуации жизненно важно для всего человечества [51]. Демографическая проблема, как указано в новой редакции Программы КПСС, входит в число глобальных проблем, стоящих перед человечеством в целом [52].

Можно выделить ряд негативных тенденций современного мирового демографического развития, которые чреваты наиболее отрицательными долговременными

---

[51] Об этой проблематике см.: *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности. М., 1981; Страны и народы. Земля и человечество. Глобальные проблемы. М., 1985.

[52] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 178.

последствиями. Прежде всего к ним относятся стремительный рост населения («демографический взрыв») в развивающихся странах и угроза депопуляции («демографический кризис») в развитых капиталистических странах. Негативный характер имеет также неконтролируемая урбанизация в развивающихся странах, кризис больших городов в развитых капиталистических странах. Наконец, отметим и отрицательное значение стихийной миграции населения.

При рассмотрении основных показателей современного мирового демографического развития прежде всего обращают на себя внимание высокие темпы прироста его численности, которые не отмечались в прошлом и вряд ли повторятся в будущем. Их нарастание стало фиксироваться в 50-е годы и в первой половине 60-х годов достигло своей высшей отметки (пика). В 1950 г. население нашей планеты увеличилось на 0,8%, в 1960 г.— на 1,8, в 1965 г.— на 2,0% [53]. Со второй половины 60-х годов этот показатель стал медленно снижаться. Растянутость его снижения объясняет продолжающийся рост численности мирового населения, которая в 2000 г. достигнет примерно 6,1 млрд. человек и стабилизируется в будущем, как предполагается, на уровне 10—11 млрд. человек [54].

Темпы роста населения в разных регионах мира существенно отличны. Так, в 1980—1985 гг. (см. табл. 3) их среднегодовой показатель составлял для экономически развитых стран 0,64% (самый низкий — в Европе: 0,33%). В то же время для регионов развивающихся стран он был выше более чем в три раза — 2,02% (самый высокий — в Африке: 3,01%).

За этими показателями кроются другие, свидетельствующие о больших различиях в течении основных демографических процессов. Если обратиться к характеристике рождаемости, то окажется, что ее уровень в развивающихся странах в два раза выше, чем в экономически развитых,— 31‰ против 15,5‰ (самый высокий опять же в Африке — 46,4‰, самый низкий — в Европе — 14,0‰). Что касается коэффициентов смертности, то их относительная близость (9,6‰ в развитых и 11,0‰ в развивающихся странах) в значительной

---

[53] См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I. Ч. 1. С. 24.

[54] См.: World population prospects. N. Y., 1985. P. 14.

Таблица 3

Население мира в 1980—1985 гг. (некоторые демографические характеристики)

	Темпы роста населения, (в %)	Рождаемость (на 1000 чел. населения)	Смертность (на 1000 чел. населения)	Средняя продолжительность предстоящей жизни (лет)	
				мужчины	женщины
Весь мир	1,67	27,3	10,6	57,5	60,3
Экономически развитые регионы	0,64	15,5	9,6	64,4	76,9
Развивающиеся регионы	2,02	31,2	11,0	55,5	57,7
Африка	3,01	46,4	16,5	48,2	51,3
Латинская Америка	2,30	31,8	8,2	61,8	66,5
Северная Америка	0,89	16,0	9,1	70,4	78,1
Азия	1,73	27,4	10,2	57,2	58,7
Европа	0,33	14,0	10,7	70,0	76,6

Источник: Geographical Magazine. 1986. February.

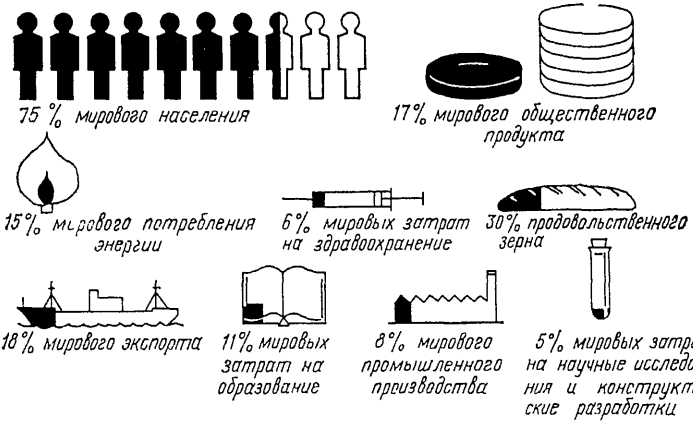
мере объясняется различиями демографических структур в этих двух группах стран. В отличие от развитых стран в населении развивающихся стран значительную долю составляют дети и лица молодых возрастов, что «амортизирует» показатель смертности, снижает его. Этим объясняется, что, например, коэффициент смертности в Азии (10,2‰) почти такой же, как в Европе (10,7‰) и даже чуть ниже его; еще ниже он в Латинской Америке — 8,2‰. Действительную оценку смертности дает показатель средней продолжительности жизни. В экономически развитых странах она составляла (оба пола) в 1980—1985 гг. 70,6 лет, в развивающихся регионах — 56,6 лет.

Быстрое снижение уровня смертности населения этих регионов породило встречающееся иногда неправильное представление о причинах «демографического взрыва». Их видят в успехах медицины, санитарии и гигиены, которые стали применяться в освободившихся странах, что снизило смертность. В то же время традиционно высокая рождаемость обеспечила «взрыв».

Такое представление является не только упрощенным, но и принципиально неверным. Успехи медицины, санитарии и гигиены, справедливо подчеркивает совет-

ский социолог и демограф Э. А. Араб-Оглы, как бы значительны они ни были, сами по себе не являются причиной стремительного роста населения мира. Они представляют собой лишь научно-техническую предпосылку для него. Подлинной же социальной причиной «демографического взрыва» является неравномерность развития разных стран и различных сфер в современном

На долю развивающихся стран приходится:



мире — следствие стихийности общественного развития, антагонистических социальных отношений, наследия колониализма. «Беспрецедентный рост населения на земном шаре вызван тем, что в развивающихся странах одновременно сосуществует смертность, которая была присуща развитым странам в начале XX в., и рождаемость, типичная для XVII в. Вместе с тем по уровню производительности труда и дохода на душу населения, по урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота, по грамотности населения и культурному уровню подавляющее большинство народов этих стран живет где-то в XIX в., а нередко и в еще более ранней эпохе» [55].

«Демографический взрыв» — исторически преходящее общественное явление, которое со временем отдалится в прошлое. Однако понимание этого не снимает

---

[55] *Араб-Оглы Э. А.* Демографические и экологические прогнозы. М., 1978. С. 13.

современных сложных проблем, порожденных этим явлением. Не являясь главной причиной огромных трудностей, стоящих перед развивающимися странами, стихийный рост населения сказывается отрицательно на их экономике, осложняет социально-экономическое и культурное развитие, порождает уродливые формы урбанизации, консервирует и усиливает нищету и голод. По данным французского ежемесячника «Mond diplomatique», число хронически голодающих в мире составляло в 1980 г. около полумиллиарда человек, пять лет спустя оно достигло 700—800 млн. человек. Подавляющее большинство из них — жители развивающихся регионов, и особенно африканского. «Развивающиеся страны, где проживает более 2 миллиардов человек, стали практически сплошным регионом бедности,— отмечено в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.— В начале 80-х годов уровень доходов на душу населения в освободившихся странах в целом был в 11 раз ниже, чем в развитых капиталистических» [56].

Нищета и голод свойственны и для последних. Даже в самой богатой из них — США — миллионы граждан вынуждены влачить нищенское существование. Их число достигло 35,5 млн. человек, говорится в докладе «Голод в Америке», опубликованном в 1985 г. Гарвардским университетом. Эта картина, дополняемая ростом безработицы, свойственна для всех капиталистических стран. Только в Западной Европе безработица затрагивает около 20 млн. человек. Примерно половина безработных — женщины, а также мужчины старших возрастов, которых предприниматели увольняют в числе первых.

Таковы штрихи социального фона, на котором идет современное обострение демографических проблем экономически развитых стран капитализма, являющееся (наряду с ростом населения развивающихся регионов) характерной чертой современной мировой демографической ситуации. Продолжающееся с 60-х годов резкое снижение рождаемости в этих странах поставило некоторые из них (например, Австрию, Данию, Великобританию, ФРГ, Францию и др.) перед угрозой депопуляции. Так, в ФРГ, по данным, опубликованным в начале 1986 г. французской газетой «Matin», «в среднем на

---

[56] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 17.

каждую женщину приходится 1,3 ребенка. Это самый низкий показатель на континенте. В 2050 г. численность населения этой страны, по прогнозам демографов, составит 27 млн. человек против 61 в настоящее время». Близки к такой ситуации и другие западноевропейские страны. Недаром директор французского Института демографических исследований Ж. Кало на вопрос журналистов о том, каков демографический прогноз для Франции, ответил лаконично: «Этот прогноз можно резюмировать в двух словах: застой и старение».

Последнее слово — не образное выражение, оно означает впервые проявившееся в демографической истории новое явление — демографическое старение населения. Природа его сложная. В определенной мере оно связано с сокращением рождаемости и уменьшением, таким образом, в структуре населения доли детских и молодых возрастов. Вместе с тем в основе его лежит увеличение продолжительности жизни. Это крупное достижение человечества оборачивается в условиях капитализма трагедией для миллионов лиц старшего возраста, которые превращаются в «демографическую нагрузку» для общества. «Сейчас все — президент республики, министры, депутаты, телевидение, радио, газеты — все больше занимаются судьбой стариков,— отмечает в своем дневнике писатель Ж. Сименон.— Почитав и послушав их, можно подумать, что старики уже не являются частью человечества и составляют какой-то особый класс» [57]. В этих словах «певца маленьких людей» — горечь, вызванная неспособностью капиталистического общества решить социальные проблемы, связанные с демографическим старением населения капиталистических стран.

В условиях резкого обострения проблем народонаселения они уже в 50—60-е годы стали привлекать все большее внимание не только научной, но и широкой общественности, а также правительств целого ряда стран. Примерно в это же время в некоторых странах — сначала в экономически развитых (Франция и др.), затем в развивающихся (например, в Индии и др.) — стали проводиться мероприятия, направленные на изменение демографической ситуации. Во многих странах эти мероприятия проводятся на уровне государственной полити-

---

[57] *Сименон Ж.* Я диктую. М., 1984. С. 239.

ки, в ряде стран их реализация ведется только общественными организациями при содействии государства.

Демографическая политика (в западной литературе ее чаще называют политикой народонаселения, планированием семьи, планируемым родительством и т. д.) представляет собой комплекс экономических, юридических и идеологических мероприятий, направленных на достижение желательного (для данной страны) типа воспроизводства населения [58]. В таком виде и в таких масштабах проведения она — детище современности, порождена конкретными потребностями нашей эпохи. Но это ни в коей мере не значит, что предшествующая демографическая история человечества прошла под знаком «неконтролируемого процесса воспроизводства населения» [59]. Общество всегда в той или иной форме в конечном счете осуществляло контроль за этим процессом и управляло им. К сожалению, данная проблема почти не исследована в историко-демографическом аспекте. Когда это будет сделано, подтвердится, что на всех этапах общественно-исторического развития такой контроль был органической частью социальной политики. Современная демографическая политика при всем разнообразии ее форм и конкретных целей так же неотъемлема от социальной политики данного общества, имеет, как и всякая политика, классовый характер [60].

Поскольку демографическая ситуация в развитых капиталистических странах и в развивающихся регионах различна, различны и цели осуществляемых в них демографических мероприятий. В тех капиталистических странах, где осуществляются такие мероприятия, они направлены против снижения рождаемости, обеспечения хотя бы так называемого «нулевого роста» населения, т. е. сохранения его численности в существующих параметрах. Иные цели преследуются в развивающихся

---

[58] См.: *Кваша А. Я.* Демографическая политика в СССР. М., 1981.

[59] *Россет Э.* Продолжительность человеческой жизни. С. 14.

[60] Показательно, что своеобразная демографическая политика, поощрявшая «воспроизводство арийцов» и геноцид «неарийского населения», проводилась в фашистской Германии. Гитлер и его подручные любили рассуждать о необходимости роста «биологического потенциала Германии», старательно высчитывали, подобно прусскому королю Фридриху II («Великому»), сколько «потенциальных пехотинцев» дает повышение рождаемости у представителей «чистой расы» (см.: *Мельников Д., Черная Л.* Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1982. С. 274, 419—420).

странах; здесь основная задача заключается в том, чтобы снизить высокую рождаемость, приостановить значительный рост численности населения. Однако решение этой задачи чрезвычайно затруднено бедственным положением развивающихся стран, которое стало крупнейшей общемировой проблемой.

Все это создало объективную основу развития в последние десятилетия международной деятельности в области народонаселения, которая осуществляется главным образом через ООН и проходит в условиях острой идейно-политической борьбы. Участие советских представителей в этой деятельности имеет большое значение для разоблачения неоколониализма, реакционных доктрин народонаселения. С трибуны Генеральной Ассамблеи ООН было заявлено, что СССР выступает против всех мальтузианских и неомальтузианских концепций современного демографического развития.

Четкая позиция СССР, других социалистических стран оказала воздействие на принятие Всемирной конференцией ООН в 1974 г. «Всемирного плана действий в области народонаселения», подтвержденного и развитого Международной конференцией ООН по народонаселению в 1984 г. «Основой для действенного решения проблем народонаселения,— говорится в этом документе,— являются прежде всего социально-экономические преобразования»[61]. Именно на этом пути лежит решение демографических проблем современности.

---

[61] Доклад Всемирной конференции ООН по народонаселению, 1974 год. ООН. Нью-Йорк, 1975. С. 3.

Глава 4

К ИСТОРИИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ СССР

1. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДО 1917 ГОДА

«Размещение населения по отдельным областям Московского царства и его передвижения из одной области в другую,— писал в 1906 г. Ю. В. Готье,— становятся хорошо известными начиная с XVI столетия» [1]. Десять лет спустя русский географ Б. П. Вейнберг, оттолкнувшись от этого хронологического рубежа, предпринял одну из первых попыток раскрыть динамику численности населения России в XVII — начале XX в.

В последующем подобные расчеты проводились неоднократно. В 1941 г. Б. Ц. Урланис опубликовал свои оценки численности населения, жившего в XI—XX вв. на территории Европейской России в неизменных границах 1914 г. Эти оценки, подтвержденные в начале 70-х годов Е. Д. Гражданниковым [2], и теперь сохраняют научное значение. Расчеты численности населения нашей страны в XVI—XIX вв. провел Я. Е. Водарский. Его расчет в отличие от расчета Б. Ц. Урланиса проведен в границах России на соответствующую дату. Кроме того, разработаны оценки исторической динамики численности

---

[1] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII столетии. М., 1906. С. 270.

[2] См.: *Гражданников Е. Д.* Прогностические модели социально-демографических процессов. Новосибирск, 1974. С. 65—67.

населения в современных границах СССР (В. И. Козлов, В. В. Покшишевский и др.). Каждый из видов перечисленных расчетов имеет свое историко-демографическое значение и важен для понимания современной демографической ситуации. Основные из них приведены в табл. 4, пользуясь которой следует учитывать, что помещенные в ней разные виды оценок относятся к разным территориям.

Потребность в самых общих знаниях о расселении населения возникает уже при обращении к начальным этапам демографической истории. Считается, что человек появился на современной территории СССР примерно 500—300 тыс. лет назад. Но более или менее достоверные отрывочные палеодемографические данные относятся к эпохе энеолита (медно-каменного века), отстоящей от нас на 5—6 тыс. лет. Если принять оценку численности людей, живших тогда на этой территории, данную В. И. Козловым,— 1 млн. человек (весь мир — 30 млн. человек, см. табл. 1), то можно заключить, что их поселения были здесь редкими, возможно, сосредоточиваясь сгустками в природно благоприятных районах.

Некоторые палеодемографические данные о них обобщил В. П. Алексеев[3]. Он сделал три вывода. Во-первых, модальная продолжительность жизни была относительно стабильна и колебалась около 40 лет. Стабильной была и средняя продолжительность предстоящей жизни, немногим превышавшая 20 лет. Во-вторых, антисанитарные условия оказывали более мощное отрицательное воздействие на длительность жизни (вызывая к тому же огромную детскую смертность), чем положительное влияние перехода к новым формам хозяйства. В-третьих, в этих условиях модальная продолжительность жизни женщин была ниже, чем у мужчин, доживавших примерно до сорокалетнего возраста, а иногда и выше.

Отметив важность изучения демографической истории по всей современной территории СССР, в том числе и возникших здесь древнейших рабовладельческих государств, подробнее остановимся только на развитии восточных славян.

Ко второй половине 1 тыс. н. э. восточнославянское общество достигло высокого уровня развития. Основной ячейкой его являлась родовая община, постепенно пере-

---

[3] См.: *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР//Советская археология. 1972. № 1; *его же.* Возникновение человечества. С. 443—444.

Динамика численности населения России до начала XX в. (млн. чел.) **Таблица 4**

Дата	Оценка в пределах Европейской России в неизменных границах 1914 г. Б. Ц. Урланиса (1941)	Оценки в границах России на соответствующую дату		Оценки в современных границах СССР *		
		Б. П. Вейнберг (1915)	Я. Е. Водарский (1973)	В. И. Козлов (1969)	В. В. Покшишевский (1970)	Оценка ООН (расчет Д. Дюрана, 1967)
5 тыс. лет до н. э.	—	—	—	1	—	—
Начало н. э.	—	—	—	5—10	—	—
1000	8,5	—	—	10—15	13	—
1100	10,0	—	—	—	—	—
1200	11,0	—	—	—	17	—
1300	11,0	—	—	10—15	—	—
1400	13,0	—	—	—	17	—
1500	15,5	—	6,5 (сер. XVI в.)	15—20	—	—
1600	18,3	8,9 (1613)	7,0 (кон. XVI в.)	18—25	22	—
1650	18,3	—	10,5 (1678)	—	—	—
1700	21,0	11,6 (1724)	15,5 (1719)	20—30	25	—
1750	24,0	27,2 (1780)	—	25—45	—	42 (31—52)
1800	39,0	43,3 (1819)	37,2 (1795)	40—55	45	56 (46—66)
1850	61,6	65,5 (1846)	74,0 (1858)	65—80	—	76 (66—85)
1863	—	74,8	—	—	80	—
1900	111,2	128,3 (1897)	128,9 (1897)	125—135	130	134 (121—140)

Источники: Вейнберг Б. П. Положение центра населенности России с 1613 по 1913 г.//Известия Русского географического общества. 1915. Т. 51. Вып. 6; *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941. С. 414—415; *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 151; *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969; *Покшишевский В. В.* О гипотезе динамики численности населения СССР за длительный исторический период//История географических значений и историческая география. Этнография. М., 1970. Вып. 4; Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I. Ч. I. С. 56—57 (данные американского демографа Д. Дюрана, опубликованные в 1967 г.).

* См. также табл. 1.

раставшая в соседскую, территориальную общину. Этому процессу соответствовали и брачно-семейные отношения, возникновение патриархальной семьи. Во второй половине тысячелетия, очевидно, происходит рост численности восточнославянского населения. Об этом свидетельствует значительное расширение к IX в. области, занятой славянами. Помимо исконной территории в Восточной Европе они расселились на северо-восток, в черноземные степи, имели значительные территории на юге.

В этот период у них оформился переход от родовой общины к соседской, которая, как отмечал К. Маркс, «...оказывается более способной расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими»[4]. Не преувеличивая значение такого расширения населения, нужно отметить, что оно играло определенную роль в изменении социальной структуры восточных славян, их движении к классовому обществу, к возникновению государства.

История древнерусского раннефеодального государства (Киевской Руси) IX — первой трети XII в. привлекает широкое внимание демографов. На рубеже 30—40-х годов Б. Ц. Урланис, изучив карту Восточной Европы в IX—XI вв., составленную Б. А. Рыбаковым и приложенную к первому вузовскому учебнику «История СССР» (М., 1939), разработал методику определения численности населения Киевской Руси к 1000 г. и дал следующую сводку[5]:

Районы	Территория (км²)	Плотность населения на 1 км²	Население (тыс.)
Юг Киевской Руси	320	6	1920
Центрально-земледельческая полоса, земли Северо-Запада, Новгородская земля	710	4	2840
Северо-восточные земли	300	2	600
	1330	4,03	5360

Итак, Б. Ц. Урланис определял численность населения государства Русь к началу X в. в 5,4 млн. человек. Насколько реальна эта цифра? Если отбросить стремле-

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 403.
[5] См.: *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. С. 86.

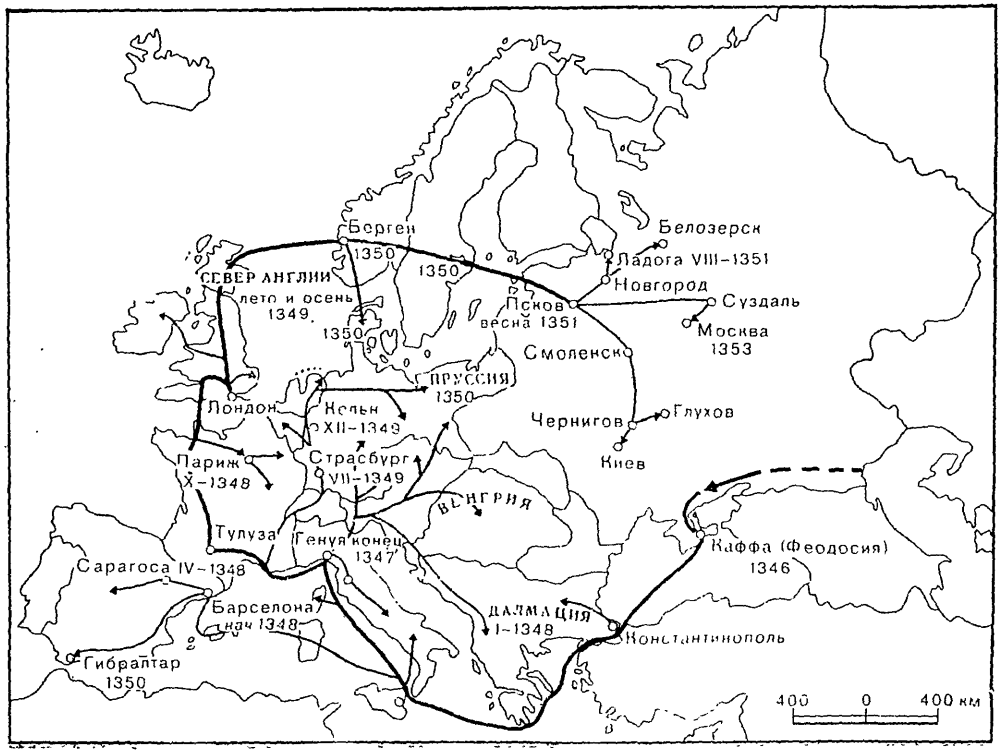
ние вычислить древнерусское население с точностью «до знаков после запятой», то указанное предположение может быть принято за основу. Численность населения государства Русь, возможно, действительно колебалась около пятимиллионной отметки, несколько увеличившись к началу XII в. Это подтверждает и сравнение населенности Руси с населенностью других районов Европы к 1000 г. Например, на территории Германии и Италии (взятой в границах 1914 г.) в то время проживало соответственно 5,4 и 7 млн. человек. Даже издавна густонаселенная Франция имела тогда только 9 млн. жителей. Косвенно в пользу указанного показателя свидетельствует также тот факт, что на территории Российского государства в XVI в. жило 6—7 млн. человек.

Разница в численности населения государства Русь IX — начала XII в. и Российского государства в XVI в., надо полагать, была не очень велика, так как разделяющий их период феодальной раздробленности (вторая треть XII — конец XV в.) изобиловал тяжелыми событиями, которые негативно сказывались на ходе демографического развития.

Тягчайшим среди них было монголо-татарское нашествие и установление золотоордынского ига. Оно привело к гибели огромных масс людей (особенно в XIII в.), запустению многих районов, к перемещению значительной части населения из Приднепровья в Северо-Восточную Русь[6]. Кривая его численности в XIII—XIV вв. испытывала значительные колебания, стремительно спускаясь в кризисные периоды (например, в 30—40-е годы XIII в.) и затем выравниваясь. Свои «провалы» на ней давали междоусобные феодальные войны и эпидемии, свирепствовавшие на протяжении всего периода. Тем не менее воспроизводство населения в XII—XV вв. в целом имело расширенный характер, оно восполняло предшествующие потери, выравнивало кривую динамики численности населения, обеспечивало в конечном итоге ее подъем. За 300 лет (с 1200 по 1500 г.) население европейской территории нашей страны выросло примерно на четверть (см. табл. 4), что можно отнести к той ее значительной части, на которой в конце XV в.

---

[6] Одним из результатов монголо-татарского вторжения стало изменение географии населения Восточной Европы. См. об этом, а также о перемещениях населения в более ранние периоды: *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М., 1973. Разд. I.



«Черная смерть» — эпидемия чумы в 1347—1353 гг., захватившая и русские земли

образовалось феодальное Российское государство с центром в Москве.

Его население в XVI в. составляло 6—7 млн. человек; этот ориентировочный показатель вошел и в учебники[7]. Численность населения Российского государства к исходу XVII столетия оценивалась в дореволюционной литературе в широком диапазоне от 10 (А. П. Щапов) до

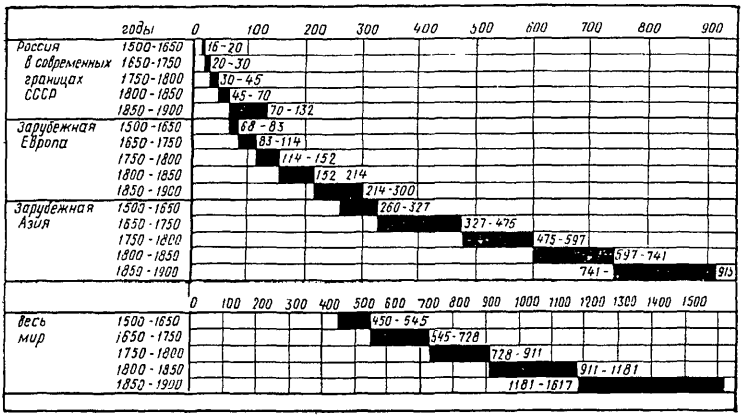


Диаграмма изменения численности населения нашей страны в XVI—XIX вв. в сравнении с динамикой численности населения зарубежных территорий Европы и Азии, а также всего мира. Расчет С. И. Брука (1978)

16 млн. человек (П. Н. Милюков). В советской литературе она была уточнена на основе анализа данных подворной переписи 1678—1679 гг. Б. Ц. Урланис определил ее в 11,5 млн., Я. Е. Водарский — в 10,5 млн. человек. Расхождение в цифрах, приводимых этими двумя авторами, невелико, если принять во внимание состояние данных того времени.

Таким образом, население России к исходу XVII в. заметно увеличилось, достигнув примерно 10—11 млн. человек, т. е. выросло на 35—40% по сравнению с XVI в. Однако рост населения значительно отставал от роста территории страны, которая уже в конце XV—XVI в. увеличилась более чем в 10 раз, включив такие большие регионы, как Поволжье, Приуралье, Западная Сибирь.

[7] См.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII в./ Под ред. акад. Б. А. Рыбакова. М., 1983. С. 172.

В XVII в., продолжая освоение Сибири, русские вышли на земли Дальнего Востока и достигли кромки Тихого океана. На юге и юго-востоке границы страны продвинулись к Крымскому ханству, Северному Кавказу и Казахстану.

Включение новых районов увеличивало многонациональность этнической структуры населения России, что придавало своеобразие ее демографическому развитию. Кроме того, многие из этих районов были малонаселенными, требовали значительных людских ресурсов для их освоения. Миграции населения стали одной из важных черт демографического развития страны.

Оно шло в условиях, когда абсолютное большинство населения продолжало составлять феодальное крестьянство, крепостная зависимость которого в конце XVI — середине XVII в. резко возросла, сохранившись на протяжении следующих двух столетий, вплоть до 1861 г. Каким бы значительным по своим размерам ни был прирост новых территорий России, в целом не он обеспечил рост численности ее населения. Такой прирост шел за счет основной массы населения — крепостного крестьянства.

Изменениям в развитии населения России на рубеже XVII—XVIII вв. посвящено исследование Я. Е. Водарского. Этой проблеме уделяется внимание и в ряде других работ. И не случайно — названный рубеж положил начало процессу возникновения предпосылок, формирования и развития капиталистического уклада, завершившегося вступлением России в 60-е годы XIX в. в период капитализма.

По расчетам Я. Е. Водарского, население Российской империи в XVIII в. увеличилось в 2,4 раза, с 15,5 млн. (1719) до 37,2 млн. человек (1795). Примерно такое же увеличение фиксировал Б. П. Вейнберг. Если перевести данные табл. 4 в схему-график, то все ее линии (отражающие разные оценки) пойдут от отметки начала XVIII в. вверх, показывая рост численности населения.

В значительной мере он был связан с освоением Россией новых территорий. Они не были так велики по размерам, как территории, вошедшие в состав страны в XVII в., но это были чаще всего густонаселенные районы (Прибалтика, Украина, Белоруссия), которые внесли свои изменения в демографический баланс страны.

Отмечая это, следует подчеркнуть, что увеличение численности населения в XVIII в. шло не только за счет

присоединения относительно плотно заселенных территорий, но и за счет естественного прироста основной массы населения страны, возрастания его в ранее малолюдных, главным образом колонизовавшихся районах страны. Естественный прирост населения в этих районах поощрялся, как это было, например, при Екатерине II [8].

В начале XVIII в. основная масса населения европейской части страны была сконцентрирована в Нечерноземном, Черноземном и Средне-Волжском районах, а также на Левобережной Украине. Здесь (менее $^1/_4$ территории Европейской России) размещалось почти $^4/_5$ всего населения. В течение XVIII в. произошли заметные изменения — развернулось интенсивное заселение Степного юга, Юго-Востока и Приуралья. Доля этих районов в общем количестве населения возросла почти в 2,5 раза. Приток населения шел и в некоторые другие районы [9].

Тенденция увеличения населения присоединенных земель имела место также в XIX в. В. К. Яцунский, внимательно изучивший этот процесс, пришел к выводу, что на первых этапах заселения основной причиной такого увеличения была иммиграция из старых районов, на последующих — естественный прирост населения, который был более высоким, чем на других территориях страны. Естественный прирост в этих районах, отмечал В. К. Яцунский, повышал в XVIII—XIX вв. естественный прирост населения страны, увеличение ее доли в европейском населении [10]:

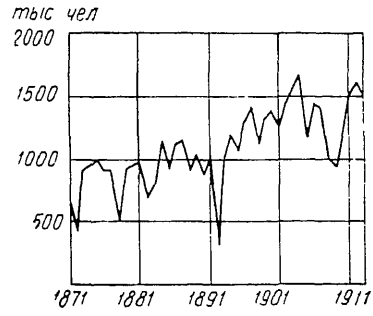
	Население (млн. чел.)		
	1725 г.	*1800 г.*	*1860 г.*
Европа в целом	124,9	186,8	283,5
Европейская Россия	20,0	39,0	66,7
Доля ее населения в европейском населении (%)	16,0	21,0	24,0

[8] Это было отмечено еще в научной литературе прошлого столетия. См.: *Шпилевский М. М.* Политика народонаселения в царствование Екатерины II//Записки Новороссийского университета (Одесса), 1871. Т. IV.

[9] См.: *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. С. 185.

[10] См.: *Яцунский В. К.* Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России// Историческая география России. М., 1970. С. 44.

В предреформенные десятилетия XIX в. демографическая ситуация в Российской империи была противоречивой. Рост численности ее населения продолжался; с конца XVIII в. она удвоилась, составив в 1858 г. 74 млн. человек (см. табл. 4). Этот расчет подтверждается и тем, что, по ряду современных той эпохе данных, население России уже в начале 40-х годов XIX в. превышало 60 млн. человек. В первом русском Статистическом словаре Д. П. Гагарина (1843) указано, что в Российской империи проживает 61,5 млн. человек[11]. Впрочем, эти данные, как и официальные, требуют критического отношения. Состояние учета в империи дало основание Н. Г. Чернышевскому заметить, что никто толком не знает число ее жителей. Казенный учет нередко запутывался помещиками, как это, в частности, можно представить по комбинации с «мертвыми душами», описанной Н. В. Гоголем.



Динамика естественного прироста населения Европейской России в конце XIX — начале XX в. (по расчету Б. Ц. Урланиса). Колебания этого показателя (особенно его резкое понижение в начале 90-х годов) — следствие неурожайных лет и голода. Снижение прироста населения в конце 70-х годов и в начале XX в. связано с русско-турецкой (1877—1878) и русско-японской (1904—1905) войнами, а также с революцией 1905—1907 гг.

Углубляющийся кризис крепостничества сказывался и на демографической ситуации в стране, прежде всего в крепостной деревне. В 1831 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин был вынужден доложить Николаю I, что «умножение народонаселения не имеет у нас столь быстрого успеха, как иногда предполагается». Указывая на причину этого, видный русский статистик середины XIX в. А. Г. Тройницкий писал, что «условия естественного приращения крепостного крестьянства, т. е. заключение браков, рождаемость и смертность, находятся в

[11] См.: Всеобщий географический и статистический словарь/Составитель Д. П. Гагарин. М., 1843. С. 263.

положении менее выгодном, менее правильном, нежели в других сословиях государства».

Вымирала ли крепостная деревня? На этот вопрос в советской исторической литературе нет однозначного ответа. Часть ученых (Н. М. Дружинин, И. Д. Ковальченко, В. М. Кабузан и др.) дают положительный ответ, другие (П. Г. Рындзюнский и др.) — отрицательный. При данном состоянии изучения этой проблемы наиболее близкий к истинному положению вывод сделал украинский историк А. Л. Перковский. Он считает, что крепостное крестьянство первой половины XIX в. имело «характер застойной демографической группы, которая вымирала если не в чисто популяционном, то во всяком случае в социально-демографическом смысле» [12].

Как известно, Россия только после 1861 г. встала на *путь капиталистического развития. Вплоть до* 1917 г. развитие капиталистических отношений осложнялось сохранением серьезных феодально-крепостнических пережитков в аграрном строе европейской части России, особенно сильных в национальных районах, в том числе в таких крупных, как Средняя Азия, Казахстан и Закавказье. Включением последних в состав Российской империи в XIX в. завершилось формирование ее как многонационального государства.

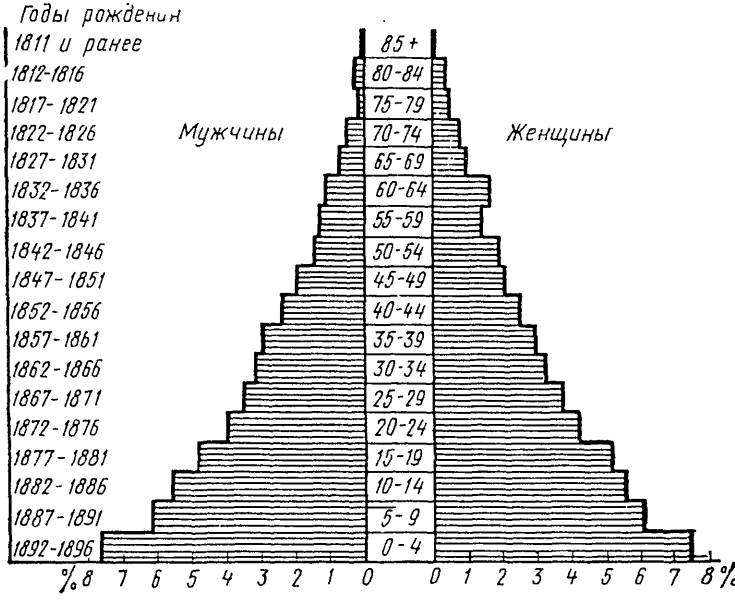
Все это наложило отпечаток на демографическую ситуацию в дореволюционной России. По подсчетам А. Г. Рашина, в период с 1861 по 1913 г., т. е. в немногим более полувековой отрезок времени, который был отведен *историей российскому капитализму*, в среднем на 1000 человек населения 50 губерний Европейской России приходилось 48,9 рождений, 34,0 смертей, а естественный прирост населения составлял 14,9. Но это средние показатели и к тому же за полувековой отрезок времени. Если рассматривать их детальнее, то окажется, что рождаемость, бывшая довольно высокой во второй половине XIX в.— до 50,5‰ в начале XX в. стала заметно снижаться (в 1911—1913 гг.— 43,9‰). Значительная к началу XX в. смертность (до 36—37‰) также стала снижаться (в 1911—1913 гг.— 27,1‰) [13]. Однако эти

---

[12] *Перковский А. Л.* Кризис демографического воспроизводства *крепостного крестьянства России в первой половине* XIX *столетия*// Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 189.

[13] См.: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956. С. 153.

тенденции проявились главным образом в городах и промышленных районах Европейской России и в значительно меньшей степени — в ее сельских местностях, где рождаемость и смертность (особенно детская) находились по-прежнему на высоком уровне. В целом в начале XX в. в Европейской России воспроизводство населения



Возрастная пирамида населения Европейской России в 1897 г.

было расширенным, вместе с тем начинал складываться тот его тип, который был характерен для европейских стран, переживших промышленный переворот и идущих по пути капитализма.

Иной была ситуация в Средней Азии, Казахстане и Закавказье, особенно в Азербайджане. Население этих территорий в начале XX в. продолжало находиться на той стадии демографического развития, при которой подавляющее его большинство поддерживало высокую рождаемость, а интенсивность смертности определялась только естественной устойчивостью организма, поскольку медицинская помощь практически отсутствовала.

В заключение приведем итоговые расчеты Р. И. Сифман о движении населения России периода империализма [14]. Динамика его среднегодовой численности выражалась следующим образом (без учета населения Финляндии; млн. человек):

1898 г.— 128,7	1910 г.— 156,4
1900 г.— 133,1	1913 г.— 164,4
1905 г.— 144,6	1914 г. — 165,7 (на начало года)

За 17-летний промежуток времени — от единственной в России Всеобщей переписи населения 1897 г. до начала 1914 г.— число ее жителей выросло примерно на 40 млн. человек. В то же время свыше 1,1 млн. человек мигрировали из России. Почти половина мигрантов покинула страну в 1905—1907 гг. Хотя общая численность населения росла, среднегодовой темп ее естественного прироста медленно, как отмечает Р. И. Сифман, но последовательно снижался.

Начавшаяся летом 1914 г. первая мировая война резко усложнила демографическую ситуацию. По данным, имеющимся в литературе, только прямые потери (т. е. на фронтах) составили в России около 2 млн. человек [15]. Война обострила противоречия в стране, вплотную подвела ее к революции.

2. В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла принципиально новую эпоху в развитии народонаселения нашей страны. Осуществленные под руководством Коммунистической партии глубочайшие социально-экономические преобразования, успехи культурной революции, формирование новых межнациональных отношений оказали и оказывают решающее воздействие на все процессы развития народонаселения, в том числе и на демографические.

За семь десятилетий, прошедших после 1917 г., демографическая ситуация в стране не была единообразной, изменяясь в основные периоды развития советского общества.

---

[14] См.: *Сифман Р. И* Динамика численности населения России за 1897—1914 гг.//Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР.

[15] См.: Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 252.

Остановимся прежде на общей характеристике динамики численности населения всей страны в прошедшие десятилетия. Ее исходный рубеж — численность населения России в 1917 г.— оценивался до последнего времени разноречиво. Проведенные под руководством Ю. А. Полякова исследования и расчеты внесли существенные уточнения. Их результаты показали, что численность населения по фактической территории России осенью 1917 г. составляла 153,6 млн. человек[16]. Из них 147,6 млн. человек находилось на территории в границах СССР до сентября 1939 г.

Данные о последующей динамике дают переписи населения. Всего их было восемь: 1920 г.[17], 1923 г. (только городского населения), 1926 г. (первая Всесоюзная), 1937 г. (результаты признаны дефектными), 1939 г., 1959 г., 1970 г., 1979 г. Кроме того, в 1985 г. впервые проводилось выборочное социально-демографическое обследование населения СССР.

Итоги переписей, а также некоторые расчеты показывают следующую динамику численности населения страны (млн. человек)[18]:

	Все население	В % ко всему населению	
		городское население	сельское население
1920*	136,8	15	85
1926*	147,0	18	82
1939*	170,6	32	68
1940	194,1	33	67
1950	178,5	39	61
1959	208,8	48	52
1970	241,7	56	44
1979	262,4	62	38

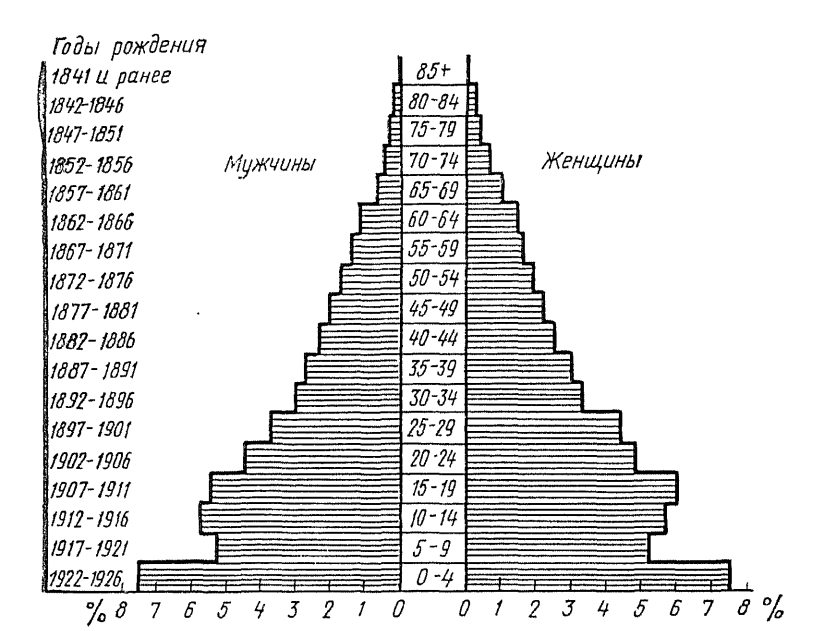
* В границах СССР до 17 сентября 1939 г.

[16] См.: *Поляков Ю. А., Киселев И. Н.* Численность и национальный состав населения России в 1917 г.//Вопросы истории. 1980. № 6. В указанную численность не входит население Финляндии, Бухарского эмирата и Хивинского ханства; с учетом населения этих территорий — 160 млн. человек.

[17] Ввиду того что перепись проходила во время гражданской войны и интервенции, она охватила только 72% населения страны.

[18] См.: Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 8; Численность и состав населения СССР. М., 1984. С. 6.

Данные таблицы свидетельствуют об успешном в целом демографическом развитии страны, превращении ее в индустриальную социалистическую державу, занимающую в современном мире третье место (после Китая и Индии) по численности населения.



Возрастная пирамида населения СССР в 1926 г.

Начальный период этого развития проходил в тяжелых условиях. Сложная демографическая ситуация предреволюционной России, ухудшившаяся в годы мировой войны, обострилась в результате нападения на Советскую страну международного империализма и развязанной им гражданской войны. Людские потери, понесенные страной во время мировой и гражданской войн, интервенции (1914—1920), превысили 20 млн. человек [19]. Высокая смертность и резкое падение рождаемости, разруха, голод и эпидемии — все это было прямым следстви-

[19] См.: История СССР. Эпоха социализма/Под ред. Ю. С. Кукушкина. М., 1986. С. 138.

ем вооруженного натиска соединенных сил внешней и внутренней контрреволюции на Советскую страну.

Преодолевая неимоверные трудности, Советское государство с первых дней своего образования приступило к осуществлению целого комплекса социально-демографических мероприятий: повело борьбу за снижение смертности населения, развернуло деятельность в области охраны материанства и младенчества, ликвидации неравноправия женщин, началась подлинная революция во всем укладе семейной жизни [20]. Эти глубоко гуманистические мероприятия сразу приобрели социальную направленность. «*В стране, которая разорена,*— указывал В. И. Ленин в самые трудные дни борьбы с интервентами и белогвардейцами,— *первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся.* Если он выживет, мы *все* спасем и восстановим» [21].

Советская власть выполнила эту задачу и, обеспечив успешный переход от войны к миру, еще более усилила борьбу за здоровье советских людей. По подсчетам А. Я. Боярского, коэффициент смертности в современной европейской части СССР (без Северного Кавказа и Урала), достигнув самого высокого уровня в 1919 г.— 46,7‰, уже в первом мирном 1921 году снизился до 29,7, а в 1923 г. составил 25,5‰ [22].

В первые годы после окончания гражданской войны и разгрома интервентов происходил компенсаторный рост рождаемости, однако довоенного уровня (1913 г.— 45,5‰) она не достигла, приблизившись к нему в 1925 г.— 44,7‰. Этот показатель оказался наиболее высоким вплоть до наших дней; продержавшись на близком уровне до 1928 г. (44,3‰), он затем стал снижаться. Понижение показателей рождаемости шло в конкретно-исторических условиях. Ломка старых общественных отношений, происходившая зачастую в очень острой форме, глубокие социально-экономические сдвиги, быстрый рост городов, социалистическое переустройство деревни — все это не могло не сказаться на уровне рождаемости. В движение пришли миллионные массы людей, менялись их образ жизни, культурный уровень, за-

---

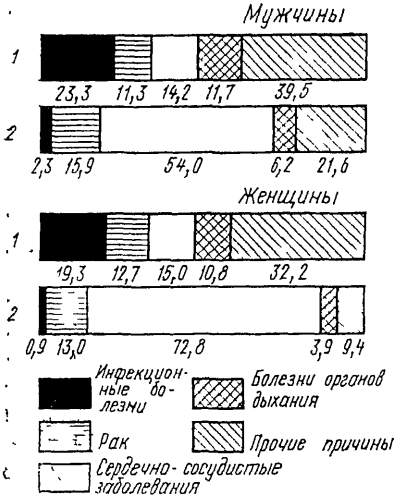
[20] См.: *Дробижев В. З.* Демографическое развитие Страны Советов//Вопросы истории. 1986. № 4.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 359.

[22] См.: *Боярский А. Я.* Население и методы его изучения. М., 1975. С. 225—238.

просы, женщина становилась полноправным участником производственной и общественной жизни. В последнем, предвоенном 1940 году коэффициент рождаемости составил 31,2‰.

Что касается смертности, то снижение ее показателя, уже отмеченное для 1921—1923 гг., продолжалось: в 1926 г. коэффициент смертности составлял 20,3‰ (против 29,1‰ в 1913 г.) [23]. В конце 20-х — начале 30-х годов его движение вниз прекратилось и он даже чуть повысился (в 1928 г.— 23,3‰). Однако это было вызвано временными факторами, главным образом нелегкими условиями первых лет реконструкции народного хозяйства. В 1939 г. коэффициент смертности достиг самого низкого уровня за весь довоенный период — 17,3‰. Специально изучавшие этот вопрос Р. М. Дмитриева и Е. М. Андреев так оценивают снижение смертности в первые десятилетия Советской власти: «Снижение смертности произошло за счет экзогенных причин смертности, прежде всего инфекционных заболеваний, а также материнской и младенческой смертности... Первые послереволюционные таблицы смертности 1926—1927 гг. показали, что в стране наметились быстрые темпы снижения смертности» [24]. Быстрое снижение смертности — прямой результат победы социализма, изменения условий жизни трудящихся, постоянной заботы социалистического об-



Изменение структуры причин смерти: *1* — структура причин смерти населения Ленинграда в 1926—1927 гг.; *2* — структура причин смерти населения Латвийской ССР в 1971 г. (в целом типичная для большинства населения СССР)

[23] На территории, соответствующей современным границам СССР.

[24] *Дмитриева Р. М., Андреев Е. М.* Снижение смертности в СССР за годы Советской власти//Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. С. 32—34.

щества об их здоровье. В 30-е годы большое развитие получило санитарно-противоэпидемическое направление медицины, которое в царской России почти отсутствовало. Число больничных учреждений в 1940 г. возросло по сравнению с 1913 г. в 2,6 раза, а численность врачей — в 5,5 раза. Все это способствовало резкому снижению смертности, а также имело огромное значение для борьбы за жизнь и здоровье советских людей в годы Великой Отечественной войны.

Завершая рассмотрение периода 1917—30-х годов, можно отметить, что демографическая ситуация в первые десятилетия Советской власти трижды существенно менялась. Она была одной в 1917—1920 гг., другой — во время восстановления народного хозяйства и, наконец, имела свои черты в годы его коренной социалистической реконструкции и построения основ социализма. К этому следует добавить, что на протяжении всего периода шла интенсивная миграция населения, связанная сначала с вооруженной борьбой 1918—1920 гг., затем — с аграрными переселениями и индустриализацией страны.

Нападение фашистской Германии на СССР нанесло тяжелый удар по его нормальному демографическому развитию. Победа, одержанная советским народом в 1941—1945 гг., потребовала огромных жертв — на фронтах, в фашистском тылу погибло свыше 20 млн. советских граждан. В годы войны увеличился уровень смертности населения, сократилась рождаемость. По некоторым подсчетам, в 1942—1946 гг. родилось в два раза меньше детей, чем в 1938—1941 гг.[25]

«Демографическое эхо» войны отразилось в последующие десятилетия в заболеваниях и преждевременных смертях, диспропорциях половозрастной структуры населения, сказалось на процессе рождаемости. С 1940 по 1950 г. население СССР уменьшилось на 15,6 млн. человек. Только в 1955 г. в стране была восстановлена довоенная численность населения. Литовская ССР достигла довоенной численности населения в начале 60-х годов, а БССР — в начале 70-х годов.

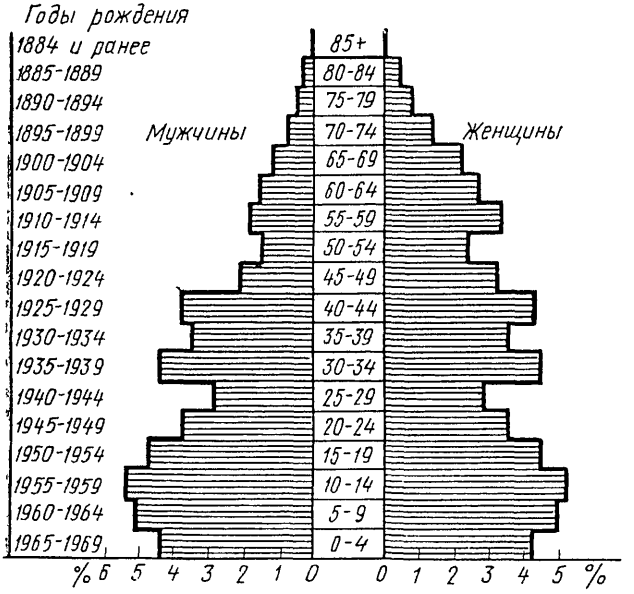
В послевоенный компенсаторный период рождаемость в СССР повысилась, тем не менее в целом по стране восстановления ее довоенного уровня не произошло. На протяжении 50-х — начала 60-х годов уровень

---

[25] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 30.

рождаемости был почти стабилен (25—26‰), начав, однако, с 1963 г. быстро снижаться.

Существенные изменения в сторону дальнейшего снижения претерпел в послевоенные десятилетия уровень смертности. Уже в 1950 г. ее коэффициент более чем 1,5 раза был ниже показателя 1940 г. (9,7‰ против



Возрастная пирамида населения СССР в 1970 г.

18,0‰). Такое значительное понижение примечательно: ведь именно на это десятилетие приходятся годы Великой Отечественной войны с сопровождавшим ее резким увеличением смертности. В 1950—1970 гг. коэффициент смертности относительно стабилизировался на уровне, который в 3,3—4 раза был меньше дореволюционного (1913) и в 2—2,5 раза — довоенного (1940).

Примерно с конца 50-х — начала 60-х годов в СССР стала складываться современная демографическая ситуация, выдвинувшая свои сложные проблемы, на исследовании которых сосредоточены усилия советской демографической науки и смежных с ней наук. Находящийся в их поле зрения период 50—80-х годов — это та хронологическая «зона», в которой историческая демография переходит в собственно демографию. По проблематике

этого периода к настоящему времени опубликованы десятки книг, тысячи статей. Здесь его характеристика ограничится самыми общими чертами.

На протяжении 50—80-х годов рост численности населения СССР и всех его союзных республик продолжался (см. табл. 5). За треть века население страны увеличилось почти на 86 млн. человек. Это значительное приращение; для сравнения отметим, что число жителей таких крупных европейских стран, как, например, Италия и Франция, в начале 80-х годов составляло соответственно 56,5 и 54,3 млн.[26]

Таблица 5

Численность населения союзных республик

	Численность населения (млн. чел.)				1960 г. в процентах к 1950 г.	1970 г. в процентах к 1960 г.	1980 г. в процентах к 1970 г.
	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.			
СССР	178,5	212,4	241,7	264,5	119	114	109
РСФСР	101,4	119,0	130,1	138,4	117	109	106
Украинская ССР	36,6	42,5	47,1	50,0	116	111	106
Белорусская ССР	7,7	8,1	9,0	9,6	106	110	107
Узбекская ССР	6,2	8,4	11,8	15,8	136	141	134
Казахская ССР	6,6	9,8	13,0	14,9	148	133	114
Грузинская ССР	3,5	4,1	4,7	5,0	118	113	108
Азербайджанская ССР	2,9	3,8	5,1	6,1	133	134	119
Литовская ССР	2,6	2,8	3,1	3,4	107	113	109
Молдавская ССР	2,3	3,0	3,6	4,0	130	120	111
Латвийская ССР	1,9	2,1	2,4	2,5	109	112	107
Киргизская ССР	1,7	2,1	2,9	3,6	124	138	122
Таджикская ССР	1,5	2,0	2,9	3,9	136	142	135
Армянская ССР	1,3	1,8	2,5	3,1	136	136	123
Туркменская ССР	1,2	1,6	2,2	2,8	131	138	131
Эстонская ССР	1,1	1,2	1,4	1,5	110	112	109

Источник: Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 12.

Вместе с тем данные табл. 5 свидетельствуют о двух важных особенностях демографического развития.

Первая особенность заключается в том, что темпы прироста населения страны в последние десятилетия сокращаются. В 50-е годы численность населения возросла на 19%, а в 70-е годы — всего на 9%. Как эта тен-

[26] См.: Демографический энциклопедический словарь. С. 585.

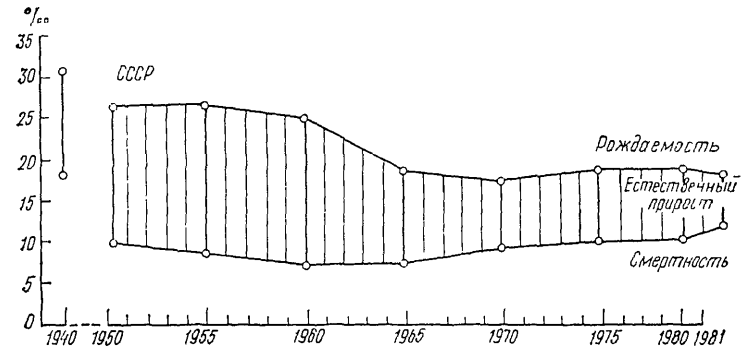
денция проявлялась в ретроспективе всего демографического развития СССР? Ответ на этот вопрос требует рассмотрения естественного прироста населения за длительный исторический период. Изменение его коэффициентов (‰) дает следующую картину[27].

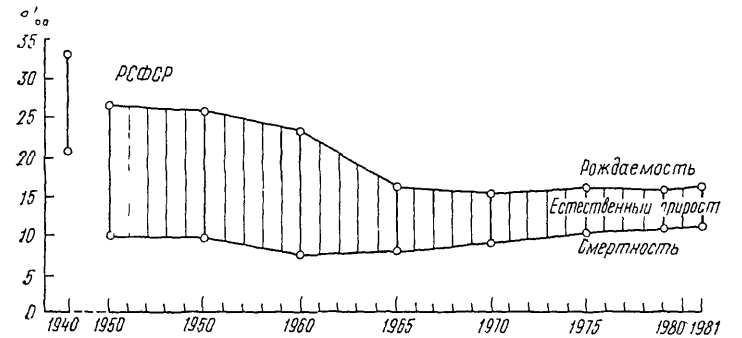
Год	Коэффициент	Год	Коэффициент	Год	Коэффициент	Год	Коэффициент
1913	16,4	1953	16,0	1963	13,9	1973	8,9
1926	23,7	1954	17,7	1964	12,6	1974	9,3
1928	21,0	1955	17,5	1965	11,1	1975	8,8
1937	19,8	1956	17,6	1966	10,9	1976	8,9
1938	20,0	1957	17,6	1967	9,7	1977	8,5
1939	19,2	1958	18,1	1968	9,5	1978	8,5
1940	13,2	1959	17,4	1969	8,9	1979	8,1
1950	17,0	1960	17,8	1970	9,2	1980	8,0
1951	17,3	1961	16,6	1971	9,6	1981	8,3
1952	17,1	1962	14,9	1972	9,3	1985	8,8

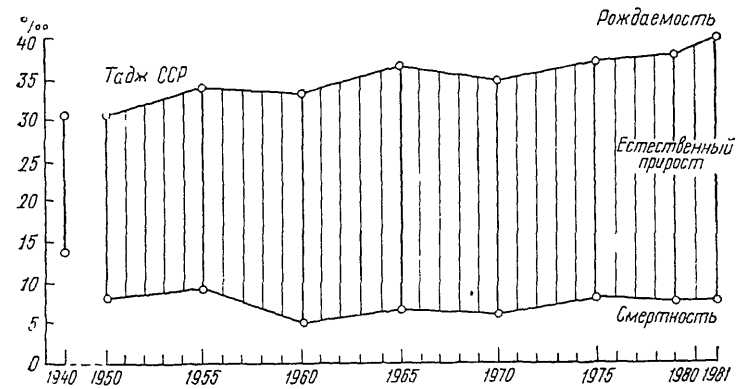
Эволюция коэффициентов естественного прироста населения свидетельствует, что постепенное снижение его началось еще в 30-е годы. Следующей ступенькой были 50-е годы. Во второй половине 60-х годов произошел резкий спад естественного прироста, и в 70-е годы его коэффициент достиг своего современного уровня. Его изменение шло, таким образом, на протяжении длительного времени, выявившись в последние 20—25 лет и пока еще полностью не стабилизировавшись. В этом основная особенность современной демографической ситуации в СССР.

Другая особенность заключается в различии демографического развития регионов страны, о чем свидетельствует существенная разница в приросте населения по союзным республикам, нашедшая отражение в табл. 5 (см. также рис. на с. 175). Так, в 70-е годы население РСФСР и УССР увеличилось на 6%, в то же время в Таджикской ССР оно возросло на 35%. Такие сопоставления можно продолжить. Обобщение их приводит к выводу, что по темпам прироста населения союзные республики можно подразделить на три группы. Первая из них — самая крупная по числу республик и их жителей — является вместе с тем самой низкой по темпам количественного роста последних (6—9% за 70-е годы). Во вто-

[27] См.: Воспроизводство населения СССР. С. 251.







Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения СССР, РСФСР и Таджикской ССР

рой группе республик этот темп средний (14—20% за 70-е годы). В третью группу входят Среднеазиатские республики (9,2% населения СССР), число жителей в которых в 70-е годы увеличилось на 22—35%. Нетрудно заметить, что эти две группы (и особенно третья) оказывают в современных условиях немалое воздействие на величину общего прироста населения СССР. Между тем в последние 10—15 лет увеличение численности их населения также стало замедляться, что может сказаться и на общесоюзном показателе.

Данные о росте численности населения являются в известной мере внешним проявлением действительного хода его воспроизводства, который раскрывается только при рассмотрении показателей процессов рождаемости и смертности. Изменение их за длительный период отражено в табл. 6.

Данные этой таблицы еще раз подтверждают высокие темпы снижения смертности, резкое улучшение состояния здоровья советских людей, их жизненных условий. Об этом же свидетельствует значительное увеличение за исторически короткий срок средней продолжительности жизни в СССР (в количестве лет) [28]:

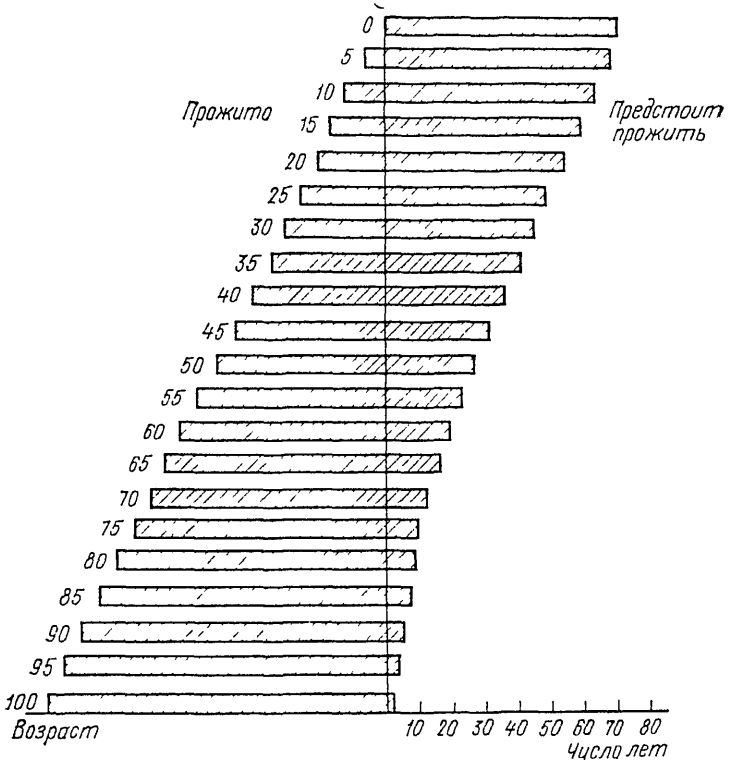
Годы	Оба пола	Мужчины	Женщины
1896—1897*	32	31	33
1926—1927*	44	42	47
1938—1939	47	44	50
1955—1956	67	63	69
1970—1972	70	64	74
1984—1985	68	63	73

* Европейская часть страны

Средняя продолжительность жизни в послевоенные десятилетия заметно выросла, увеличившись более чем на треть против предвоенного периода. Ее показатели практически одинаковы для всех союзных республик. Не имеют резких региональных различий и коэффициенты смертности населения союзных республик, лишь немного отклоняясь в ту или иную сторону от общесоюзного показателя.

[28] См.: Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 547.

Иначе обстоит дело с коэффициентами рождаемости, они фиксируют значительную разницу в ее уровнях в соответствии с уже выделенными тремя группами республик. Выше отмечалось, что в 1963 г. в ряде крупнейших



Средняя продолжительность предстоящей жизни для различных возрастов населения СССР 1968—1971 гг (оба пола)

регионов СССР коэффициент рождаемости стал быстро снижаться. Это длилось вплоть до 1969 г. включительно, когда он достиг самой низкой в истории страны отметки — 17‰ [29].

Снижение рождаемости охватило огромную массу населения. Оно проявилось в РСФСР, на Украине, в Латвии, Литве, Белоруссии, чуть позже — в Грузии, на тер-

[29] См: Народное хозяйство СССР в 1968 г. М, 1969. С. 37; Народное хозяйство СССР в 1969 г. М., 1970 С. 32.

риториях которых проживает свыше 80% населения страны.

Хотя после 1969 г. кривая рождаемости перестала падать, значительного подъема ее не произошло (см. табл. 6). Б. Ц. Урланис, обобщая в 70-е годы данные статистики и наблюдения демографов, отметил «тенденцию к уменьшению числа рождений у каждой брачной пары, которая стала заметна с начала 60-х годов, хотя она наблюдалась и до этого»[30]. В первой половине 80-х годов число родившихся увеличилось (1985 г.— 5,4 млн. против 4,2 млн. в 1970 г.), однако уровень рождаемости остается низким.

Таблица 6

Коэффициенты рождаемости и смертности населения СССР

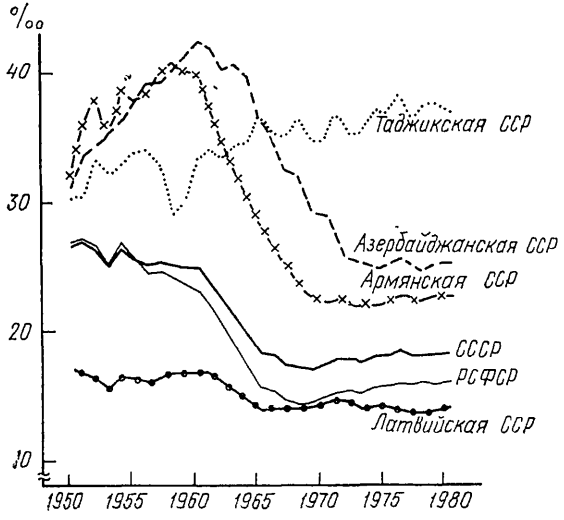
Годы	На 1000 человек населения		Умерло детей в возрасте до года на 1000 родившихся
	число родившихся	число умерших	
1913 г. в современных границах СССР	45,5	29,1	269
1926	44,0	20,3	174
1928	44,3	23,3	182
1937	38,7	18,9	170
1939	36,5	17,3	167
1940	31,2	18,0	182
1950	26,7	9,7	81
1960	24,9	7,1	35
1970	17,4	8,2	25
1975	18,1	9,3	28
1980	18,3	10,3	—
1985	19,4	10,6	26

Источники: Народное хозяйство СССР в 1969 г. М., 1970. С. 31; Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974. С. 43; Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976. С. 42—43; СССР в цифрах в 1975 г. М., 1976. С. 64—65; Народонаселение стран мира. С. 35, 124, 152; Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 31, 547.

Снижение рождаемости было взаимообусловлено с определенными изменениями семьи — одной из важнейших ячеек общества. В последние десятилетия число семей неуклонно нарастает. За 20 лет (1956 — 1978) оно увеличилось почти на 16 млн. и составило, по данным переписи населения 1979 г., 66,3 млн. семей, в которых

[30] *Урланис Б. Ц.* Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти//Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 20.

живет свыше 87% населения страны. Вместе с тем в 50—70-е годы существенно изменился размер семьи, отчетливо выявилась общая тенденция, заключающаяся в увеличении доли небольших семей (из двух — четырех человек) и в сокращении более крупных семей (из пяти и и более человек). По переписи 1979 г., из каждой тысячи



Динамика общего коэффициента рождаемости в СССР и некоторых союзных республиках

семей 816 семей состояли не более чем из четырех человек, в их числе 289 — из трех[31]. В массе своей это малодетные семьи, состоящие из родителей и одного-двух детей. Малодетные семьи являются свидетельством распространения малодетности и формирования соответствующего ей демографического поведения.

Снижение рождаемости, появление малодетных семей обусловлено целым комплексом факторов. В процессе упрочения и развития социалистического общества произошли существенные качественные сдвиги в развитии народонаселения. Повысилась доля рабочих и служащих, возросла занятость женщин в общественном производстве, увеличился удельный вес горожан, возросла доля лиц, занятых преимущественно умственным трудом, поднялся

[31] См.: Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 80—81, 91.

уровень образования. Все эти сдвиги, как и некоторые другие (например, изменение условий и образа жизни советских людей), отразились на эволюции демографического поведения[32].

Особо подчеркнем коренное изменение за годы Советской власти социального и экономического положения женщин. Уже в первые годы Советской власти, как указывал В. И. Ленин, «она сделала для освобождения женщин, для равенства ее с «сильным» полом столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе передовые, просвещенные, «демократические» республики всего мира»[33].

Воздействие этих изменений на воспроизводство населения было отмечено еще в 20—30-е годы. «В нашей стране идет гигантскими шагами социалистическая индустриализация,— писал в начале 30-х годов С. Г. Струмилин,— она влечет за собой размещение миллионов пришельцев из деревни в города, она означает собой вовлечение в область индустриального труда наравне с мужчинами и миллионов женщин, еще недавно бывших только домашними хозяйками, она, наконец, создает потребность в миллионах новых кадров высококвалифицированного труда. А все это сопряжено с понижением средних коэффициентов плодовитости советских работниц»[34].

В последние десятилетия занятость женщин в общественном производстве заметно увеличилась. Если в 1940 г. доля женщин в общей численности рабочих и служащих составляла 39%, то в 70—80-е годы она выросла до 51%. Сегодня среди специалистов с высшим и средним специальным образованием 60% составляют женщины[35]. В корне изменился их общественный статус, женщины на деле обрели равные социальные права с мужчинами.

Это не могло не сказаться на развитии семьи, в том числе и на ее воспроизводственной функции. Советское государство проявляет огромную заботу о развитии семьи, которая, как указано в ныне действующей Конституции СССР, находится под его защитой (статья 53).

---

[32] См.: *Рыбаковский Л. Л.* Динамика и факторы демографического развития СССР во второй половине XX в.//Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984.

[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 287.

[34] *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде// Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 199.

[35] См.: *Кунгурова Н. И.* Женщина в общественном производстве при социализме. М., 1983. С. 23.

Основной Закон нашей страны, гарантируя женщине равные права с мужчиной, указывает, что эти права обеспечиваются в том числе и созданием условий, позволяющих женщине сочетать труд с материнством, правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства (статья 35).

Снижение рождаемости, распространение малодетной семьи вызвало ряд других демографических явлений. Среди них одно из наиболее существенных — изменение возрастной структуры населения, сокращение в ней доли детских возрастов и увеличение доли пожилых и старых людей (60 лет и старше). Как видно из табл. 7, до 1940 г. структура населения СССР была демографически молодой[36]. С 1939 по 1975 г. общая численность населения страны увеличилась в 1,3 раза, а численность лиц старше 60 лет — в 2,5 раза. Особенно быстрыми темпами процесс старения населения развивался в 70-е годы. Так, с 1970 по 1975 г. доля пожилых и старых людей увеличилась на 17,5%, а все население страны — на 4,8%[37].

Таблица 7

Изменения возрастной структуры населения СССР

Годы	В возрасте (% всего населения)		
	0—14 лет	15—59 лет	60 лет и старше
1897	38,5	54,6	6,9
1926	37,3	56,0	6,7
1939	35,5	57,7	6,8
1959	29,5	61,1	9,4
1970	28,9	59,3	11,8

Источник: Калинюк И. В. Возрастная структура населения СССР. М., 1975. С. 35.

Выше подчеркивалось, что в результате осуществления целого комплекса мероприятий коэффициенты смертности по союзным республикам находятся на низком уровне. Но далеко не все резервы их снижения реализованы. Медленно увеличивается средняя продолжительность жизни, что видно из данных табл. 8. Комментируя

[36] По оценкам, разработанным демографами ООН, демографически старым считается население, в котором 7% и выше составляют лица в возрасте 65 лет и старше.

[37] См.: Пожилые люди в нашей стране. М., 1977. С. 15—16.

Таблица 8

Вклад отдельных возрастных групп в рост продолжительности жизни в СССР за период между переписями населения 1959 и 1970 гг.

	Средняя продолжительность предстоящей жизни		Прирост (лет)	в том числе за счет возрастов (лет)				
	1958—1959	1968—1971		0—4	5—14	15—49	50—74	75 и старше
Мужчины	64,4	64,5	0,1	1,5	0,2	—0,7	—0,6	—0,3
Женщины	71,7	73,5	1,8	1,6	0,2	0,5	—0,05	—0,5

Источник: Воспроизводство населения СССР. С. 117.

таблицу, ее составители отмечают также увеличение разрыва этого показателя у мужчин и женщин (в 1958—1959 гг. он составлял 7,3 лет, а в 1968—1971 гг. достиг 9 лет). Динамика смертности в возрастах старше 15 лет у мужчин и старше 50 лет у женщин оказала в целом отрицательное влияние на величину средней продолжительности предстоящей жизни[38]. В последнее время испытывает некоторые колебания коэффициент смертности, несколько увеличившись по стране в целом (см. табл. 6). «Нет никаких оснований,— считают Р. М. Дмитриева и Е. М. Андреев,— предполагать, что в последнее десятилетие возникли новые факторы, определяющие динамику смертности. Не появление новых факторов, но новый результат действия старых факторов в новом сочетании интенсивности их действия — вот в чем надо искать объяснение особенности динамики смертности последних лет. Это серьезная научная проблема»[39].

Наконец, обострение демографической ситуации проявляется и в низкой приживаемости новоселов в ряде районов страны, в нерациональных с точки зрения современного экономического развития миграциях населения, которые представляют собой сложный социальный процесс, отражающий одновременно интересы и личности, и общества. Перемещения населения часто идут с севера на юг страны и с востока на запад, хотя для развития производительных сил необходимо движение в обратном направлении (см. табл. 9).

---

[38] См.: Воспроизводство населения СССР. С. 116.

[39] *Дмитриева Р. М., Андреев Е. М.* Снижение смертности в СССР за годы Советской власти. С. 48—49.

Таблица 9

Размещение населения СССР по территории страны

Регионы	Доля региона в территории страны, (%)	Доля населения (%)			Плотность населения (1980), чел. на км²
		1959 г.	1970 г.	1979 г.	
Запад (вся европейская часть страны, кроме Северного Кавказа)	22,4	68,1	65,0	62,5	33,2
Юго-Восток (Закавказье, Средняя Азия, Казахстан, Северный Кавказ)	20,3	21,1	24,5	26,8	15,6
Восток (Сибирь, Дальний Восток)	57,3	10,8	10,5	10,7	2,2

Источник: Переведенцев В. И. 270 миллионов. М., 1982. С. 45.

Несмотря на определенные сложности, поступательное демографическое развитие страны продолжается. К началу 1987 г. численность населения СССР составляла 281,7 млн. человек, увеличившись за 1986 г. на 2,8 млн., а по сравнению с 1979 г. (последняя перепись населения) — на 19,3 млн. человек[40]. Предполагается, что к 2000 г. она превысит 300 млн. человек. Вместе с тем нельзя не учитывать и трудности, возникающие из современной демографической ситуации. Так, если в 60—70-е годы среднегодовая численность занятых в народном хозяйстве увеличивалась более чем на 2,8 млн. человек в год, в 70—80-е годы — на 2,2 млн., то в 1980—1983 гг. она возросла лишь на 1,2 млн. человек. Больше того, по прогнозам демографов в двенадцатой пятилетке (1986—1990) возможно некоторое сокращение численности населения в возрасте от 20 до 60 лет[41].

Коммунистическая партия и Советское государство уделяют особое внимание развитию народонаселения современного социалистического общества, оптимизации иду-

---

[40] См.: Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 5; Известия. 1987. 7 февраля.

[41] См.: *Валентей Д. И., Елизаров В. В., Зверева Н. В.* Демографический фактор и его роль в развитии социалистического общества// Вопросы философии. 1985. № 9. С. 51.

щих в нем демографических процессов, что нашло отражение в документах последних съездов КПСС. Еще в начале 70-х годов было обращено внимание на необходимость более тщательного учета прогнозов роста населения. В середине 70-х годов было подчеркнуто, что за последнее время проблемы народонаселения обострились и поставлена задача разработки эффективной демографической политики. Реализация ряда ее мероприятий, в особенности усиление помощи работающим матерям, уже в середине 80-х годов начала приносить определенный социально-демографический эффект [42].

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, указавшего на возрастание роли человеческого фактора в ускоренном экономическом развитии, были приняты меры по усилению эффективности демографической политики, получившей новое развитие в стратегических решениях XXVII съезда КПСС.

В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом КПСС, подчеркнуто огромное государственное значение усиления заботы о семье, которая играет важную роль, в том числе и в «...улучшении демографических процессов» [43]. В Программе особо отмечено также, что с целью дальнейшего улучшения положения женщин-матерей будут создаваться благоприятные условия для сочетания материнства с активным участием женщин в трудовой и общественной деятельности.

В соответствии с этими и другими программными установками XXVII съезд КПСС в своем постановлении об Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. определил: «Проводить демографическую политику, полнее учитывающую особенности различных регионов страны. Всемерно способствовать увеличению продолжительности жизни и трудовой активности населения, укреплению семьи, созданию более благоприятных условий для воспитания подрастающего поколения, сочетания материнства с активным участием женщин в трудовой и общественной деятельности. Расширять и совершенствовать государственную помощь семьям, имеющим детей, и молодым семьям» [44]. Постановление предусматри-

---

[42] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 260.

[43] Там же.

[44] Там же. С. 273.

вает повышение уровня материального обеспечения и социально-бытового обслуживания граждан пожилого возраста, инвалидов, а также целую систему мер по укреплению здоровья советских людей, других мероприятий.

Стратегия ускорения социально-экономического развития страны означает и ускорение развития народонаселения, оптимизацию его воспроизводства в соответствии с конкретно-историческими условиями совершенствования социализма и постепенного перехода к коммунизму. Возможности такой оптимизации подтверждается вся демографическая история эпохи социализма.

Глава 5

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В начале книги была дана характеристика зарубежной и советской литературы, посвященной теоретическим вопросам исторической демографии и изучению истории народонаселения в целом. Этот вводный обзор был необходим для выявления и анализа основных проблем разработки данной области исторического знания. Однако он, естественно, не касался действительного хода ее конкретных исследований, т. е. собственно ее историографии. Переходя к историографическому очерку конкретных исследований, необходимо подчеркнуть, что их характеристика требует воссоздания общей картины развития изучения истории народонаселения от его ранних истоков до наших дней.

Развитие в последние десятилетия историко-демографических знаний вольно или невольно заслонило тот факт, что истоки их восходят к XVI — XIX вв., когда шло становление современного изучения народонаселения, а историческая демография складывалась в неразрывной связи с формированием демографической и исторической наук. Подобно тому как развитие научных знаний о народонаселении в новое время стало предпосылкой возникновения демографии, зарождение изучения истории народонаселения предшествовало возникновению исторической демографии. Поэтому анализ становления ее требует рассмотрения двух проблем: во-первых, зарождения изучения истории народонаселения в XVI — XIX вв., во-вторых, собственно формирования исторической демографии примерно в последней трети XIX — первой половине XX в.

Историческая наука старше демографической. Превращение исторических знаний в науку произошло в основном в XVIII в.[1], в последующие десятилетия начала XIX в. был завершен процесс становления буржуазной исторической науки. Однако формирование ее, как и демографии, а также других общественных наук, заняло значительный период.

Начало его — примерно на том же хронологическом отрезке, на котором появляются и первые представления о народонаселении, свойственные новому времени. Н. Макиавелли, Ж. Боден не только высказали определенные взгляды на народонаселение, но и были крупнейшими историками XVI в., представителями гуманистической историографии. Связь их исторических воззрений с другими воззрениями, в том числе и на народонаселение, несомненна, хотя непосредственно у них, да и у более поздних авторов не прослеживается.

На гораздо более низком уровне описательной историографии стояли почти современные им страноведческие сборники конца XV — начала XVI в. Применительно к их содержанию термин «история» обретает свое первоначальное значение: повествование об узнанном. Но и в этих, подчас примитивных повествованиях содержались элементы истории населения, соответствовавшие неразвитым знаниям того времени.

Известно, что для передовых общественных теорий XVII в. были характерны рационализм и механицизм, перенесение принципов математики, астрономии и механики на изучение общества («социальная физика»). Это отразилось и на «политической арифметике». В. И. Ленин без возражений привел слова П. Б. Струве о том, что «Петти — самый яркий, самый выпуклый выразитель могущественного тока, который в ту эпоху шел к обществоведению от естествознания»[2]. Охваченные стремлением говорить только «на языке чисел», наивно преувеличивая возможности своего математического метода, «политические арифметики» почти не опирались на исторические знания. Таков был дух времени. «Социальная физика» XVII в. вообще пренебрежительно относилась к истории.

Тем не менее «политические арифметики» открыли важнейшее условие изучения движения населения: необ-

---

[1] См: *Сахаров А. М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 44—71.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 41.

ходимость анализа его в ретроспективе, т. е. на историческом материале. То, о чем А. Ландри в середине XX в. сказал, что в решении своей первой задачи — в изучении фактов — «демография выступает как история», впервые было показано во второй половине XVII в. Д. Граунтом, В. Петти, Э. Галлеем. Данные, например, Д. Граунта о погребениях и крещениях в Лондоне охватывали 60 лет (с 1604 г.), а о погребениях по причинам смерти за 1629 — 1636 гг. и 1647 — 1660 гг. Граунт, считает Т. Холлингсворт, был первым, кто критически начал изучать исторические сведения о народонаселении. Конечно, из этого нельзя делать вывод об установлении тогда взаимосвязи знаний о народонаселении и исторических знаний. Д. Граунт просто брал доступный ему хронологический период и анализировал материалы, не учитывая конкретное развитие общественно-исторического процесса. Но сам факт его обращения к исторической ретроспективе в зародыше намечал будущее взаимодействие истории и демографии.

Более явственно контуры такого взаимодействия проступили в ближайшие десятилетия в развернувшемся в XVIII в. споре о численности населения в древнем мире и в новое время. Вопрос о численности населения на различных этапах исторического развития был первым, при рассмотрении которого исторические знания вошли в непосредственное соприкосновение с накапливавшимися данными о народонаселения.

Возник этот вопрос не случайно. В 1661 г., т. е. в то же время, когда в Лондоне готовилась книга Д. Граунта, итальянский иезуит-астроном Д. Риччиоли предпринял первую попытку рассчитать численность населения Европы (до этого существовали оценки лишь по отдельным странам). После него подобный расчет произвел в 1685 г. теолог И. Воссиус, а затем в конце века — Г. Кинг. В следующем столетии только в 1740 — 1788 гг. был проведен десяток таких расчетов.

При этом проводилась оценка численности не только населения Европы, но и всего мира, делались попытки прогнозов, что в свою очередь требовало выяснения численности населения в более ранние эпохи. Уже в XVII в. Д. Риччиоли, а позже И. Воссиус и Г. Кинг попытались разработать оценки численности населения в древнее время. Такие попытки предпринимались и в XVIII в. С точки зрения современных представлений эти оценки несовершенны, чаще всего они резко завышены. Но в

Natural and Political

OBSERVATIONS

made upon the

BILLS OF MORTALITY

BY

JOHN GRAUNT

Edited with an Introduction

by

WALTER F. WILLCOX

Professor of Statistics

Cornell University

BALTIMORE

THE JOHNS HOPKINS PRESS

1939

Титульный лист современного переиздания книги «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности Джоном Граунтом» (первое издание — 1662 г.)

истории науки они очень важны и, в частности, показывают, как зарождалось изучение прошлого народонаселения, приведшее затем к возникновению историко-демографических исследований. Несомненно, что оценочные подсчеты населения во второй половине XVII и в XVIII в. вызывались реальными потребностями социально-экономического развития. Однако сами по себе они были недостаточны. Практически сразу возникла необходимость уяснения изменений численности населения в процессе исторического развития. Это нужно было для понимания как современных оценок, так и перспективных исчислений. Таким образом, зарождение изучения прошлого народонаселения в форме определения его численности на ранних исторических этапах было вызвано не простой любознательностью, а имело под собой реальные основания и вытекало из задач и обстоятельств действительности XVIII в.

Обращает на себя внимание, что в споре о соотношении количества населения в древности и в новое время подчас не оперировали конкретным цифровым материалом, ограничиваясь общими оценками: население «убывает» или, наоборот, «возрастает». Такое положение объясняется тем, что данный спор не был просто спором о численности населения, а по-своему отражал идейные течения XVIII в., например отношение к историческому прогрессу, невосприятие просветителями принципа историзма и др.

Именно для аргументации своих общественно-политических позиций обратился к вопросу об изменении численности населения Ш. Монтескье. В «Персидских письмах» (1721) он утверждал: «Произведя подсчет с наибольшей точностью, которая только возможна в таких вопросах (никаких подсчетов он не приводит.— *Д.Ш.*), я пришел к выводу, что теперь на Земле осталась едва десятая часть людей, живших на ней в древности. И удивительно то, что ее население уменьшается с каждым днем, если так будет продолжаться, через десять столетий она превратится в пустыню». Эта «самая ужасная катастрофа» вызывается, по его мнению, «внутренним пороком, тайным и скрытым ядом, медленной болезнью, подтачивающей человеческий род» [3]. Нетрудно догадаться, что в последней фразе речь идет о феодальных поряд-

---

[3] *Монтескье Ш.* Персидские письма. М., 1956. С. 258—260.

ках. Но справедливо критикуя их, Ш. Монтескье приводит аргумент, проникнутый духом антиисторизма.

Подобных взглядов относительно численности населения придерживались и ряд других авторов (Вольтер, Р. Уоллес, Э. Гиббон, Ф. Кенэ и др.), каждый из которых использовал их для аргументации тех или иных общественно-политических позиций. В. Мирабо, считавший, что сила страны зависит от численности населения, пытался привлечь внимание к проблемам последнего утверждением, что эта численность неуклонно сокращается. Любопытно, что такая точка зрения была изложена в 1762 г. на русском языке в анонимной переводной работе («Примечание о числе как новых, так и древних земных жителей»), опубликованной в одном из сборников, выходивших под редакцией профессора Московского университета И. Г. Рейхеля. Неизвестный автор считал, что население со времен Юлия Цезаря сократилось в десятки раз. «Сия перемена опаснейшая есть из всех приключившихся бедствий в свете, которую с превеликою трудностью могли мы приметить, ибо оная нечувствительным образом вошла и через течение многих веков по степени возрастала» [4].

Вместе с тем существовало и мнение, что численность населения Земли во все времена неизменна. Его, например, высказал в Энциклопедии Д. Дидро автор статьи «Народонаселение» историк-просветитель Э. Дамилавилль. Оригинальна аргументация этой точки зрения немецким правоведом Я. Бильфельдом. Исходя из того что количество материи на Земле неизменно, он писал: «Люди, невзирая на гордость их, составляют только некоторую часть разных существ, из коих земной шар наш составлен. Они ползают на внешней коре оного, как многие другие одушевленные твари, и не имеют особенной привилегии, коя бы их исключала от последования всеобщим законам природы. Итак, мне кажется, из сего можно б заключить, что они всегда почти равны были в числе, взяты будучи все вместе» [5].

С ярким историческим исследованием против всех этих взглядов выступил в 1752 г. крупный английский буржуазный философ и историк Д. Юм. Он написал по

---

[4] Собрания лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. М., 1762. Ч. II. С. 218—219.

[5] Наставления политические барона Бильфельда. М., 1775. Ч. 2. С. 411—412.

этому вопросу специальную книгу, получившую широкую известность. Эта книга была переведена и в России[6]. В ней подвергаются сомнению утверждения о значительной численности населения древности. «Мы очень знаем,— пишет автор,— излишества Восия (И. Воссиуса.— *Д. Ш.*) по сему предмету. Да и другой писатель (Вольтер.— *Д. Ш.*) большего перед ним остроумия и рассмотрительности покусился утверждать, что по наилучшим исчислениям, ныне не имеется на поверхности земной и пятой части народа, противу того, который обитал на ней во время Июлия Кесаря»[7].

Задача, которую поставил перед собой Д. Юм, своеобразна. Он не стремится как-то исчислить население древнего мира, а старается показать, что нет никаких документальных оснований, которые бы подтверждали, что «древние были многолюднее новейших». Отсюда и характер источников, которыми он оперирует: труды древних историков, политические документы, литературные произведения вплоть до стихов. Анализ этих материалов позволил ему доказать ошибочность преувеличенных оценок численности населения Древней Греции и Рима.

Историческое исследование Юма может рассматриваться как одна из ранних предпосылок возникновения исследований по истории народонаселения. Отметим еще одну примечательную сторону книги. Рост численности населения он ставит в прямую зависимость от состояния экономики. «Польша и Россия Европейская,— писал Д. Юм,— не имеют большой населенности; однако без сомнения населеннее древней Сарматии и Скифии, в которых ни о домоводстве, ни о хлебопашестве и не слыхивалось, а народы жили скотоводством одним»[8].

Позже французский просветитель, Ж. Кондорсе, развивший концепцию исторического прогресса, выразил эту сторону вопроса более определенно: «Население растет по мере того, как добывание средств существования становится менее опасным и менее зависящим от случая; земледелие, которое в состоянии прокормить большое число индивидов на одной и той же территории, замещает все другие источники существования; оно благо-

---

[6] См.: О населенности древних народов, каковою она является из писаний историков, мудрецов и стихотворцев тех времен. Г(осподина) Гюма. Спб., 1806.

[7] Там же. С. 10—11.

[8] Там же. С. 126.

приятствует дальнейшему размножению людей, а это последнее в свою очередь ускоряет прогресс; приобретенные идеи сообщаются быстрее и вернее упрочиваются в обществе, ставшем более оседлым, более сближенным, более интимным»[9].

Близкие к этим мысли высказал вне зависимости от Ж. Кондорсе (в середине 80-х годов) М. Д. Чулков — автор удивительного по объему и исполнению труда «Историческое описание Российской коммерции». Он писал: «Земля, в которой нет ни мануфактур, ни фабрик, едва может иметь народа вполовину против такого государства, которое такие преимущества имеет. В такой земле, в которой нет ничего, кроме земледелия и скотоводства, не требуется много народа, чтоб такую работу исправить». Добавим, что в связи с такой постановкой вопроса он сумел правильно взглянуть и на распределение собственности на землю: «Из сего также явствует, что плодоносна ли земля или нет, сие мало служит к умножению народа. Если земля плодоносна, то из сего больше ничего не следует, как только что хозяева будут получать больше доходов, и которые имеют великий достаток, то содержать будут много служителей бесполезных, для одного только великолепия»[10].

Спор о том, были ли «древние многолюднее новейших», принял, таким образом, не только численное выражение, но и коснулся ряда существенных сторон социально-экономического развития, волновавших современников. К исходу столетия постепенно утвердилось представление, что численность населения все-таки растет и будораживший многие умы спор сошел на нет. Однако поставленная в ходе его научная проблема достоверного определения численности населения на предшествующих этапах истории, которая не могла быть решена в XVIII в., не потеряла своего значения и осталась в наследие следующему столетию.

Рассматривая зачатки изучения истории народонаселения в XVIII — начале XIX в., нельзя не отметить и некоторые попытки в этой области, связанные с получившей тогда распространение в ряде стран, включая Россию, описательной статистикой (государствоведени-

---

[9] *Кондорсе Ж.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 8.

[10] Цит. по: *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. М., 1957. Т. 1. С. 250.

ем). «История — это статистика в движении, статистика — это неподвижная история»[11],— утверждал видный историк и одновременно теоретик государствоведения А.-Л. Шлёцер. Характеризуя народонаселение как одну из «достопримечательностей», влияющих, согласно их доктрине, на благосостояние государства, представители описательной статистики порой характеризовали эту «достопримечательность» и в историческом аспекте.

Так, издававшийся в 1806—1808 гг. в Петербурге «Статистический журнал»[12] опубликовал статью «Разделение и число жителей России в последних годах царствования Петра Великого», написанную историком А.-Х. Лербергом[13]. Александр I разрешил ему пользоваться материалами, которые в свое время были предоставлены Вольтеру для подготовки истории царствования Петра I. Между этими материалами, сообщает А.-Х. Лерберг, «находится расписание полков, которым обыватели каждого уезда разных губерний платили подушные деньги. Сие расписание послужило нам к определению не только уездов губерний, но и числа жителей каждого уезда, в подушном окладе состоявших»[14]. Эта статья — один из наиболее ранних предвестников появления в отечественной науке историко-демографических исследований.

Но, конечно, эта и другие работы подобного типа пока только намечали направления, ведущие к зарождению взаимодействия истории и демографии. О самом зарождении можно говорить, очевидно, лишь применительно к середине и особенно второй половине XIX в. То была пора первых шагов буржуазной демографии и вместе с тем обнаружившегося развития исторической науки, особенно ее буржуазно-либерального направления, которое восприняло (в своеобразных трактовках) принцип историзма. «Внешним выражением торжества историзма в первой половине XIX в.,— отмечает О. Л. Вайнштейн,— было всеобщее появление исторических обществ, исторических журналов, исторических музеев, публикаций обширных серий источников национальной истории, быст-

---

[11] Цит. по: *Лучинский Г. А.* Шлёцер//Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Спб., 1903. Т. 78.

[12] См.: *Шелестов Д. К.* Первый русский научный гуманитарный журнал//Вестник АН СССР. 1977. № 5.

[13] О нем см.: Вестник Европы. 1820. № 7 (статья М. Т. Каченовского).

[14] Статистический журнал. Спб., 1806. Т. I. Ч. 2. С. 138—139.

рый рост исторической научной и научно-популярной литературы... За XIX в. утверждается в это время репутация «исторического века», противопоставляемого «антиисторическому» веку Просвещения»[15].

Но, разумеется, не просто рост интереса к прошлому определил обращение к исторической тематике народонаселения. Это обращение подготавливалось углублением исследований конкретной истории. Прежде чем дать научную оценку, например, численности населения древнего мира, необходимо было провести более или менее всестороннее изучение его истории, что, в частности, было сделано работами Т. Моммзена, раскопками Г. Шлимана и многими другими исследованиями. Кроме того, усиливавшееся внимание к социально-экономической истории, к истории хозяйства, по терминологии того времени, неминуемо должно было вызвать и действительно вызвало потребность в изучении основной производительной силы общества — народонаселения, в определении его численности на различных исторических этапах, расселения и т. д. Эта потребность, формировавшаяся в недрах исторической науки, соответствовала и потребности только что возникшей демографии в ретроспективном рассмотрении движения народонаселения.

Таким образом, взаимодействие этих двух наук зарождалось и развивалось на основе совпадения ряда решаемых ими задач и касалось четко очерченной общей области исследований — истории народонаселения. Вместе с тем оно, как и все развитие исторической и демографической наук, было обусловлено конкретными задачами действительности. Во второй половине XIX в. предпринимаются новые попытки определения численности мирового населения, публикуются расчеты К. Дитерици[16], ряда других ученых, которые стремятся исчислить население земного шара, его материков.

Именно с определения численности населения древнего мира, т. е. с решения научной задачи, унаследованной от XVIII в. и вместе с тем связанной с современными исчислениями населения, и началось становление исторической демографии. Можно назвать целый ряд работ — французского статистика Моро де Жоне (1856),

---

[15] Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967. С. 103.

[16] См.: *Дитерици К.* Народонаселение земного шара по его количеству, племенным различиям и вероисповеданиям. Спб., 1876.

итальянца Д. Кастильони (1862), немецкого историка К. Бюхера (1886) и других, которые рассматривали вопросы численности населения на различных этапах исторического развития.

Наиболее последовательное рассмотрение этой проблемы провел в тот период немецкий ученый, профессор античной истории Римского университета К.-Ю. Белох. В 1886 г. в Лейпциге вышла его книга «Население грекоромманского мира», занявшая видное место в историографии изучения истории народонаселения. В предисловии к ней он писал: «История хозяйства как науки только возникает. Но ее, может быть, важнейшая отрасль, именно — историческое учение о населении вообще, до сих пор еще не нашла научной трактовки. Пожалуй, имеются отдельные исследования, но никто еще не сделал попытки представить все собранные материалы на значительной территории и за значительный период времени на основе систематического собирания и критического анализа». Белох, таким образом, поставил задачу перейти от разрозненных характеристик к обобщенному во времени и пространстве показу истории населения, которую он считал частью истории хозяйства.

Книга К.-Ю. Белоха не содержала теоретических обобщений, но всем своим содержанием навсегда разрушила представления о высокой населенности Древней Греции и Рима, а также показала несостоятельность мнения о неизменности численности населения в ходе исторического развития. В отличие от Д. Юма, который не оперировал цифровым материалом, К.-Ю. Белох провел тщательные расчеты. В результате их он вывел численность населения Римской империи в начале нашей эры (54 млн. человек), а также показал численный состав населения ее европейской, азиатской и африканской частей.

В конце XIX — начале XX в. К.-Ю. Белох опубликовал ряд статей, развивающих и уточняющих положения названной книги. Из-под его пера вышли статьи о европейском населении периода средневековья и эпохи Возрождения. Напечатал он и теоретическую статью «Численность населения как фактор и критерий исторического развития» (1913). Его двухтомная «История населения Италии» (1939) была опубликована посмертно. Как бы оценивая значение сделанного К.-Ю. Белохом, его соотечественник Р. Кёчке в работе «История народного хозяйства в средние века» (1924) писал: «Точная оценка

населения в античную эпоху невозможна. Но по крайней мере приблизительно правильное представление статистического характера настолько важно, даже необходимо для суждения о тогдашнем положении (по сравнению со средними веками), что даже возможность больших ошибок при оценке допустимее, чем полный отказ от них».

К.-Ю. Белох в своих работах основывался только на количественных расчетах. Несколько иной подход проявился в обширной работе, посвященной истории населения Франции, три тома которой увидели свет в Париже в 1889—1892 гг.[17] Организатором этого издания и составителем основных разделов был Э. Левассер, которого чаще всего и указывают как его автора. В первых трех томах приведен обширный историко-статистический материал, главным образом о населении Франции до 1789 г., т. е. до начала Великой французской революции, делаются попытки описать исторические данные, сделать из них выводы.

Однако на этих выводах сказалась противоречивость, свойственная буржуазной демографии в подходе к истории народонаселения. В 3-м томе этого обширного труда подчеркивается зависимость тенденций роста населения от социальных условий: «Внутри каждой нации каждая группа имеет свой «закон» народонаселения. Можно подчас обнаружить бо́льшие различия между кварталами Парижа, чем между нациями». И в этом же томе Э. Левассер, пытаясь разработать схему связи плотности населения и уровня экономического развития, по существу определяет этот уровень населенностью той или иной территории.

Критику искажения Э. Левассером взаимосвязи развития экономики и роста населения дал в свое время (1914) М. Н. Покровский. Отметив, что позиция Э. Левассера отвечает классовым интересам европейской буржуазии, он писал: «Рост населения у него является естественным фактом, не зависящим от социальных условий: хочешь, не хочешь,— а размножайся! На этом стоит все экономическое развитие: перестанешь размножаться — исторический процесс остановится, шутка сказать!»[18]

[17] См.: La population française: Histoire de la population avant 1789 et démographie de la France, comparée à celle des autres nations au XIX siècle/Ed. E. Levasseur. P., 1889. T. I; 1891. T. II; 1892. T. III.

[18] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. М., 1921. Ч. I. С. 25.

Эта оценка, данная историком-марксистом с партийных позиций, имеет принципиальное значение. Еще у истоков изучения исторической демографии было показано, что это изучение имеет классовый характер, разрабатываемые в ходе его концепции соответствуют определенным социальным позициям их авторов, а в целом оно, как и все общественные науки, отражает в классово-антагонистическом обществе в конечном итоге ход классовой борьбы.

Почти одновременно против взглядов, подобных тем, которые проповедовал Э. Левассер, выступил и Г. В. Плеханов, отмечавший, что «очень ошибаются те социологи и экономисты, которые в росте населения видят *коренную* причину общественного развития»[19]. Г. В. Плеханов имел в виду французского социолога А. Коста с его демографическим детерминизмом. На основе последнего А. Кост пересмотрел весь ход мировой истории и разработал (1899) ее демографо-детерминистическую «концепцию».

Положив в основу фактор роста населения, Кост выделяет в мировой истории шесть эпох. Первая из них начинается с древнейших времен и продолжается до основания Рима. Население в эту эпоху немногочисленно, и в силу этого разделение общественных функций отсутствует. Оно появляется во вторую эпоху (от основания Рима до конца правления Юлия Цезаря), когда в результате роста населения происходит разделение управленческих функций между правителями и служителями культа. Рост населения приводит и к изменениям в экономике, появляется ремесленное производство, торговля. Третья эпоха охватывает время от Юлия Цезаря до нашествия варваров. Население в этот период настолько разрастается, что возникают крупные города, власть разделяется на гражданскую и военную, возникают классы. В четвертую (варварские королевства) и особенно пятую (феодализм) эпоху рост населения сначала задерживается, а затем приостанавливается. Поэтому А. Кост характеризует их как регресс в «социальной эволюции», прекратившийся только с наступлением шестой эпохи — эпохи современных парламентских государств. Эта эпоха характеризуется резким увеличением населения, из чего А. Кост выводит характеристику со-

---

[19] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. М., 1957. Т. III. С. 172.

временного ему общественного строя и экономического развития. Прогнозируя будущее «социальной эволюции», А. Кост считает, что оно зависит от «концентрации населения, еще более интенсивного и плотного, чем настоящее, так как в прошлом все движение эволюции было детерминировано демографическим фактором».

Апологетическая сущность приведенной концепции, которая кладет в основу всего развития человечества его демографическую историю, очевидна. О какой классовой борьбе может идти речь, если социальный строй и его экономические порядки определяются степенью концентрации населения? Не случайно, что концепция демографической детерминации исторического развития стала тем плацдармом, на котором встретились не только история и демография, но и другие буржуазные науки — вульгарная политэкономия, позитивистская социология и др.

В один год с работой А. Коста вышла книга русского буржуазного историка и социолога М. М. Ковалевского о развитии народного хозяйства в Западной Европе. Автор ее не был последовательным сторонником демографического детерминизма, но, освещая историю первобытного общества, оказался, по существу, на его позициях. «Продолжительные изыскания,— писал он,— привели меня к тому заключению, что главным фактором всех изменений экономического строя является не что иное, как рост населения» [20]. В соответствии с этой посылкой он и характеризует эволюцию первобытного общества, переход от собирательства к скотоводству, а затем к другим, более высоким формам хозяйства. «Численный рост семей,— писал он,— вынуждает пастушеские племена перейти к преимущественному занятию земледелием... Достаточно, чтобы племя возросло в численности, при невозможности выйти из своих границ, как происходят важные изменения и в способе обработки полей и в других условиях существования» [21].

В этих рассуждениях по крайней мере два серьезных методологических изъяна. М. М. Ковалевскому было чуждо понимание диалектического единства процессов роста населения и экономики, обратное (и решаю-

---

[20] *Ковалевский М. М.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. Спб., 1899. С. 2.

[21] Там же. С. 9.

щее) воздействие последней на изменение численного состава первобытных общин. Кроме того, рост населения он рассматривал как чисто механический процесс увеличения количества биологических особей.

Такой в основе своей биологический подход был характерен и для других буржуазных историков. Наиболее четко его изложил в своих «Очерках по истории русской культуры» П. Н. Милюков. «Население каждой страны,— утверждал он,— имеет склонность увеличиваться само собой, стихийно, автоматически... Такое автоматическое возрастание населения является главным толчком, заставляющим людей увеличивать количество труда, необходимого для поддержания жизни, и изменять его форму»[22]. Эти концептуальные установки развивались не только в отвлеченно-теоретическом плане, но и применялись в конкретных исследованиях.

Анализ таких исследований, появившихся в России, показывает, что хотя изучение истории народонаселения пока еще только зарождалось, но оно все же коснулось ряда проблем. Прежде всего надо отметить работы, посвященные истории учета населения, динамики его численности и основных характеристик по данным ряда ревизий[23]. Изучались пертурбационные факторы, влияющие на рост населения[24]. Интересные работы были выполнены по проблематике расселения населения[25]. Наконец, отметим, что история народонаселения была за-

---

[22] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Спб., 1904. Ч. I. С. 21. См. также: *Ганнушкин М. Б.* Народонаселение как самостоятельный фактор в экономической эволюции. М., 1899; *Жуковский Ю. Г.* Население и земледелие. Спб., 1909.

[23] См.: *Ильинский А. К.* Городское население Новгородской области в XVI в.//Журнал Министерства народного просвещения. 1876. № 6; *Чечулин Н. Д.* Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. Спб., 1889; *Ден В. Э.* Население России по пятой ревизии. М., 1902; *Куркин П. И.* Статистика движения населения в Московской губернии в 1883—1897 гг. М., 1902 (в этой книге опубликованы материалы А. В. Погожева о населении при Екатерине II); *Клочков М.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. Спб., 1911. Т. I.

[24] См.: *Герценштейн Г.* Военные жертвы людьми//Военно-санитарное дело. 1882. № 15—18; *Дербек Ф. А.* История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. Спб., 1905; *Дживелегов А.* Голодовки в средние века. М., 1906.

[25] См.: *Воейков А. И.* Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. Спб., 1911; *Вейнберг Б. П.* Положение центра населенности России с 1613 по 1913 г.//Известия Русского географического общества. 1915. Т. II.

тронута в ряде работ крупных дореволюционных историков [26].

Возвращаясь к рассмотрению изучения истории народонаселения за рубежом, остановимся на одном переводном сборнике. В 1897 г. в Москве вышла книга «Народонаселение и учение о народонаселении», составленная из переводов статей, извлеченных из немецкого «Словаря общественно-политических наук» (так называемого словаря Конрада). Содержание книги довольно многообразно, но в данном случае особый интерес представляют помещенные в ней исторические очерки. В них освещаются две темы: история народонаселения и история относящейся к нему политики.

Э. Мейер — автор очерка истории народонаселения в древности — рассматривает вопрос об источниках, особо останавливаясь на определении численности населения по данным о взрослом мужском или обязанном нести военную службу населении. Он дает характеристику римских цензов, в том числе и провинциальных. На основании всех этих данных в очерке характеризуется динамика численности населения Древнего Востока, Греции и Рима (отдельно для империи и для города).

Очерк истории народонаселения Европы в средние века и в новое время (до конца XVIII в.) написал специалист в области статистики населения К. Инама-Штернегг. В рассматриваемое в очерке время он дает общий обзор состояния европейского населения, а затем переходит к его характеристике по странам Западной Европы. Очерки Э. Мейера и К. Инама-Штернегга представляют собой, очевидно, первую попытку систематического изложения истории народонаселения от рабовладельческого общества до XVIII в. включительно. Понятно, что они имеют серьезные методологические изъяны, да и уровень науки был таков, что авторы не могли даже поставить многие вопросы, ограничившись приблизительными оценками численности населения. Но тем не менее их очерки — примечательное явление, свидетель-

---

[26] См.: *Семевский В. Н.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Спб., 1881—1902. Т. 1—2; *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты и до эпохи преобразований. Спб., 1890; *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; *Смирнов П. П.* Движение населения Московского государства//История России в очерках и статьях. М., б. г. Т. II.

ствующее о становлении изучения истории народонаселения.

Таким же заметным явлением стали очерки истории политики народонаселения. Их автор — Л. Эльстер — уделил особое внимание популяционистской политике в Древнем Риме, а также в ряде европейских стран в XVI—XVIII вв. В целом эти очерки как бы открыли большую тему историко-демографических исследований, сохраняющую актуальность и в наше время.

Преобладающими в конце XIX и в первые десятилетия XX в. были исторические исследования динамики численности населения. Прежде чем перейти к более углубленному изучению истории развития демографических процессов, надо было выработать представления о количественном выражении их на различных этапах движения общества. Современное понимание поступательного роста численности человечества пришло не сразу, ему предшествовали различные концепции этого роста, соответствовавшие степени его изученности.

Так в упомянутом выше очерке К. Инама-Штернегга трехвековой период XVI—XVIII вв. характеризовался как не принесший заметных изменений в численности населения. Давая оценку в этом аспекте положения в Европе в целом, автор очерка пишет о «продолжительном застое в развитии народонаселения»[27]. Подобная точка зрения высказывалась и позже — антропогеографом Ф. Ратцелем (1912), немецкими статистиками Г. Стракош-Гроссманом (1913), Р. Кучинским (1936) и др. При этом период застоя расширялся на несколько столетий, а в представлении русского экономиста Ю. Г. Жуковского он длился два тысячелетия. В его книге «Население и земледелие» (1909) утверждалось: «За целое тысячелетие население почти не увеличивалось, потому что, увеличившись раз, оно уничтожалось последующими невзгодами. К началу XIX в. население Европы если увеличилось, то незначительно против того уровня, на котором оно находилось двадцать веков тому назад».

Такой же противоречащей действительному ходу исторического развития была и концепция «волнообразной динамики населения», наиболее полно сформулированная в середине 30-х годов немецким экономистом и статистиком В. Абелем. Согласно его представлениям, в за-

---

[27] Народонаселение и учение о народонаселении. М., 1897. С. 18.

падноевропейской истории выделяются четыре периода. В первом из них (XI—XIII вв.) население утроилось, во втором (1350—1480) идет на убыль, в третьем (1480—1650) растет и в четвертом (1650—1750) снова убывает. Историческая динамика населения имеет, таким образом, циклический характер.

Наличие таких, подчас полярных, концепций требовало выработки определенных общих параметров, в пределах которых варьировалась бы динамика численности населения. «Общие проблемы истории населения,— писал в 1930 г. американский историк А. Ушер,— не требуют особой точности в отношении абсолютной численности населения. Мы нуждаемся лишь в некотором знании уровня плотности населения на различной территории и в вековой тенденции роста населения в течение больших периодов времени». Именно выявление этой «вековой тенденции» в ее приблизительных численных выражениях и составило основу работ по исторической динамике населения.

Определенную роль в этом сыграли расчеты американского демографа У. Уилкокса и его английского коллеги А. Карр-Саундерса, проведенные в 30-е годы. В 1931 г. первый из них опубликовал работу, в которой рассмотрел предшествующие оценки численности населения мира и континентов и привел свои расчеты начиная с 1650 г.[28] В середине 30-х годов такую же работу провел А. Карр-Саундерс, рассчитав изменения численности населения в период с 1650 по 1933 г.[29] У. Уилкокс в конце 30-х годов учел эти расчеты и уточнил свои данные[30]. Эти оценки, приведенные по полувековым периодам применительно как к мировому населению в целом, так и к населению континентов и ряда стран, получили признание[31]. Выработка их свидетельствовала о развитии исследований народонаселения, особенно периода новой и новейшей истории, что оказывало влияние и на изучение «вековых тенденций» народонаселения более ранних исторических периодов.

---

[28] См.: International migratuions. W. F. Willeox ed. N. Y., 1931. Vol. 2. P. 32—82.

[29] См.: Carr-Saunders A. M. World population. Oxford, Clarendon Press, 1936.

[30] См.: Studies in Ametican Demography/Ed. by W. F. Willcox. Ithaka. N. Y., Gornell University Press. 1940. P. 22—51.

[31] Они используются до сих пор, в частности в материалах ООН, где они, как правило, дополняются расчетами американского демографа Д. Дюрана, опубликованными в 1967 г.

В 30—40-е годы были выполнены исследования по каждому из этих периодов. В середине 30-х годов вышла книга польского ученого Л. Кшивицкого, в которой на этнографическом материале рассматривались некоторые демографические явления в первобытном обществе[32]. Одновременно опубликовал работу по античной демографии французский исследователь Э. Кавеньяк. Тогда же появилось обширное сочинение о народонаселении XI—XV вв. другого французского ученого — Г. Пиренна. Позже фундаментальное исследование по средневековью провел американский историк Д. Рассел, который применил демографические методы при обработке документов английских архивов и подготовил монографию «Британское средневековое население» (1948). Осуществлялось изучение и демографической истории нового времени (П. Момберт, Э. Кейзер, В. Биккель и др.). В известной мере работу над этим периодом обобщила книга М. Рейнара «История мирового населения с 1700 до 1948 г.», изданная в Париже в 1949 г.

В неразрывной связи со всем ходом изучения в конце XIX — первых десятилетиях XX в. истории народонаселения связано формирование концепции «демографической революции». Историко-демографические наблюдения над прошлым народонаселения западноевропейских стран постепенно стали подводить к выводу, что оно в своем историческом развитии проходит через ряд определенных стадий, характеризующихся изменениями в процессах рождаемости и смертности. Одним из первых это подметил А. Ландри, опубликовавший в 1909 г. исследование, в котором очертил три последовательно сменяющиеся основные стадии, или «режима», воспроизводства населения. Однако более или менее полное изложение этой концепции он смог дать только четверть века спустя, когда в 1934 г. вышла его книга «Демографическая революция».

В этой книге, а также позже в «Трактате о демографии» он конкретизирует выдвинутую ранее гипотезу о трех последовательно сменяющихся «режимах» (примитивном, промежуточном и современном) воспроизводства населения. Примитивный режим, считает А. Ландри, присущ всем живым существам, кроме человека. Но в прошлом он был присущ и человеку, его следы могут быть

---

[32] См.: *Krzywicki L.* Primitive Society and its Vital Statistics. Warsawa, 1934.

найдены даже теперь. Этот режим характеризуется неограничиваемой рождаемостью и очень высокой смертностью, которая регулирует численный рост населения. При промежуточном режиме экономические факторы воздействуют на рождаемость через брачность. Численный рост населения замедляется. Современный режим обусловлен, по А. Ландри, «демографической революцией». Экономические факторы больше не играют той роли, которая им принадлежала на предшествующих этапах. В силу сознательного ограничения рождаемости ее коэффициенты снижаются, что, полагает А. Ландри, не будет происходить постоянно.

При всей противоречивости схемы этих «режимов» следует отметить, что автор ее стремился связать свои построения с демографической историей[33], поэтому его концепция — органическая часть изучения этой истории, свидетельствующая об определенных достижениях, но вместе с тем и ограниченных возможностях буржуазной науки в раскрытии прошлого человечества.

В историко-демографических работах в тех редких случаях, когда их авторы касаются вопросов зарождения и развития изучения истории народонаселения в XVI — XIX вв., характеристика этого процесса сводится к упоминанию нескольких фамилий. Чаще же всего осуществлявшиеся тогда исследования просто замалчивают, очевидно, не придавая им значения. Между тем они сыграли важную роль в становлении целой отрасли исторических знаний.

Первоначально изучение истории народонаселения имело самый общий и недифференцированный характер. Однако по мере становления буржуазной политэкономии, этнографии, социологии, демографии, географии населения, статистики и ряда других наук, связанных с изучением народонаселения, его историческое прошлое начало рассматриваться во все более многообразном спектре. Дифференциация исследований истории народонаселения, постепенно усиливавшаяся со второй половины XIX в., отразила становление многостороннего изучения

---

[33] Последующая разработка этой концепции также опиралась на исторический материал. В большей степени его использовал В. Блекер, обосновывая наличие пяти этапов демографической эволюции, в меньшей — У. Томпсон, разделяя страны мира на три группы в соответствии с их демографическими показателями. Привлекал этот материал и Ф. Нотештейн (Нотестайн), разработавший свою концепцию «демографического перехода».

народонаселения (складывание «системы научных знаний о народонаселении»), разработку исторических аспектов которого историческая наука постепенно стала «делить» с рядом наук, внешне вроде бы отступая на второй план, «отдавая» изучение истории народонаселения социологии, географии, демографии и т. д.

В действительности изучение истории народонаселения как отрасль исторической науки не только сохранилась, но и получила в XIX — XX вв. дальнейшее, более углубленное развитие, которое было определено формированием взаимосвязей наук в изучении различных аспектов прошлого народонаселения. Именно на этой основе, на данном этапе развития изучения истории народонаселения, когда с возникновением демографической науки стало примерно в последней трети XIX в. постепенно определяться поле демографической истории, начала складываться и историческая демография.

Проведенное выше рассмотрение ее основных исследований, которые были осуществлены в конце XIX — первой половине XX в., свидетельствует о становлении исторической демографии как научной дисциплины, выражающей взаимодействие истории и демографии. Ограниченное и скованное рамками буржуазного мировоззрения с его антинаучными концепциями исторического процесса и реакционными теориями народонаселения, это взаимодействие тем не менее обеспечило начало разработки демографической истории, создало определенные предпосылки для современного расширения и углубления исследований в данной области знаний.

2. СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

В беглых обзорах демографических исследований, осуществленных в 50 — 80-е годы в ряде западных стран, недостатка нет, как, впрочем, нет и единства во взглядах их авторов на современную историческую демографию. Недаром одни из них уже отметили ее двадцатипятилетний «юбилей», другие считают, что эта дата еще только приближается.

Не вдаваясь в тонкости этой периодизации, следует подчеркнуть, что современный период историко-демографических исследований продолжает на новом, более высоком уровне и на значительно более широкой основе, наконец, в новых исторических условиях развитие взаи-

мосвязи демографической и исторической наук, начавшее формироваться, как это было показано выше, задолго до середины нынешнего столетия.

Датировка начала современного периода историко-демографических исследований в буржуазной науке не вызывает больших трудностей. «Начиная с 40-х годов,— пишет Д. Гласс,— в подходе к изучению демографической истории в странах Запада произошли большие изменения»[34]. В общем это положение с небольшим его хронологическим уточнением представляется приемлемым. С учетом событий второй мировой войны, а также принимая во внимание, что ряд принципиально новых исследований появился в 50-е годы, точнее говорить не о 40-х годах, а об их второй половине и первой половине 50-х годов. Такая датировка в принципе совпадает и с приведенной выше датировкой начала нового, современного периода западной демографии в целом, что вполне закономерно, так как историческая демография является ее частью.

Эмблема Всемирного года народонаселения, проведенного ООН в 1974 г.

Новый период в развитии исторической демографии был вызван в основном теми же факторами, которые определили современный период западной демографии в целом. Конкретизируя это общее положение, можно отметить три наиболее важных момента, оказавших воздействие на подъем историко-демографических исследований. Во-первых, этот подъем «поощряется,— отмечает Ж. Дюпакье,— интересом, который проявляют правительственные органы и общественное мнение к вопросам демографии»[35]. Развитие изучения исторической демографии, пишет по этому поводу Д. Гласс, «является выражением растущего интереса к проблемам населения в связи со снижением его численности в западных странах и увеличением ее в слаборазвитых странах». Внимание к исторической демографии было вызвано, таким образом, стремлением найти в истории объяснение современным демографическим процессам в западных странах, а также на основе изучения демографии «доиндустри-

---

[34] Population in History. Essays in Historical Demography/Ed. by D. V. Glass and D. E. Eversley. L., 1965. P. 3.

[35] *Dupâquier J.* Pour la démographie historique P., 1984. P. 86.

альных обществ» обнаружить аналоги с демографическим развитием «третьего мира». Это один из основных моментов, определивших интерес к демографическому прошлому.

Второй из них был связан с уже отмеченным изменением с 50-х годов ориентации демографических исследований, с растущим интересом к экономическим и социальным аспектам демографических изменений. Без опоры на конкретно-исторический материал, вне анализа исторической ретроспективы движения народонаселения эта задача не только не могла быть реализована, но и научно поставлена.

В-третьих, подъем исторической демографии был обеспечен успехами в развитии демографического анализа, моделирования демографических процессов и изучения их по неполным или некачественным данным. В «Детерминантах...» справедливо отмечается, что «совершенствование методики восстановления демографических данных для ранних периодов способствовало развитию исторической демографии» [36].

Все это в совокупности и вместе с тем воздействуя по-разному, в сочетании с рядом других моментов, определило «взрыв» историко-демографической литературы в 50-е и особенно в 60 — 70-е годы. «Литература по исторической демографии,— писал в 1969 г. Т. Холлингсворт,— настолько обширна и настолько в небольшой степени до настоящего времени обобщена, что едва ли возможно охватить ее целиком».

Мы не ставим задачи такого охвата. Напротив, чтобы обнаружить главные линии изучения историко-демографической проблематики, следует взять только самые основные работы. Значительную массу историко-демографических исследований составляют статьи и книги, подготовленные на основе применения так называемого метода восстановления истории семей (ВИС), получившего распространение со второй половины 50-х годов. Не касаясь сейчас этого направления исследований, остановимся на ряде трудов, характеризующих развертывание изучения историко-демографической тематики.

Усиление внимания к изучению истории народонаселения обнаружилось уже во второй половине 40-х годов.

---

[36] Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. I. Ч. 1. С. 5. См. также: Методы исчисления основных демографических показателей по неполным данным. ООН. Нью-Йорк, 1971.

Это, в частности, отразили работы французских ученых Л. Шевалье (1946) и М. Рейнара (1950), которые привлекали внимание к историко-демографической проблематике.

Одновременно вышел ряд крупных конкретных исследований. Первым по времени среди них была книга французского ученого Ф. Ариеса «История французского населения и его отношения к жизни в XVIII в.» (Париж, 1948). В этом историко-демографическом труде, переработанном и переизданном в 1971 и 1973 гг. в серии карманных книг, были намечены линии историко-психологического и ряда других подходов к изучению демографической тематики. Впоследствии ученый развил их, обратившись к изучению истории детства, а также отношения к смерти.

Новое направление в исторической демографии открыл труд бельгийца Р. Молса «Введение в историческую демографию городов Европы XIV—XVIII вв.» (Лувен, 1954—1956). Выход этого издания дал толчок многочисленным исследованиям истории населения городов, главным образом Западной Европы. Причем если по крупным городам (типа Марселя, Лиона и др.) такие исследования ввиду невозможности охватить их обширные статистико-демографические материалы давали общие историко-демографические очерки, то изучение населения малых городов (Аржантей, Сен-Дени и др.) позволило с достаточной глубиной охарактеризовать исторические аспекты демографической ситуации в них.

Среди других работ того времени следует отметить книгу Ж. Анрипина «Канадское население в XVIII в.», вышедшую в Париже в 1954 г. Автор ее впервые широко использовал генеалогический материал для исследования населения французской части Канады. Примером удачного сочетания глубокого знания исторических и демографических источников, а также историографии явилась работа западногерманского ученого Г. Франца «Тридцатилетняя война и немецкий народ» (Штутгарт, 1961). Политическая направленность ее концепции очевидна: автор стремится показать, что немецкий народ сохраняет свою жизнестойкость при любых испытаниях. Но в данном случае важно подчеркнуть другое — тщательное историко-демографическое исследование сокращения численности населения на территории Римской империи в 1618—1648 гг. и серьезную попытку анализа этого процесса, его непосредственных последствий.

Здесь же, в ФРГ, появилась одна из первых работ, содержащих очерк истории мирового населения,— книга Э. Кирстена, Э. Бухгольца и В. Кёльмана «Территория и население в мировой истории» (Вюрцбург, 1955—1956 гг. и последующие издания).

С историко-демографической точки зрения намного больший интерес представляет коллективная работа по истории мирового населения трех французских демографов-историков — М. Рейнара, А. Арменго и Ж. Дюпакье. Еще в 1949 г., как уже отмечалось, первый из них опубликовал книгу о движении мирового населения с 1700 до 1948 г. Двенадцать лет спустя он совместно с А. Арменго подготовил новую работу, хронологические рамки которой были отодвинуты в глубь веков до «предыстории», т. е. первобытнообщинного строя. В 1961 г. в Париже вышла работа под названием «Всеобщая история мирового населения». Это же название Рейнар и Арменго вместе с Ж. Дюпакье сохранили и в новом выпуске книги, осуществленном в 1968 г. Авторы этой книги видят свою задачу в том, чтобы привлечь внимание к росту населения и связанным с ним проблемам. Большую роль в этом они отводят изучению демографической истории, использованию ее опыта. «Настоящее мира,— пишет в предисловии к книге М. Рейнар,— забота о его самом близком будущем, а также желание углубить значение прошлого заставляют подвести итог истории населения».

Структура книги, которая состоит из четырех частей, отражает концепцию авторов. Первая часть хронологически самая большая, в ней рассматривается история населения с древнейших времен до XVIII в. включительно. Хотя главы этой части написаны глубоко и емко, этот период для авторов книги — только предыстория. Для них история начинается в XIX в.—«веке либерализма», которому отведены две следующие центральные части книги. В основе первой из них — рассмотрение «демографической революции» в Европе, второй — европейской эмиграции в 1815—1914 гг. и ее демографических последствий. Демографическое равновесие, которое, по мнению авторов, стало складываться в «век либерализма», нарушилось в XX в.—«веке масс и техники». Рассмотрению этого «нарушения» и посвящена последняя, четвертая часть книги.

«История населения,— говорится в заключении,— не может больше сводиться к различиям статистической и

достатистической эры, разделенным недавней и единственной демографической революцией. Этот взгляд был господствующим из-за недостатка демографического интереса у историков и недостатка исторического интереса у демографов». Какой же «взгляд» предлагают авторы? Его с трудом можно уловить в расплывчатых рассуждениях о «нарушении демографического равновесия», о необходимости его устранения и т. д. Содержательная по фактическому материалу, обработке конкретных данных, книга оказывается беспомощной, как только ее авторы начинают предпринимать попытки теоретически обобщить историю мирового населения.

В 1970 г. в Париже вышла книга «Историческая демография», принадлежащая перу французских ученых — П. Гийома и Ж. Пуассу. Помещенный в ней очерк истории мирового населения написан под иным углом зрения, нежели рассмотренный выше. В нем освещен только период с XVII по XX в. («новейшее время»). Предшествующая история народонаселения изложена в форме беглого обзора. Авторы подробно анализируют изменения в смертности, а также в рождаемости, брачности, в возрастной структуре с 1650 по 1800 г. Обстоятельно рассматривается и миграция населения. XIX век они характеризуют в историко-демографическом аспекте как «белый взрыв» (т. е. рост европейского населения). В отличие от авторов предшествующей книги они не склонны оценивать этот «взрыв» как шаг на пути установления демографического равновесия, а «демографическую революцию» переносят в XX в. и рассматривают ее как «мировую демографическую революцию». Но и в данном случае обоснование выдвинутого положения сводится к общим отвлеченным рассуждениям.

Нет сколько-нибудь весомого теоретико-методологического обоснования проблем демографической истории и в сборнике «Народонаселение в истории» — издании, сохраняющем познавательное значение и в наше время, хотя оно вышло более двадцати лет назад (Лондон, 1965). Сборник составлен из 27 различных по тематике работ, освещающих историю населения в XVI — XVII и особенно в XVIII вв. Почти все они написаны на материалах Англии и Франции (по одной статье отведено демографии Америки, Италии, Скандинавии и Финляндии). Его составители Д. Гласс и Д. Эверсли, очевидно, считая необходимым придать сборнику целостный характер, написали по вступительной главе.

Вступительная глава Д. Гласса была задумана как некоторое подведение итогов изучения истории народонаселения. В ней содержится немало серьезных конкретных наблюдений, но крупных теоретических обобщений нет. «Цель второй вступительной главы,— пишет ее автор Д. Эверсли,— заключается в показе связи, существующей между исследованиями по исторической демографии и некоторыми проблемами, касающимися работы современных специалистов в области экономической и социальной истории». Однако дальше признания факта наличия связи между демографической, экономической и социальной историей Д. Эверсли не продвинулся и поставленная им задача раскрыть место народонаселения в истории экономики и общества осталась нереализованной.

Эмблема Международного года женщин, проведенного в 1975 г. ООН при участии ряда общественных организаций, в том числе Комитета советских женщин

Между тем большинство конкретных работ, помещенных в сборнике, представляет несомненный интерес. Это относится к статье Д. Хаджнала о европейском типе брачности[37], которая вызвала многочисленные отклики в историко-демографической литературе. Вошли в историографию и статья Д. Гласса о населении Англии и Уэльса в XVIII—XIX вв., демографическое исследование британских герцогских фамилий Т. Холлингсворта, работы Л. Анри, П. Губера, Ж. Буржуа-Пиша о французском населении XVI—XVIII вв. и ряд других материалов. В целом же сборник явился еще одним из свидетельств сильных и слабых сторон западной исторической демографии, способной дать исследование конкретного явления, подчас тонко обработать источник и вместе с тем научно несостоятельной в попытках анализа и обобщения историко-демографических процессов, их взаимосвязей с социально экономическим развитием.

Эти стороны по-своему проявились и в историко-демографических исследованиях, связанных с применением так называемого метода восстановления истории семей (ВИС). Еще в начале столетия (1907) немецкий историк О. Роллер указал на значение церковных книг как источ-

---

[37] Перевод этой статьи см.: Брачность, рождаемость, семья за три века/Под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. М., 1979.

ника для изучения народонаселения. Он отмечал, что из них можно непосредственно взять данные о воспроизводстве населения, ежегодном числе рождений, умерших и обвенчанных. О. Роллер предпринял попытку систематизировать сведения, полученные из этих источников, создать на их основе картотеки, отражающие демографическую историю семей. Работы в этом направлении в Германии продолжались и в последующем, но в 30-е годы они были использованы фашистскими расистами и оказались вне науки. Независимо от этого подобные работы велись в ряде других стран. Так, в начале 40-х годов семейные карты по материалам приходских метрических записей стал составлять Х. Хирениус. Но все это до 50-х годов имело характер разрозненных попыток.

Систематическое изучение указанной группы документов развернулось во Франции. Толчок ему дала дискуссия, не имеющая прямого отношения к этим документам. Выше говорилось, что некоторые французские демографы уже отметили двадцатипятилетний «юбилей» исторической демографии. Дата его была определена по публикации статьи историка-экономиста Ж. Мёвре «Продовольственные кризисы и демография Франции при прежнем режиме»*. («Population», 1946). В статье, написанной на материалах одной из французских провинций, устанавливалась взаимосвязь между высокими ценами в начале XVIII в. на зерно и повышенной смертностью, а также уменьшающимся количеством рождений.

Гипотеза «кризисов существования», деятельным сторонником которой выступил ученик Ж. Мёвре — П. Губер, вызвала оживленный спор. «Теперь,— пишет Ж. Дюпакье, подводя его итоги,— никто не отрицает реальности кризисов существования, но отдают отчет в том, что схема не так прямолинейна, какой ее представляли. Не было во Франции XVII—XVIII вв. голода в чистом виде, кризисов смертности без эпидемий; очень часто пик смертности предшествовал повышению цен, а не следовал за ним. Однако гипотеза, предложенная Ж. Мёвре, оказала большую услугу количественной истории, пригласив исследователей обработать целинные залежи документов — католические регистры».

В 1952 г. П. Губер опубликовал статью «Бове**: демографические проблемы XVII в.» (журнал «Annales

*«Прежний режим» — время до 1789 г., в основном XVII—XVIII века.

** Небольшой город между Парижем и Амьеном.

E. S. C.»), в которой указал «на важнейший источник — приходские регистры Бове». Это не прошло незамеченным, и в следующем году сотрудник Института демографических исследований Л. Анри печатает статью «Залежи демографического богатства: приходские регистры» («Population», 1953).

Он же совместно с архивистом М. Флёри предложил методику обработки и использования данных приходских общин на стандартизованных карточках. В 1956 г. выходит справочник Л. Анри и М. Флёри[38], и с этого времени метод ВИС получает широкое распространение[39].

Вот как Ж. Дюпакье характеризует достигнутое: «Желая измерить «естественную» рождаемость прежнего населения, Л. Анри сознавал, что ничего не сможет извлечь из статистических данных XVIII — XIX вв. Зато он располагал «нетронутым богатством» — приходскими регистрами, хранившимися чуть ли не во всех французских деревнях. Он разрабатывает метод анализа данных на регистрационных карточках, который позволил перейти к воссозданию прежних семей[40]. Так как общая численность населения ему не известна (индивиды появлялись лишь при крещении, заключении брака и погребении), он не может определить коэффициент рождаемости. Однако он может измерить временной интервал между браком и рождением первого ребенка, интервал между рождением первого и второго ребенка, проследить возраст матери при последней беременности, рассчитать рождаемость в зависимости от возраста женщин во время заключения брака и т. д. Таким образом, поперечный анализ (основанный на изучении населения по состоянию на данный момент) исследователь заменяет продольным анализом, когда каждое событие изучается в зависимости от предшествующего события. Этот метод полностью обновил наши взгляды на рождаемость даже на современном этапе. В этой области Л. Анри способствовал перенесению демографии как бы из века фотографии в век кинематографа.»

---

[38] В 1965 г. вышла еще одна их совместная работа такого типа.

[39] Изложение метода ВИС в нашей литературе см.: *Палли Х.* Некоторые характеристики развития семьи в странах Западной Европы XVII—XIX веков//Брачность, рождаемость, семья за три века.

[40] Данный метод заключается в систематической выписке данных из актов о крещении, браке и погребении и в их перегруппировке на семейной карточке (примечание Ж. Дюпакье.— *Д. Ш.*).

Применение метода ВИС не только позволило реконструировать историю рождаемости, но и способствовало постановке ряда других историко-демографических вопросов. Особенно обнадеживающим его применение стало казаться после публикации двух исследований. В 1958 г. увидела свет работа Л. Анри и Е. Готье о Крюле. Вскоре наименование этого поселения в Нормандии стало известно всем специалистам в области демографической истории. Не меньший резонанс вызвала и книга П. Губера о Бове. Вместе с его следующей работой «Прежний режим» (1969) она подвела итог многолетним научным наблюдениям ученого,

Исследования населения Крюле и Бове словно открыли последние шлюзы в потоке литературы, посвященной рассмотрению демографической истории французских поселений на основе метода ВИС. Внимание к историко-демографической тематике усилилось и за пределами Франции. Т. Холлингсворт считает, что толчок современному изучению исторической демографии в Англии был дан выходом работы о Крюле. В Кембридже была создана Группа по истории народонаселения и социальной структуры, которая организовала, используя французский опыт, выборочное исследование приходских метрических книг Англии. В 1965 г. вышла книга П. Ласлетта «Мир, который ушел»[41]. Год спустя было осуществлено коллективное издание «Введение в историческую демографию Англии с XVI по XIX столетие». Кроме того, появился ряд работ, главным образом по отдельным аспектам демографической истории допромышленной Англии.

Историко-демографические исследования, осуществленные по методу ВИС, привели к некоторым выводам. Во французской литературе отмечают обычно четыре наиболее существенных из них. Во-первых, изменилось представление о ранних браках в XVII — XVIII вв., о том, что все девушки выходили замуж с ранних лет. Исследования показали, что средний возраст при вступлении в первый брак составлял у женщин 25 лет, у мужчин — 27 лет. Во-вторых, отпало мнение о значительном количестве незаконнорожденных детей; частота внебрачных рождений оказалась в шесть раз ниже, чем в современной Франции. В-третьих, разрушилось представление, что все французские семьи XVII — XVIII вв. были патриархальными и в силу этого многочисленными. Оказалось, что типичной

[41] См.: *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход// Брачность, рождаемость, семья за три века.

была семья почти современного вида. В-четвертых, было сделано важное открытие относительно брачной рождаемости. Вместо ежегодных рождений, которые, считалось, являлись правилом в семьях XVII — XVIII вв., был обнаружен интервал между двумя последовательными рождениями порядка 24—30 месяцев, что существенно изменило представления об интенсивности брачной рождаемости.

Таким образом, применение метода ВИС позволило сделать существенный шаг в конкретном изучении демографической истории. И, что особенно важно, этот шаг был сделан в направлении исследования демографических процессов и структур, репродуктивного поведения и ряда вопросов, которыми до 50-х годов историческая демография почти не занималась. Вместе с тем стало ясно, что применение метода ВИС не может дать рассмотрение всех проблем, связанных с изучением истории воспроизводства населения. Так, в ходе исследования истории населения Франции XVII — XVIII вв. остаются нерешенными по крайней мере четыре вопроса: каким образом население могло возрасти в XVIII в. на 6 млн. человек при отсутствии решающих успехов в экономике (т. е. в сельском хозяйстве)? почему после 1750 г. смертность снизилась? каков механизм приливов населения, наблюдающихся в XVII и XVIII вв.? начало ли применяться повсеместное сознательное ограничение рождаемости до 1789 г.?

Одностороннее увлечение применением метода ВИС неминуемо должно было привести к кризису исследований в этом направлении. Многочисленные работы, основанные на выборке населения отдельных деревень или городов, породили эмпиризм и мелкотемье, своеобразное вращение по замкнутому кругу. Появились и сомнения в репрезентативности результатов, получаемых на основе изучения таких микровыборочных совокупностей. «Как можно быть уверенным, как доказать, что скромная отобранная выборочная совокупность, единственная поддающаяся научному наблюдению, представляет всю генеральную совокупность?» — с тревогой писал в 1973 г. П. Губер, отражая кризис метода, у истоков создания которого он стоял.

Стало реально ощущаться и тормозящее воздействие ограничения исследований только хронологическими пределами «прежнего режима», т. е. XVII—XVIII веками. Постепенно эти пределы стали раздвигаться как в глубь

веков, так и в XIX столетие, что повлекло за собой поиск и привлечение новых источников, а главное — выход тематики из узких рамок приходских монографий. «Исследователи,— пишет Ж. Дюпакье,— начинают осознавать, что историческая демография не может сводиться к приходским монографиям. Не отказываясь от них полностью, ученые стараются лучше их привязать к географической, социальной и исторической тематике, изучая, например, смежные приходы, продлевая восстановление семьи до середины XIX в., особо сопоставляя данные приходских регистров с данными из классических источников социальной истории: податных списков, поименных списков, брачных контрактов, посмертных описей и т. д.»

Метод ВИС, казавшийся вначале чуть ли не универсальным, становится тем, чем он в действительности и является: одним из важных приемов изучения демографической истории ряда европейских стран, дающим возможность раскрыть некоторые существенные стороны исторического течения демографических процессов, но сам по себе не обеспечивающий их глубокий теоретико-методологический анализ в контексте социально-экономической истории. Хотя метод ВИС в силу специфического характера источников, на которых он основывается, имеет ограниченное территориальное и временное применение, разработка его оказала в 50 — 70-е годы значительное влияние на всю западную историческую демографию, стала одним из выражений ее подъема и способствовала консолидации научных усилий в данной области.

Не случайно, что такая консолидация началась во Франции. Именно здесь с конца 50-х годов были организованы историко-демографические исследования в национальном масштабе, которые осуществлялись Институтом демографических исследований, а также рядом других парижских и провинциальных научных учреждений. Работы французских демографов-историков имели не только европейский, но и международный резонанс, шли одновременно с ростом историко-демографических исследований в ряде других стран.

XI Международный конгресс исторических наук, проходивший в 1960 г. в Стокгольме, признал необходимость создания Международной комиссии по исторической демографии. В соответствии с этим в 1963 г. в Льеже был проведен историко-демографический коллоквиум. В том

же году в Париже по инициативе М. Рейнара было образовано Общество исторической демографии, которое в короткое время (его первыми председателями последовательно были М. Рейнар, П. Губер, Л. Анри) получило международное признание. Во второй половине 70-х годов в него входили около четырехсот ученых из тридцати стран.

Эмблема Международного года ребенка, проведенного ООН в 1979 г.

С 1964 г. в Париже стал издаваться ежегодник по исторической демографии, первый номер которого назывался «Этюды к хронике демографической истории», а последующие номера (с 1965 г.) выходят под названием «Анналы демографической истории». Он формируется в основном из статей французских демографов-историков, а также зарубежных авторов [42]. Тематика статей довольно разнообразна. Стремясь упорядочить ее, издатели стали готовить тематические номера (по истории сельского населения, миграций, о методах и технике историко-демографических исследований и т. д.). В каждом номере помещается библиография, учитывающая по несколько сот историко-демографических работ, вышедших в мире за очередной год (в том числе в социалистических странах, включая СССР) [43].

Объединения демографов-историков сложились, помимо Франции, во многих странах. В Англии и США они концентрируются главным образом при университетах. В Италии в начале 70-х годов возник Комитет по изучению исторической демографии, объединяющий 11 региональных групп. Складывание таких исследовательских групп — одна из характерных черт современной деятельности в области демографической истории. Обособленного исследователя, отмечает западногерманский историк А. Имхоф, можно встретить очень редко. Согласно данным, которые он приводит, только в Европе имеется 24 центра и группы, занимающихся исторической демо-

---

[42] В частности, см. две статьи советских ученых: *Бескровный Л. Г., Кабузан В. М., Яцунский В. К.* Итог демографического развития России за 1789—1815 гг. (1965); *Кахк И., Лиги Х., Палли Х., Вахтре С., Пуллат Р.* Историческая демография Эстонии (1972).

[43] Эти библиографические материалы издаются и отдельными выпусками.

графией. Кроме того, он дает перечень 15 таких центров, находящихся вне Европы.

Девять из них ведут деятельность в США, что свидетельствует о значительном интересе современных американских демографов и историков к изучению исторической демографии. Занятия ею здесь имеют свои особенности. Демографическая история США, если ее брать со времени колонизации, относительно коротка, большая роль в ней принадлежит миграции. Это, а также своеобразие источников, во многом отличающихся от европейских, накладывает свой отпечаток на изучение истории населения США. Возможно, в силу этих же причин американские ученые чаще обращаются к демографической истории Европы, нежели своей страны. Вне зависимости от личных побуждений того или иного из них такое обращение диктуется и политическими интересами американского империализма с его необузданной экспансией.

Еще в годы второй мировой войны двое американских ученых, работавших в Швейцарии под эгидой уже фактически не существовавшей Лиги Наций, подготовили первые работы о населении СССР. В 1944 г. в Женеве появилась книга Ф. Нотештейна «Будущее население Европы и Советского Союза». Два года спустя, в 1946 г., здесь же вышла книга Ф. Лоримера «Население Советского Союза: история и перспективы». Столь «кучное» появление американских демографических работ об СССР было не случайно. Авторы этих работ (особенно второй) тщательно изучили опубликованные источники, и хотя никаких прямых политических выводов в их работах не делалось, без сомнения они отвечали вполне определенной задаче — дать научную информацию о населении страны, которая не только разгромила фашизм, но и стала одной из могущественнейших держав мира.

В последующие десятилетия американские демографы продолжили изучение истории народонаселения России и СССР. С 60-х годов систематическая работа в этом направлении ведется, в частности, в Принстонском университете (Нью-Джерси), где имеется Центр (бюро) по изучению населения во главе с крупным американским демографом Э. Коулом[44]. В 1963 г. здесь был принят

---

[44] См.: *Коул Э.* Снижение рождаемости в Европе со времен французской революции до второй мировой войны//Брачность, рождаемость, семья за три века.

план долгосрочных исследований снижения рождаемости в Европе (главным образом в Восточной). Здесь же в середине 70-х годов прошла специальная научная конференция по теме «Русская и советская демография».

Более или менее систематически публикуются работы по исторической демографии СССР, главным образом XIX — XX вв. Так, Д. Хир рассмотрел основные вопросы «демографического перехода» в Российской империи и в СССР; в статье Д. Берента характеризуются причины снижения рождаемости в Восточной Европе и в Советском Союзе[45]. Во время посещения МГУ в конце 70-х годов сотрудница Э. Коула Б. Андэрсон сделала научный доклад, который показал, что изучение демографической истории СССР XIX — XX вв. ведется в США интенсивно, с привлечением всех публикаций источников.

Об этом же свидетельствуют книга Б. Андэрсон «Внутренняя миграция в Европейской России во второй половине XIX века» и особенно коллективная работа Э. Коула, Б. Андэрсон и Э. Харм «Рождаемость в России после XIX века». Авторы отмечают, что они не случайно избрали объектом изучения население России в указанный период. По их мнению, это дает возможность изучить «демографический переход» в уникальных условиях быстрого капиталистического развития страны и последовавших за ним коренных социально-экономических преобразований.

Широкий временной диапазон — от древнего мира до текущего столетия,— несмотря на имеющиеся попытки ограничить историческую демографию «достатистическим периодом» и даже только XVI — XVIII веками, в общем характерен для современных зарубежных историко-демографических исследований. В 50 — 70-е годы в большей или меньшей степени стали изучаться почти все основные периоды демографической истории начиная от первобытного общества.

Исследующая его население палеодемография остается одним из наиболее трудных участков изучения демографического прошлого человечества. Археологические и палеантропологические источники, на которых она в основном базируется, с большим трудом поддаются историко-демографической обработке. Тем не менее работа в этом направлении идет. В частности, в рассматриваемое

---

[45] См.: Journal of Societ History. 1968. Vol. 1. N 3; Population Studies. 1970. Vol. 24. N 1, 2.

время ее активно вели некоторые американские ученые. Так, в 1960 г. В. Хоуэлл опубликовал работу по оценке численности населения по данным археологии и скелетных останков, а Е. Диви попытался рассчитать эту численность для всей ойкумены периода палеолита. Позже появилась работа И. Анджела об основах палеодемографии; общий взгляд на «предысторию демографии» изложил У. Петерсон[46]. Конечно, все это пока только подходы к раскрытию демографической истории первобытного общества, которое требует еще многих усилий.

В известной мере историческая демография начиналась с подсчетов населенности древнего мира. Больше того, вопрос об этом был поставлен еще в XVIII в. Но и после выхода работ К.-Ю. Белоха ряд авторов подвергали сомнению расчеты численности античного населения. В современной литературе свою методику определения этой численности деятельно разрабатывал уже упоминавшийся американский демограф-историк Д. Рассел. Он пытался исчислить количество людей, приходящихся на домохозяйство, численное соотношение жителей городских центров и их периферии, определить населенность городов по размерам их территории, что вызвало оживленные споры среди историков и демографов.

Другие, более масштабные споры возникли вокруг некоторых демографических проблем средневековья, и прежде всего вокруг оценки последствий эпидемии чумы в Европе 1347—1353 гг. («черной смерти»). Развивая концепцию социально-экономического кризиса XIV—XV вв., ряд западных ученых, как это убедительно показал В. В. Самаркин[47], резко преувеличивают значение демографического фактора в общественном развитии. События «черной смерти» трактуются в духе демографического детерминизма, и на этой основе делаются выводы применительно ко всей истории. «Можно проследить,— пишет современный английский демограф П. Кокс,— как различные фазы подъема и падения цивилизации были связаны с демографическими изменениями. Например,

---

[46] См.: *Angel L. J.* The Bases of paleodemography//American journal of Phisical Anthropology. 1969. Vol. 30. No 3; *Petersen W.* A demographers view of prehistoric demography//Current Antropology (Chicago). 1975. Vol. 16. No 2.

[47] См.: *Самаркин В. В.* «Черная смерть» по данным современной зарубежной литературы//Вестник Московского университета. 1976, № 3. Сер. IX; *его же.* Историческая демография западноевропейского средневековья//Вопросы истории. 1977. № 2.

эпидемия XIV в., известная как «черная смерть», значительно сократившая население Англии, тем самым революционизировала экономику страны. Образовавшийся недостаток рабочей силы повлек за собой изменение системы сельского хозяйства и привел к резкому повышению цен. Связанные с этими событиями социальные изменения породили различные политические движения, которые привели к народному восстанию под предводительством Уота Тайлера. Легко можно привести и другие примеры демографического характера. К ним относятся: уменьшение рождаемости в период распада Римской империи; освоение и заселение Нового Света людьми, мигрировавшими из стран Старого Света; переход от греческой демократии (демократии города с его местными проблемами) к демократии современной промышленной страны с ее многочисленным населением»[48]. Эту цитату пришлось привести, чтобы показать ход рассуждений автора, который, начав с утверждения о революционизирующем воздействии на экономику «черной смерти», закончил выведением «демократии современной промышленной страны» также из демографического фактора.

Такое движение из глубокого средневековья или любого другого исторического периода к современности характерно для историко-демографических работ. Погружаясь в дебри, скажем, приходских регистров XVII или XVIII вв., демограф-историк в конечном счете ищет ответ на демографические проблемы современности. И это закономерно. Но нельзя забывать, что действительность современного западного общества, раздираемого внутренними, в том числе и идейными, противоречиями, выступающего как реакционная сила по отношению ко всему прогрессивному, не может дать демографу-историку, как, впрочем, и представителю любой общественной науки, сколько-нибудь надежный методологический компас в его анализе и обобщении полученного материала. Сделав важный шаг к изучению истории рождаемости, брачности и семьи, смертности, ряда других узловых вопросов демографического прошлого, западная историческая демография, несмотря на многие частные достижения, находится в тупике, точнее — в лабиринте антинаучных концепций исторического развития, свойственных современной буржуазной историографии и социологии.

---

[48] *Cox P. R.* Demography. Cambridge, 1950.

Это определяет и двойственность ее современных позиций. С одной стороны, конкретные исследования западных демографов-историков, особенно французских и английских, способствовали росту в 50—70-е годы научного престижа исторической демографии, что, в частности, выразилось в обсуждении ее проблем на XI—XVI Международных конгрессах исторических наук (1960—1985), в создании Международной комиссии по исторической демографии. С другой стороны, выступления западных ученых на тех же конгрессах еще раз продемонстрировали их неспособность теоретически обобщить полученные историко-демографические данные, раскрыть на основе действительно научной методологии процессы развития демографической истории.

3. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Становление современной советской исторической демографии было подготовлено предшествующим развитием марксистско-ленинской историографии и советской демографической науки, взаимосвязи которых стали зарождаться еще в первые десятилетия Советской власти. В демографической литературе этих десятилетий историко-демографические сюжеты поначалу, как правило, не выделялись в самостоятельные исследования, а рассматривались внутри тех или иных работ в аспекте их основной темы. С. А. Новосельский, Г. А. Баткис, С. Г. Струмилин, П. И. Куркин и многие другие ученые 20—30-х годов постоянно анализировали отдельные вопросы демографической истории, правда, почти исключительно конца XIX—начала XX в. Вместе с тем стали появляться и работы историко-демографического типа. Так, в 1927 г. в Киеве вышла книга М. В. Птухи «Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в.» Она представляла собой извлечение из более крупной работы того же автора («Смертность в России и на Украине»), изданной на украинском языке и также построенной на материалах конца XIX в.

Более широкий период — с 1850 до 1930 г.— исследовал Е. З. Волков. В его книге «Динамика народонаселения СССР за 80 лет», вышедшей в 1930 г. под редакцией и с предисловием С. Г. Струмилина, рассмотрено движение населения России (в границах СССР) в пореформен-

ный период и в первую треть XX в., показан недоучет населения в данных Центральной статистической комиссии. Значительное внимание автор уделяет «пертурбационным процессам» 1914—1922 гг., а также исчислению сквозных динамических рядов сельского, городского и всего населения страны за 80 лет.

«Пертурбационные процессы» периода мировой и гражданской войн привлекали внимание исследователей и позже. В 1948 г. А. Я. Боярский опубликовал статью «К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915—1923 гг.»[49] В ней изложены результаты исчислений автором основных демографических показателей, произведенных по данным переписи 1926 г., а также по данным о движении населения, содержащимся в официальных публикациях. Тогда же была напечатана работа Б. Ц. Урланиса, который проследил динамику населения России накануне Октября[50].

В 1950 г. появились первые статьи А. Г. Рашина по демографической истории России XIX — начала XX в.[51], а шесть лет спустя (1956) вышла под редакцией С. Г. Струмилина его монография «Население России за 100 лет (1811—1913 гг.)». В ней впервые значительный период отечественной истории был подвергнут разработке в нескольких историко-демографических аспектах. Во-первых, А. Г. Рашин представил картину динамики общей численности населения и сдвигов в его территориальном размещении и плотности. Во-вторых, раскрыл динамику численности и процессы формирования городского населения. В-третьих, с особым вниманием проследил изменения рождаемости, смертности и прироста населения за 1861—1913 гг. В-четвертых, рассмотрел демографическую и образовательную структуры населения страны, а также охарактеризовал социальный и профессиональный состав жителей крупных городов.

Документальную основу исследования А. Г. Рашина составили материалы правительственной, земской и городской статистики. Критически проанализировав их, он показал преувеличение расчетов ЦСК о численности населения России после переписи 1897 г. и преуменьшение

---

[49] См.: Ученые записки МЭСИ. 1948. Т. I//*Боярский А. Я.* Население и методы его изучения. М., 1975.

[50] См.: *Урланис Б. Ц.* Динамика населения России накануне Октября//Ученые записки кафедр ВЗЭИ. М., 1957. Вып. 2.

[51] См.: Исторические записки. М., 1950. Т. 34; Вопросы географии. М., 1950. Сб. 20.

духовенством данных о смертности населения в первой половине XIX в.

Как отметил в предисловии к книге С. Г. Струмилин, одно из основных достоинств ее заключалось в том, что автор уделил большое внимание анализу зависимости демографических явлений (особенно смертности) от социальных и отчасти культурных условий жизни. Монография А. Г. Рашина[52] подвела итог тому, что было сделано к середине 50-х годов в области изучения демографической истории страны, и вместе с тем стала предвестником подъема в изучении этой проблематики.

Наряду с изучением истории населения России первые шаги были сделаны в разработке зарубежной историко-демографической тематики. В этой связи следует назвать книгу П. И. Куркина о смертности и рождаемкости населения капиталистических стран Европы (М., 1938), построенную в основном на историко-демографических данных XIX — начала XX в. Одновременно с ней увидела свет книга Б. Ц. Урланиса «История американских цензов». Она до сих пор сохранила значение уникальной работы по истории демографической статистики США.

Книга Б. Ц. Урланиса «Рост населения в Европе. (Опыт исчисления)» (М., 1941) явилась первым марксистско-ленинским исследованием европейской демографической истории, взятой в большом хронологическом отрезке: с XI в. до 1940 г. Поставив задачу раскрыть динамику численности населения в эти столетия, Б. Ц. Урланис привлек многие статистические, экономические и исторические материалы, разработал методику их анализа, а также методику производимых на их основе исчислений.

Главное достоинство этой книги заключается в том, что в ней впервые изучение темпов роста населения проводится в связи со сменой общественных формаций. Конечно, вопросы зависимости развития демографических процессов от изменений способа производства, смены социально-экономических формаций были поставлены значительно раньше — об этом писали, например, С. Г. Струмилин, Ю. А. Корчак-Чепурковский и др. В 30-е годы учение о социально-экономических формациях прочно утвердилось в советской исторической науке.

---

[52] См. также: *Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России. 2-е изд. М., 1958 (1-е изд.— 1940).

Но именно Б. Ц. Урланис применил это учение к демографической истории, сделал глубоко обоснованную попытку установить связь между темпами роста населения, с одной стороны, и характером общественной формации — с другой.

Книга Б. Ц. Урланиса вызвала отклик, и прежде всего у историков. Ю. А. Корхов поддержал ее основные концептуальные установки; не вызвали они возражений и у М. А. Барга, который, однако, высказал «опасения в некоторой и почти неизбежной схематизации всей картины»[53], имея в виду схематичность данных о населении, определяемую состоянием источников. В своей работе Барг попытался дать оценку роста населения Англии XI — XIII вв., отличную от оценки Б. Ц. Урланиса.

Из других работ по зарубежной историко-демографической тематике нужно упомянуть о расчетах мирового населения Ф. Д. Маркузона, а также о книге В. С. Козлова «Естественное движение населения капиталистических стран Европы» (М., 1959). В. С. Козлов последовательно рассматривает изменения в рождаемости, смертности и приросте населения в рамках трех периодов: от последней четверти XIX в. до 1914 г., в межвоенные и послевоенные годы. Особое внимание он уделяет влиянию на население двух мировых войн. Проблема войн и населения стала в тот период предметом серьезных исследований. Начало им положила книга Л. С. Каминского и С. А. Новосельского «Потери в прошлых войнах» (М., 1947), в которой были рассмотрены данные с середины XVIII в. до первой мировой войны. Ее демографическому значению посвятила свое исследование А. С. Семенова[54]. Наконец, вышла книга Б. Ц. Урланиса «Войны и народонаселение Европы» (М., 1960), в которой на большом материале показаны людские потери вооруженных сил в войнах XVII — XX вв.[55]

Таким образом, к исходу 50-х годов советская демографическая наука накопила первый опыт исследования проблем отечественной и зарубежной демографической

---

[53] *Барг М. А.* К вопросу о росте населения Англии XI—XIII вв.// Вопросы истории. 1947. № 11. С. 87; *Корхов Ю. А.* Опыт исчисления роста населения в Европе//Там же. 1946. № 8—9.

[54] См.: *Семенова А. С.* Демографические потери в первой мировой войне//Ученые записки МЭСИ. 1955. Т. IV.

[55] Чтобы не возвращаться к этой теме, отметим изданную позже книгу: *Авербух М. С.* Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970.

истории. Не стояли в стороне от этого и советские историки. Те или иные стороны истории населения страны получили еще в 30—40-х годах освещение в трудах Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, П. П. Смирнова, С. Б. Веселовского, Б. А. Рыбакова, В. И. Шункова и целого ряда других ученых, в том числе работающих в области зарубежной истории. В 50-х годах начинают появляться специальные работы по истории народонаселения [56].

Однако потребности дальнейшего развития науки не удовлетворялись тем состоянием изучения истории народонаселения, которое сложилось к этому времени. Они властно выдвигали задачу коренного поворота в разработке данной области знаний, привлечения к ней научного внимания и исследовательских сил. Эту тенденцию развития науки одним из первых правильно подметил В. К. Яцунский, который в конце 50-х годов поставил вопрос о ликвидации «отставания в области исторической демографии» [57].

Особо следует подчеркнуть, что выступление ряда ученых за развитие исторической демографии отразило не только тенденцию движения исторической науки, но и более широкую общественную потребность в изучении народонаселения. Поэтому оно практически совпадало с постепенно начинавшейся активизацией советской демографической науки, с ее вступлением в новый, современный период развития. Таким образом, развертывание советской исторической демографии обеспечивалось не только со стороны исторической науки, но и демографической, которая по мере своего подъема все более активно обращалась к историко-демографической тематике.

Характеризуя 20—50-е годы как начальный период изучения истории народонаселения, когда взаимодействие исторической и демографической наук еще только зарождалось, а советская историческая демография делала свои первые шаги, можно выделить рубеж 50—60-х

---

[56] См.: *Баранович А. И.* Население предстепной Украины в XVI в.//Исторические записки. М., 1950. Т. 32; *Копанев А. И.* Население Петербурга в первой половине XIX в. М., Л., 1957; *Белецкая В. А.* Изменения численности и состава населения России в первой половине XIX в. по окладным книгам ревизий//Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1957. Т. 10; *Копанев А. И.* Население Русского государства в XVI в.// Исторические записки. М., 1959. Т. 64.

[57] История СССР. 1959. № 3. С. 26.

годов как время начала второго, современного периода в развитии марксистско-ленинских исследований историко-демографической проблематики. Он существенно отличается от первого не только резким увеличением количества исследований и расширением их тематики, но и все более укрепляющимся взаимодействием истории и демографии на базе марксистско-ленинской методологии, совместного диалектико-материалистического изучения демографической истории.

Внутри этого большого периода можно наметить три этапа. Первый из них приходится на время с конца 50-х — начала 60-х годов до второй половины 60-х годов. Это годы начавшегося становления современной советской исторической демографии, когда исследования в ее области велись в основном историками. Следующий этап охватывает вторую половину 60-х — первую половину 70-х годов. В исследования начинают включаться демографы, крепнет взаимодействие истории и демографии, а становление современной советской исторической демографии приобретает все более определенный характер, одним из наглядных выражений чего явилось проведение первого Всесоюзного семинара по этой научной дисциплине (1974). Третий этап начинается примерно с середины 70-х годов и продолжается до наших дней. Он характеризуется нарастанием и углублением историко-демографических исследований, постепенно развивающимся взаимодействием истории и демографии. Разумеется, такая схема движения историко-демографических знаний условна. Но вместе с тем она помогает лучше осмыслить развитие научных знаний в данной области.

Переходя к общей оценке содержания намеченных этапов, нужно прежде всего отметить, что В. К. Яцунский не ограничился общим указанием на необходимость изучения истории народонаселения, а сам вместе со своими учениками активно занялся разработкой данной проблематики. Он выполнил ряд конкретных исследований[58] и вместе с тем сориентировал своих учеников на изучение в архивах материалов ревизий XVIII — первой половины XIX в., результатом чего явилась публикация ряда работ. Так, Н. М. Шепуковой были изучены динамика численности помещичьих крестьян в сравнении со всем населени-

---

[58] См. например: *Яцунский В. К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг.//История СССР. 1957. № 1.

ем Европейской России и изменения в их размещении в XVIII — первой половине XIX в.[59] Глубокий анализ ревизий как исторического источника был дан в книге В. М. Кабузана «Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в.» (М., 1963). Она открывается историографическим очерком данной темы. Затем дается характеристика ревизского, церковного и административно-полицейского учетов населения, а также их разновидностей. Проведя датировку ревизий и определение их полноты и точности, Кабузан стремится установить наиболее достоверную и полную численную динамику населения страны. В книге затрагиваются вопросы расселения населения, получившие освещение в более позднем исследовании автора[60].

Наряду с этими работами, посвященными истории населения Европейской России, публикуются статьи и книги по другим регионам страны. Особенно заметное место начинает занимать тематика восточных районов, прежде всего Сибири, которая и раньше привлекала внимание исследователей[61]. В условиях активного освоения этих районов, широкого развертывания научной деятельности историко-демографическое изучение их приобретает все более систематический характер. В первой половине 60-х годов выходят работы З. П. Бояршиновой, В. А. Александрова, М. М. Громыко, В. М. Кабузана, С. М. Троицкого[62] и ряда других авторов, которые открыли серию работ по истории населения восточных районов страны.

Еще более примечателен развернувшийся с начала 60-х годов рост литературы по истории населения союзных и автономных республик. Хотя эти работы в основном ограничивались характеристикой динамики численности народов, они дали толчок к последующему изуче-

---

[59] См.: *Шепукова Н. М.* Изменение удельного веса помещичьих крестьян в составе населения Европейской России в XVIII — первой половине XIX в.//Вопросы истории. 1959. № 12. См. также: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1964.

[60] См.: *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971.

[61] См.: *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951.

[62] См.: *Бояршинова З. П.* Население Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960; *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Движение населения Сибири в XVIII в.//Сибирь в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М., 1964; *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965; и др.

нию демографических процессов, а нередко и сами рассматривали их[63].

Обращение демографов примерно с середины 60-х годов к историко-демографической тематике началось также с региональных исследований. Например, Т. С. Баталина исследовала возрастно-половой состав жителей Петербурга — Ленинграда, а Е. О. Кабо — движение пореформенного населения Петербурга; Р. И. Сифман, тщательно обработав материалы проведенного еще в 1947 г. обследования в Закавказье, опубликовала историко-демографическое исследование о рождаемости в селах этого региона с начала века до 40-х годов; был выполнен и ряд других работ на региональные темы[64]. Наряду с ними в конце 60-х годов появились обобщающие историко-демографические очерки. Б. Ц. Урланис проанализировал динамику населения СССР за полувековой период; такую же работу на материалах РСФСР осуществил А. Я. Кваша; закономерности воспроизводства населения Москвы были исследованы Л. Л. Козловой,

---

[63] См.: *Сидоров П. А.* Численность, состав и динамика населения Чувашии с конца XVIII в.//Ученые записки НИИ при СМ ЧАССР. 1962—1966. Вып. 21, 23, 31; *Гарданов В. К.* О расселении и численности адыгейских народов в первой половине XIX в.//Советская этнография. 1963. № 4; *Машанова Л. В.* Некоторые сведения о демографии селенгинских бурят первой половины XIX в.//Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ, 1965. Вып. 4; *Плоских В. М.* Динамика численности населения Киргизии за 100 лет//Изв. АН КиргССР. 1966. № 1; *Караханов М. К.* Население Средней Азии за 100 лет//Изв. Узб. географич. об-ва. Ташкент, 1967. Т. 10; *Атабаев Б.* Рост населения Туркменской ССР за годы Советской власти//Ученые записки Туркменского ун-та. 1969. Вып. 52; *Алиакберова Н. М.* Народонаселение дореволюционного Узбекистана//Научные труды Ташкентского ун-та. 1971. Вып. 400; и др. В последующие годы по этой тематике вышел ряд книг. См., например: *Алексеенко Н. В.* Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981; *Мулляджанов И. Р.* Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент, 1983; *Алиева В. Ф.* Народонаселение Дагестана. Махачкала, 1984; *Исламов С. И.* Демография Таджикистана. Душанбе, 1985; и др.

[64] См.: *Хоцянов Л. К.* Опыт изучения демографических сдвигов в сельском населении Московской и Рязанской областей за истекшее столетие (1851—1960 гг.). М., 1963; *Баталина Т. С.* Динамика возрастно-полового состава населения Петербурга — Ленинграда//Доклады по географии населения. Л., 1966. Вып. 5; *Кабо Е. О.* К вопросу о естественном движении населения в пореформенной Москве// Ученые записки по статистике. М., 1966. Т. 10; *Сифман Р. И.* Рождаемость в селах Закавказья с начала XX в. до Великой Отечественной войны//Там же.

а позже и за более длительное время — И. В. Дзарасовой[65].

Постепенно историко-демографические исследования расширялись, рассматриваемые ими вопросы утверждались в круге тематики как исторической, так и демографической науки. Примечательно, что если в первом издании «Курса демографии» (1967) историко-демографические проблемы не были специально выделены, то во втором издании (1974) появилась глава «Демографическая история» (автор А. Г. Вишневский). В ней на конкретном материале была раскрыта историческая эволюция смертности, брачности и рождаемости, а также изложена краткая история миграции населения.

Крупным обобщением изучения отечественной демографической истории стала изданная в 1973 г. книга Я. Е. Водарского «Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.)», построенная на раскрытии трех основных проблем: взаимосвязь территории и населения, его социальный состав и размещение. Эти проблемы последовательно рассматриваются применительно к населению России XVI — начала XVIII в., Российской империи (до 1861 г.) и капиталистической России. Основанная на научных изысканиях книга содержит богатые материалы и особенно ценна тем, что излагает вопросы, связанные с раскрытием динамики численности населения России.

Хронологические рамки книги отразили тот временной диапазон, в котором развернулось изучение демографической истории. В основном оно сосредоточилось на исследовании ряда вопросов дореволюционной истории, почти не затрагивая проблемы народонаселения эпохи социализма.

Этот серьезный недостаток историко-демографических исследований был раскрыт в опубликованной в 1974 г. статье В. З. Дробижева и Ю. А. Полякова «Народонаселение СССР и история советского общества»[66]. В историографии современной советской исторической демографии эта статья занимает особое место. В. З. Дроби-

---

[65] См.: *Урланис Б. Ц.* Динамика населения СССР за 50 лет// Население и народное благосостояние. М., 1968; *Кваша А. Я.* Динамика численности населения РСФСР за 50 лет//Здравоохранение Российской Федерации. 1967. № 12; *Козлова Л. Л.* Закономерности естественного движения населения Москвы за 50 лет Советской власти//К 50-летию советской статистики. М., 1969; *Дзарасова И. В.* История воспроизводства населения столицы//О населении Москвы. М., 1980.

[66] См.: Вопросы истории. 1974. № 4.

жев и Ю. А. Поляков впервые с исчерпывающей глубиной показали первостепенную важность обращения к изучению народонаселения советской эпохи. Они не только поставили эту проблему, но и выявили ее конкретные грани[67], указали основные направления исследований, а также охарактеризовали наиболее важные источники. Их статья имеет принципиальное методологическое значение, так как раскрывает проблему взаимодействия истории и демографии на материалах самого актуального исторического периода. Говоря о необходимости совместных усилий исторической и демографической наук в изучении истории советского общества, В. З. Дробижев и Ю. А. Поляков отмечают: «Изучение демографических проблем, максимальное включение демографического материала в арсенал исторической науки обогащает его, расширяет фронт исторических исследований, помогает более глубокому и основательному решению ряда коренных задач, стоящих перед советскими историками. В свою очередь, творческий контакт историков и демографов способствует успешному изучению собственно демографической проблематики, столь важной для практики коммунистического строительства»[68].

Определенную роль в налаживании таких контактов играют всесоюзные семинары по исторической демографии, практика проведения которых возникла с середины 70-х годов: к этому времени начальные этапы становления современных историко-демографических исследований были пройдены, появилась потребность осознать, закрепить и развить достигнутое. Инициатива созыва первого семинара принадлежала эстонским ученым. Еще в конце 60-х годов при Институте истории АН ЭССР была образована проблемная комиссия по исторической демографии (Р. Н. Пуллат, Ю. Ю. Кахк, Х. Э. Палли, С. Х. Вахтре), которая осуществила подготовку и выпуск библиографии[69], провела ряд других работ, установила контакты с учеными научных центров страны.

На этой основе в ноябре 1974 г., являвшимся Всемирным годом народонаселения, в Таллине состоялся первый

---

[67] См. также: *Поляков Ю. А.* Изменение социальной структуры в СССР. М., 1973; *Дробижев В. З.* Движение населения в СССР и социальный прогресс. М., 1974.

[68] Вопросы истории. 1974. № 4. С. 38.

[69] См.: Библиография по исторической демографии Эстонии. Таллин, 1969. Книга издана на эстонском языке, но с подробными резюме на русском.

Всесоюзный семинар по исторической демографии[70], в котором участвовали историки и демографы Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Риги, Тарту и Таллина. Семинар продемонстрировал растущее изучение исторической демографии, а главное — показал, что историко-демографические исследования утвердились и получили признание как исторической, так и демографической науки, которые все более испытывают в них потребность. Хотя вокруг общих теоретических вопросов исторической демографии, по которым выступили историк Р. Н. Пуллат и демографы Г. Е. Ананьева и А. П. Судоплатов, возникла дискуссия, мнение участников семинара относительно дальнейшего развития историко-демографических исследований совместными усилиями исторической и демографической наук было единым.

Второй семинар состоялся в 1977 г. в Риге[71], третий — в 1979 г. в Омске, четвертый — в 1983 г. в Кишиневе, пятый — в 1985 г. во Львове. Значение этих семинаров трудно преувеличить. Они подвели итог современной марксистско-ленинской разработки данной области знаний и вместе с тем стали одним из важных факторов, содействующих ее дальнейшему развитию. Благодаря им расширились непосредственные научные контакты историков и демографов, взаимодействие демографической и исторической наук получило новую реальную основу в консолидации усилий по изучению историко-демографической тематики.

Историографическое значение семинаров тем более велико, что по результатам работы каждого из них изданы сборники научных статей: «Проблемы исторической демографии СССР» (Таллин, 1977), «Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI — XX вв.)» (Таллин, 1979), «Проблемы исторической демографии СССР» (Томск, 1980), «Проблемы демографической истории СССР» (Кишинев, 1985)[72]. В общей сложности в них опубликовано свыше 100 статей. В совокупности это весомый вклад в марксистско-ленинскую историческую де-

---

[70] См.: Первый Всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы. Таллин, 1974.

[71] См.: Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы докладов. Рига, 1977.

[72] Далее отсылки на сборники обозначаются римскими цифрами в скобках, соответственно приведенному выше перечислению: (I), (II), (III), (IV). Материалы V семинара пока не изданы.

мографию. И не только вклад, но и своеобразное историографическое зеркало, которое отразило современное развитие изучения историко-демографической тематики. Не останавливаясь на теоретических, источниковедческих и историографических статьях, о которых говорилось отдельно, охарактеризуем кратко основную проблематику сборников.

Третья часть статей этих сборников посвящена истории советского общества. Этого, конечно, недостаточно, но нельзя не отметить, что от сборника к сборнику количество материалов по советской тематике растет. Некоторые из них представляют большой научный интерес. К их числу относится, например, статья И. Л. Корнаковского и В. Е. Полетаева (II), авторы которой на материалах социологических обследований 1936 и 1972 гг. глубоко анализируют социально-демографическую структуру советской рабочей молодежи. Историко-демографические аспекты урбанизации Сибири в период строительства социализма раскрыты в статье А. С. Московского, В. И. Исаева, А. А. Николаева (III). Восточная часть этого региона в центре внимания статьи И. И. Кузнецова (III), на обширном материале характеризующей изменение численности и состава населения в 1941—1945 гг. Отметим две статьи по Прибалтике. Процесс старения населения ЭССР рассмотрел в историко-демографическом плане У. И. Мересте (I). В статье П. П. Звидриньша (II) показан ряд особенностей демографического перехода к современному типу воспроизводства населения в Латвии.

Последний сборник (IV) полностью посвящен тематике эпохи социализма. Здесь на конкретном материале рассматриваются вопросы взаимосвязей социального и демографического развития (статьи Е. П. Шаталиной, Ю. А. Курносова, А. П. Пономарева), этнодемографические процессы (Г. И. Касперович), проблемы брака и семьи (Е. М. Загородная), демографические аспекты миграции населения (Н. И. Платунов, О. М. Вербицкая).

Тематика статей, посвященных советскому периоду, таким образом, довольно разнообразна. Она, разумеется, далеко не исчерпывает даже части того обширного круга вопросов, которые еще предстоит исследовать. Но вместе с тем опубликованные статьи свидетельствуют о богатстве неиспользованных источников материалов и широких возможностях в изучении самого актуального периода в демографической истории нашей страны.

Переходя к рассмотрению статей сборников по периодам феодализма и капитализма, отметим ослабление интереса к исследованию проблем народонаселения второй половины XIX — начала XX в. В первом сборнике этот период вообще не упоминается, в двух последующих он рассматривается, как правило, только в обзорных статьях, охватывающих несколько столетий, в том числе и XIX — начало XX в. Анализ литературы за пределами сборников показывает, что указанный недостаток не является только их особенностью, они беспристрастно сфотографировали реальное положение — проблематика народонаселения периода капитализма изучается в настоящее время очень слабо. Известно, что в 20 — 30-е годы ей уделялось определенное внимание. «Открытие» в 50 — 60-е годы демографических источников российской истории XVII — первой половины XIX в., очевидно, сыграло свою роль в«однобоком» развитии исследований. Ясно, что значение изучения демографических процессов второй половины XIX — начала XX в. несомненно, не говоря уже о том, что неизученность их образует провал в единой картине демографической истории и превращает в самоцель исследование ее предшествующих периодов.

Основная масса статей сборников чаще всего освещает период феодализма, а если говорить точнее — период XVII — первой половины XIX в. И здесь сборники не являются исключением: тематика большей части современных историко-демографических исследований находится именно в этих хронологических пределах. Обращаясь к статьям сборников, отметим богатую палитру рассматриваемых в них вопросов, свидетельствующую, что изучение указанного периода ведется действительно широким фронтом. Но есть у этого изучения и своя особенность: оно осуществляется чаще всего на местных материалах. В сборниках только две обобщающие статьи — Я. Е. Водарского, В. М. Кабузана о населении городов в XVI — начале XIX в. (II) и этих же авторов совместно с Л. Г. Бескровным о миграциях в XVII — начале XX в. (III). Остальные статьи ограничены тематически и территориально. Тем не менее многие из них раскрывают важные проблемы. Так, исследование А. Л. Перковским (I) материалов Румянцевской описи и церковной статистики позволило ему установить людность украинского двора и величину семей во второй половине XVIII в.[73] Ю. Ю. Кахк и Х. Э. Уйбу (I) дали важную

характеристику социальной структуры семьи и мобильности крестьянства Эстонии во второй четверти XIX в. А. П. Афанасьев (III) попытался реконструировать картину движения населения бассейна Мезени в XVI—XVII вв. Так, от статьи к статье, а за пределами сборников — от работы к работе накапливаются материалы к реконструкции демографической истории позднего феодализма.

В последнем из рассматриваемых сборников помещена статья А. П. Окладникова (III) о миграционных процессах в Северной Азии (Сибири) в эпоху палеолита. Эта публикация еще раз подчеркнула единство всего процесса демографической истории с древнейших времен до наших дней, искусственность попыток выведения палеодемографии за рамки исторической демографии.

Публикация этой статьи тем более своевременна, что в последние годы среди советских археологов и палеантропологов[74] возобновился интерес к проблемам демографии древнего населения[75]. Есть все основания полагать, что он будет расти и расширяться, так как демографические наблюдения значительно обогащают изучение далекого прошлого. Но вместе с тем палеодемография имеет огромное значение и для изучения демографической истории. Вот почему сейчас, когда исследования в области палеодемографии впервые начинают приобретать систематический характер, важно сразу увязать их со всем ходом современного развития советской исторической демографии, наладить взаимодействие наук, которое успешно осуществляется при изучении многих проблем демографической истории.

---

[73] См. также: *Перковский А. Л.* Воспроизводство населения на Левобережной Украине в конце XVIII в.//Материалы XV симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976. Вып. 1; *его же.* Об изучении смертности и продолжительности жизни в России в XVIII в. (III).

[74] См.: *Петров Г. И.* О методике определения продолжительности жизни ископаемого человека//Вестник рентгенологии и радиологии. 1939. Т. 23. Вып. 3.

[75] См.: *Козинцев А. Г.* Демография тагарских могильников//Советская этнография. 1971. № 6; *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР//Советская археология. 1972. № 1; *Круц С. И.* Население территории Украины эпохи меди-бронзы. Киев, 1972; *Кузьмина Е. Е.* О некоторых вопросах андроновской демографии//Известия СО АН СССР. 1974. № 6. Сер. общ. наук. Вып. 2; *Алексеев В. П.* Историческая антропология. М., 1979; *Яблонский Л. Т.* К палеодемографии населения средневекового города Сарай Бату//Советская этнография. 1980. № 1.

Одной из характерных черт рассматриваемых сборников является значительное внимание к этнографическим проблемам демографической истории. В статьях С. И. Брука, В. И. Козлова (I) (II) подняты важные общие вопросы этой проблематики; ее конкретные аспекты рассматривают В. С. Зеленчук (I), В. П. Кривоногов, В. И. Васильев (III) и др. Вся эта группа работ — одно из свидетельств развития этнодемографии[76].

Заканчивая характеристику сборников, нужно отметить, что авторами опубликованных в них статей являются не только историки, но и демографы (и в этом особая важность сборников, способствующих взаимосвязям истории и демографии). Правда, ряд проблем демографической истории не получил в них достаточного освещения. Прежде всего это относится к глубокому изучению процессов воспроизводства населения и непосредственно связанных с ним проблем.

Серьезную заявку на раскрытие этих вопросов сделали авторы сборника «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР», вышедшего под редакцией А. Г. Вишневского в 1977 г. Он открывается тремя статьями, посвященными изучению демографической истории советского общества. Б. Ц. Урланис обобщил и проанализировал обширный материал, характеризующий динамику рождаемости на всем протяжении истории Советской страны. Такую же работу применительно к изучению снижения смертности проделали Р. М. Дмитриева и Е. М. Андреев. Эти две статьи впервые дали наиболее полную характеристику истории основных демографических процессов за длительное время с 20-х до 70-х годов включительно, что имеет важное значение для изучения воспроизводства населения в СССР. С последним тесно связано и исследование И. П. Ильиной о влиянии войн на брачность советских женщин.

Остальные статьи сборника написаны по дореволюционной тематике. При этом характерно, что только в одной статье (о воспроизводстве населения Эстонии в XVII — XIX вв.) хронологические рамки исследования отодвинуты в глубь столетий, все другие работы рассматривают проблемы XIX — начала XX в. Кроме того, они в основном базируются на общероссийских материалах.

---

[76] См.: *Козлов В. И.* Этническая демография. М., 1977.

Такой хронологический и тематический подход закономерен. Авторами сборника являются главным образом демографы, хорошо знающие практику современных демографических исследований и ее историко-демографические запросы. Исходя из этих запросов, авторы и определили тематику своих работ, хронологически максимально приблизив ее к рубежам современной истории. Не называя все статьи, укажем на актуальность исследования А. Г. Вишневским ранних этапов становления нового типа рождаемости в России. Интересные данные приводит и М. С. Тольц, рассмотревший брачность в конце XIX — начале XX в. Статья Б. Н. Миронова представляет собой еще редкий в нашей литературе тип исследования — в ней характеризуется традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. Крестьянство в центре внимания статьи А. Л. Перковского, в которой прослеживается нарастание кризиса демографического воспроизводства крепостного населения в десятилетия, предшествовавшие 1861 году. Всем своим содержанием (включая и статьи по советскому периоду) сборник ориентирует на исследование актуальных проблем отечественной демографической истории, и в этом заключается его важное историографическое значение.

Разумеется, изучение этих проблем ведется и за пределами охарактеризованных изданий. Количество статейных материалов по историко-демографической тематике стало за последнее десятилетие настолько значительно, что в настоящее время назрела необходимость в библиографическом указателе по данной тематике. Не имея возможности рассмотреть эти статьи, укажем, что в основном их проблемная и тематическая характеристика исчерпываются тем, что выше было сказано в связи с пятью наиболее крупными современными историко-демографическими сборниками.

Но один момент все же следует отметить — в последние годы историко-демографическая тематика начинает выходить на страницы центральных исторических журналов, что является свидетельством зрелости осуществляемых в данной области исследований, а также выражением ее признания как одной из основных проблем науки. Из публикаций журнала «Вопросы истории» последних лет особо следует отметить материалы о численности и национальном составе населения России в 1917 г., демографическом развитии нашей страны в первые годы

Советской власти[77]. Можно отметить также ряд других журнальных статей[78].

Но как ни примечателен рост статейных материалов, все же рассматриваемый этап современной советской исторической демографии, возможно, войдет в ее историографию как время начавшегося монографического изучения отечественной истории народонаселения. Действительно, если до середины 70-х годов книжные издания по этой тематике почти отсутствовали, то теперь вышло более десятка книг и выпуск их продолжается.

Так, недавно увидели свет два коллективных труда: один из них подготовлен в ЦН МГУ (Особенности демографического развития в СССР. М., 1982), другой — демографами НИИ ЦСУ СССР (Воспроизводство населения СССР. М., 1983). Они впервые дали общий очерк демографической истории эпохи социализма.

Что касается книг историков, обращающихся к историко-демографической проблематике, то они в основном имеют региональный характер. Исключение среди них — монография Я. Е. Водарского «Население России в конце XVII — начале XVIII века», появившаяся в 1977 г. Подзаголовок книги: численность, сословно-классовый состав, размещение — определяет три основные линии исследования. Они реализуются через анализ достоверности данных источников, характеристику класса феодалов (дворянство, духовенство, бюрократия), а также феодально-зависимого населения. Заключительная глава как бы сводит все основные линии исследования Я. Е. Водарского. Ученый впервые с исчерпывающей доказательностью установил, что население России во время правления Петра I не только не сократилось, как было принято считать раньше, но последовательно возрастало. Как показал Я. Е. Водарский, в первой четверти XVIII в. шел массовый отлив населения из Нечерноземья в Черноземный центр и Среднее Поволжье. Районами заселения и массового прироста населения в тот период были Черноземный центр, северо- и юго-восток европейской части России, Слободская Украина, Сибирь.

Миграция населения в Сибирь в первой четверти XVIII в., о которой пишет Я. Е. Водарский, является

---

[77] См.: Вопросы истории. 1980. № 6; 1986. № 4.

[78] См.: *Дробижев В. З.* Организация учета естественного движения населения СССР в 1917—1926 гг.//Вестник Московского ун-та. История. 1978. № 3; *Пронин В. И.* Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.)//История СССР. 1981. № 4 и др.

исходным пунктом исследования А. Д. Колесникова «Русское население Западной Сибири в XVIII—начале XIX в.» (Омск, 1973). В этой книге последовательно прослеживаются основные этапы формирования русского населения региона, источники и темпы его роста. «Несмотря на высокую смертность,— указывает А. Д. Колесников,— естественный прирост населения изучаемого района в XVIII — первой половине XIX в. оставался достаточно высоким, значительно выше, чем в целом по стране. Более высокий естественный прирост, приток ссыльных и переселенцев обеспечили, что темп роста населения Сибири был значительно выше, чем в целом по стране». Книга А. Д. Колесникова — приметное явление в историографии истории населения Сибири, которая начала развиваться еще в предшествующие десятилетия и пополняется новыми изданиями[79].

Заселению Дальнего Востока посвящено исследование В. М. Кабузана. Он же опубликовал работу о заселении Новороссии, а также о народонаселении Бессарабии и Приднестровья[80]. Этнические и социально-демографические процессы в этом регионе исследовал В. С. Зеленчук — автор монографии «Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в.» (Кишинев, 1979). Из работ по союзным республикам назовем книгу Н. Е. Бекмахановой «Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в.)» (1980).

Этот же хронологический период освещен в серии исследований 50 — 80-х годов Е. И. Дружининой, давших глубокую характеристику населения Южной Украины. Опубликован статистико-демографический очерк развития населения ее западных районов в XIX — XX вв.[81]

Кроме того, вышли две монографии, посвященные истории населения Эстонии. Первая из них — книга Р. Н. Пуллата «Городское население Эстонии с конца

---

[79] См.: *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972; *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975; *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.

[80] См.: *Кабузан В. М.* Как заселялся Дальний Восток. 1-е изд. Хабаровск, 1971. 2-е изд. (1976); *его же.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья в конце XVII — первой половины XIX в. Кишинев, 1974; *его же.* Заселение Новороссии (1719—1858 гг.). М., 1976.

[81] См.: *Копчак В. П.* и *С. И.* Население Закарпатья за 100 лет. 1870—1970. Львов, 1973.

XVIII в. до 1940 г.» (Таллин, 1976) дает глубокий историко-демографический анализ развития городских поселений в этом районе Прибалтики. Раскрыв в первой главе общую картину формирования городского населения в конце XVIII — начале XIX в., Р. Н. Пуллат в последующих двух главах исследует динамику и численность, естественное и миграционное движение, демографическую, национальную и социальную структуру населения буржуазной Эстонии. Важно, что автор в данной и предшествующей своей работе[82] затрагивает проблемы демографической политики, стремится раскрыть взаимосвязь социально-экономических и демографических процессов.

Другая монография — книга Х. Э. Палли «Естественное движение сельского населения Эстонии (1650 — 1799 гг.)» (Таллин, 1980) представляет собой необычное историографическое явление. Автор ее — глубокий знаток и, судя по книге, убежденный сторонник применения метода ВИС. Воспользовавшись тем, что Эстония — один из немногих районов страны, в котором имеются приходские метрические книги XVII — XVIII вв., Х. Э. Палли обработал эти источники, творчески применив метод ВИС. На этой основе он прослеживает по ряду приходов изменения в процессах демографического воспроизводства и связанных с ними явлениях, мобилизует обширный источниковый материал, стремясь реконструировать детали демографической ситуации рассматриваемых сельских приходов.

Здесь названы далеко не все книжные издания по отечественной историко-демографической проблематике[83]. Именно ей уделяют первостепенное внимание советские ученые. Вместе с тем для ее плодотворного исследования важное значение имеет марксистско-ленинское изучение истории народонаселения других стран, а также проблем всеобщей демографической истории.

Работа в этом направлении была начата еще в период зарождения советской исторической демографии, продолжается она и на ее современном этапе. Зачинателями изучения истории народонаселения ряда стран выступили в конце 60-х — начале 70-х годов медиевисты. Работы о

---

[82] См.: *Пуллат Р. Н.* Городское население буржуазной Эстонии. Таллин, 1973.

[83] См., например: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973; Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974; *Власова И. В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX в. М., 1976; и др.

населении Франции опубликовали Н. В. Ревуненкова и А. А. Лозинский, исследование демографии шведского города было проведено А. А. Сванидзе[84]. Глубокое изучение демографии раннего средневековья ведет Ю. Л. Бессмертный. Медиевистам же принадлежат серьезные историографические обзоры, осуществленные В. В. Самаркиным[85]. Кроме того, имеется ряд демографо-страноведческих очерков, в которых затрагиваются историко-демографические вопросы[86]. Однако в целом изучение зарубежной тематики не соответствует уровню современных задач советской исторической демографии. Ликвидация отставания в данной области прямо связана с дальнейшим развитием марксистско-ленинских историко-демографических исследований.

Эта потребность демографической науки наглядно выявилась в последнее время в обращении демографов к проблемам всеобщей демографической истории. Начало этому было положено еще во второй половине 60-х годов и было связано с развернувшейся тогда разработкой законов народонаселения. В 1967 г. вышла книга М. С. Авербуха «Законы народонаселения докапиталистических формаций», которая способствовала некоторому усилению интереса к поставленной проблеме[87].

Выше уже была названа глава, посвященная демографической истории учебного пособия «Курс демографии». Еще более значительный по объему и содержанию очерк истории развития народонаселения с древнейших времен до наших дней приведен в другом учебном пособии — «Основы теории народонаселения (М., 1973; 2-е изд. 1977; 3-е изд. 1986). Нужно отметить также историко-де-

---

[84] См.: *Ревуненкова Н. В.* Население Монпелье в XII в.//Средние века. М., 1967. Т. 30; *Сванидзе А. А.* К исследованию демографии шведского города//Средние века. 1968—1969. Т. 31, 32; *Лозинский А. А.* О росте населения Парижа в XVI в.//Средние века. 1973. Т. 37.

[85] См.: *Самаркин В. В.* Историческая демография западноевропейского средневековья//Вопросы истории. 1977. № 2.

[86] См.: *Ананьева Г. Е.* Из истории роста населения Японии//Вопросы демографии. М., 1970; *Вяткин А. Р.* Население Бирмы. М., 1979; и др.

[87] См.: *Перковский А. Л.* К вопросу о законе народонаселения докапиталистических формаций//Демографические тетради. Киев, 1972. Вып. IV—V; *его же.* О механизме действия экономических законов народонаселения в демографическом развитии России конца XVIII — первой половины XIX в.//Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин, 1979; *Урланис Е. Б.* Демографическая политика в рабовладельческом и феодальном обществах//Вопросы демографии. М., 1970.

мографическое значение вышедшего в 1978—1985 гг. 20-томного географо-этнографического издания «Страны и народы». Особенно это относится к первому тому «Земля и человечество. Общий обзор», в котором содержится значительный материал по демографической истории. В названных работах исторический процесс развития народонаселения получил, таким образом, общее освещение во всех своих основных периодах.

В последнее время этот процесс, пожалуй, как никогда привлекал внимание демографов. Связано это главным образом с обсуждением гипотезы «демографической революции» («демографического перехода»), получившей определенное распространение в советской демографической литературе. Как уже было сказано, сама эта гипотеза, рассматривающая демографическую историю как последовательную смену основных (чаще всего считается трех) типов воспроизводства населения, была сформулирована западными учеными и имеет хождение в современной зарубежной литературе, в том числе в значительной части историко-демографических работ.

Из ученых социалистических стран первым к ней обратился З. Павлик (ЧССР) [88]. Серьезная попытка осмысления этой гипотезы предпринята в историко-демографическом исследовании А. Г. Вишневского «Демографическая революция» (М., 1976). Эта книга наиболее полно изложила положения, связанные с пониманием «демографической революции», а ряд последующих работ автора дополнил и расширил ее трактовку [89]. Гипотеза «демографической революции» («демографического перехода») обрела сторонников, но, заметим, единства в подходе к ней и в приложении ее к конкретным историко-демографическим процессам нет.

Вместе с тем ряд ученых активно выступают с критикой этой гипотезы. Статью такой критике посвятил А. Я. Боярский. «При сравнении уровней рождаемости и смертности,— отмечает он,— внешне создается впечатление, что в Европе и США установился некий общий стандарт «естественного движения» населения, не зависящий будто бы от глубоких различий общественного строя и социальных условий жизни людей. Отсюда разного рода теории абстрактной необходимости «демогра-

[88] См.: *Павлик З.* Проблемы демографической революции//Брачность, рождаемость, семья за три века.

[89] См.: *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество. М., 1982; *его же.* Демографическая революция в СССР//Над чем работают демографы. М., 1986.

фического перехода»... который некоторые авторы назвали даже «демографической революцией» XX века, и другие подобные концепции. Их вполне можно назвать внеисторическими, несмотря на то что они толкуют о переходе к «современному» типу воспроизводства населения как характерной черте переживаемой исторической эпохи. Дело в том, что при этом сама история трактуется как абстрактное поступательное движение человечества без учета смены общественных формаций...». По мнению А. Я. Боярского, теория «демографической революции», игнорирующая «самое главное содержание исторического развития — смену общественных формаций», смыкается «с теорией индустриального общества и другими нынешними конструкциями буржуазной общественной науки»[90].

Против сведения демографической истории к трем типам воспроизводства населения выступила и В. С. Стешенко, которая считает, что научная периодизация демографического процесса «не может быть оторванной от периодизации общего исторического процесса, она должна основываться на общей методологии периодизации развития общественных явлений, выработанных марксистско-ленинской философией»[91]. Заметим также, что Б. Ц. Урланис, в свое время положивший начало изучению демографической истории в соответствии со сменой социально-экономических формаций, сохранил эту позицию и в своей последней книге «Эволюция продолжительности жизни», вышедшей в 1978 г.

Итак, гипотеза «демографической революции» («демографического перехода») привлекла внимание демографов к историко-демографической проблематике, дискуссия вокруг нее породила различные, подчас полярные точки зрения. Выше, в связи с рассмотрением вопросов периодизации всеобщей демографической истории (см. гл. 3, § 2), было изложено определенное отношение к этой гипотезе. Не повторяя сказанного, отметим, что исход дискуссии в немалой степени зависит от дальнейшего развития марксистско-ленинских историко-демографических исследований.

Завершая их историографический обзор, следует особо подчеркнуть возрастающее внимание к ним. В 1983 — 1986 гг. Бюро Отделения истории АН СССР дважды

---

[90] *Боярский А. Я.* Население и методы его изучения. М., 1975. С. 66—67.

[91] *Стешенко В. С.* Демография в современном мире. С. 113—114.

рассмотрело вопросы развития советской исторической демографии. В обсуждении их приняли участие многие ведущие ученые-историки, отметившие актуальность развития данной области исторического знания, особенно в свете решений XXVII съезда КПСС.

По решению Бюро Отделения истории в 1984 г. была создана Комиссия по исторической демографии, которая затем вошла на правах секции в состав образованного в 1985 г. Президиумом АН СССР Научного совета по исторической демографии и исторической географии (председатель Ю. А. Поляков).

Внимание таких авторитетных научных органов к развитию исторической демографии имеет важное значение. Значительно усиливается не только координационная, но и научно-практическая деятельность по дальнейшему развертыванию в академических учреждениях и вузах исследований демографической истории. Совет и Комиссия, приступив к работе, провели два последних Всесоюзных семинара по исторической демографии (в 1983 и 1985 гг.), организовали дискуссию о ее предметной области (1983), участвовали в постановке историко-демографической проблематики на Всесоюзном симпозиуме по аграрной истории (1984), в обсуждении ее в Институте всеобщей истории (1985), на встрече с демографами в Институте истории СССР (1986), осуществили и готовят другие мероприятия.

Одним из крупных событий в развитии изучения демографической истории за последнее время стал Всесоюзный семинар по исторической демографии, проведенный во Львове в ноябре 1985 г. и организованный названным Научным советом совместно с Институтом истории СССР АН СССР, Институтом истории и Институтом общественных наук АН УССР. В нем участвовал широкий круг ученых из Российской Федерации, Украинской, Азербайджанской, Молдавской, Латвийской и Эстонской союзных республик.

Семинар прошел под знаком определения первоочередных задач, возникающих в свете современных решений КПСС. Была подчеркнута необходимость усиления координации исследований, более четкого выявления их магистральных направлений, дальнейшей разработки теоретико-методологических проблем этой комплексной научной дисциплины.

При подведении итогов работы семинара отмечен рост интереса историков к проблемам исторической демогра-

фии. В принятых рекомендациях участники семинара поручили Научному совету по исторической демографии и исторической географии, во-первых, определить проблемы, подлежащие первоочередной разработке в свете решений XXVII съезда КПСС, и поставить их на обсуждение очередного совещания по исторической демографии, намеченного на 1988 г.; во-вторых, подготовить обоснованные предложения о расширении преподавания исторической демографии в высшей школе[92].

Работа семинара отразила современное состояние советской исторической демографии и вместе с тем способствовала выявлению ее насущных задач. Прочная предпосылка для их успешного решения создана рассмотренной выше исследовательской деятельностью в области изучения истории народонаселения. В прошедшие десятилетия здесь произошли значительные сдвиги, которые служат хорошей основой для еще более широкого развертывания исследований, расширения и упрочения взаимодействия исторической, демографической наук, всех наук, занимающихся проблематикой прошлого народонаселения, которая образует целую отрасль исторической науки — изучение истории народонаселения.

---

[92] См.: Вопросы истории. 1986. № 4. С. 94.

Заключение

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассмотрев в начале 80-х годов вопрос о развитии советской исторической демографии, Бюро Отделения истории АН СССР, отметило необходимость усиления ее исследований и подчеркнуло, что они имеют большое значение для марксистско-ленинского освещения исторического процесса, борьбы с буржуазными фальсификациями истории, для решения ряда важных практических проблем современности[1].

Именно в связи с насущными потребностями нашего времени и заключается прежде всего значение взаимодействия истории и демографии, которое выражает единство исторического и логического, характеризующих отношение между историческим развитием объективной действительности и отражением в научном познании ее современного состояния.

История и демография «встретились» еще в конце минувшего века, однако их взаимопересечение наиболее явственно раскрылось в последние десятилетия, показав неспособность буржуазного обществоведения обеспечить действительную взаимосвязь исторической и демографической наук. Широкое изучение историко-демографической тематики, начатое советской исторической наукой на рубеже 50—60-х годов, шло в общем русле развития марксистско-ленинской разработки проблем народонаселения, способствовало подъему «собственно» демографи-

[1] См.: Вопросы истории. 1984. № 2. С. 126.

ческих исследований. Становление советской исторической демографии ныне стало фактом.

В свете решений XXVII съезда КПСС, положений принятой им Программы партии взаимодействие истории и демографии приобретает особое значение — выражающая его историческая демография призвана мобилизовать свои усилия на всемерное содействие реализации демографической политики социалистического общества, способствовать углубленному анализу значения человеческого фактора в истории и современности.

Это ответственная и сложная задача, которая требует критического осмысления состояния исследований исторической демографии. Факт становления данной области исторического знания не может заслонить проблемы ее развития, которое все еще спорадично, а главное — не полностью соответствует запросам практики, решению современных демографических преблем. Рассматривая состояние советской исторической науки в преддверии XXVII съезда КПСС, С. Л. Тихвинский обоснованно отметил отставание «в исследовании ряда историко-демографических вопросов, проблем семьи и т. д.»[2]. Одна из причин такого положения — определенная разобщенность историков и демографов в исследовании историко-демографической проблематики, которая нередко разрабатывается только в ограниченных целях «своей» науки. При этом нельзя не отметить и некоторую отчужденность историков от актуальных проблем демографической науки, всего демографического развития.

Между тем историко-демографическая тематика не может определяться вне учета реальной демографической ситуации как в современном мире в целом, так и в особенности в СССР. «Научный анализ объективных противоречий социалистического общества, выработка обоснованных рекомендаций по их разрешению, надежных экономических и социальных прогнозов — неотложная задача общественных наук на современном этапе развития»[3]. В этом ключ к пониманию задач исторической демографии, определяемых современным обострением проблем народонаселения.

---

[2] *Тихвинский С. Л.* Советская историческая наука в преддверии XXVII съезда КПСС//Коммунист. 1986. № 2. С. 106.

[3] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 168.

Всестороннее изучение демографической ситуации, выработка научно-практических предложений по оптимизации процессов воспроизводства населения, осуществлению демографической политики — генеральная задача советской демографии, которую она может решить лишь совместно с комплексом наук, занимающихся проблемами народонаселения. Исследуя наиболее актуальные историко-демографические вопросы, глубоко обобщая исторический опыт развития народонаселения СССР, советская историческая наука призвана активно включиться в разработку демографических проблем, резко усилить изучение отечественной демографический истории, в первую очередь эпохи социализма.

Это может произойти лишь при условии резкого усиления внимания историков к изучению эволюции воспроизводства населения, усиления значения демографического фактора в истории, развития демографической политики во всех ее проявлениях, а также генезиса других проблем, важных для современной демографии. Сказанное не означает какого-либо умаления значимости исследований другой тематики народонаселения. Но если речь идет об историко-демографических исследованиях, то они должны быть полностью сориентированы на те вопросы, которые изучает советская демографическая наука, способствовать подведению под это изучение исторического фундамента и вместе с тем обогащать изучение всемирно-исторического процесса данными о демографическом развитии человечества.

Необходимо подчеркнуть, что освещение демографического развития человечества как в целом, так и по отдельным его периодам или проблемам не может больше ограничиваться рамками только специальных историко-демографических работ. Оно должно выйти (и в ряде случаев уже выходит) за них, органически вплестись в ткань социально-исторических исследований.

Но чтобы это произошло, необходим поворот исторической науки к изучению производства «второго рода», т. е. к проблематике, связанной с «производством самого человека, продолжением рода». Известно, что в исследовании социально-экономической истории, развития материального и духовного производства достигнуты немалые успехи. Не пришла ли пора в полном объеме раскрыть диалектико-материалистическое положение о производстве и воспроизводстве непосредственной жизни, о его в конечном счете определяющем значении в истории? Си-

лами только одной исторической демографии вряд ли это можно сделать, здесь нужно привлечь внимание всей исторической науки.

И это также диктуется современностью с ее сложными, обострившимися проблемами народонаселения.

Когда говорится о требовании современности, это не означает, что внимание к рассматриваемой проблематике имеет сиюминутный характер, ограниченный только требованиями сегодняшнего дня. Ю. А. Поляков справедливо заметил, что при возрастании роли и места какого-либо современного явления соответственно возрастают роль и место истории этого явления. Именно так произошло в последние десятилетия и с «открытием» демографической истории. Но это «открытие» не просто привлекло внимание к историко-демографической проблематике, а прочно вводит ее в круг исторических исследований, требует постоянной, систематически-последовательной разработки.

Все сказанное относится к постановке и развитию историко-демографического образования в высшей школе. Назрела необходимость дополнения программ общих курсов по истории СССР и зарубежной истории историко-демографическим материалом, создания спецкурсов по демографической истории и на основе их переход к чтению отдельного курса исторической демографии. Возможно это будет объединенный курс по исторической демографии и исторической географии, которая преподается на исторических факультетах ряда университетов. Это в свою очередь требует составления соответствующих программ, учебных и наглядных пособий. Историко-демографическое образование находится в начале своего пути.

Когда более четверти века назад в советской исторической науке был поставлен вопрос о необходимости резкого усиления внимания к изучению истории народонаселения, это связывалось с конкретными задачами исторических исследований, и прежде всего исследований социально-экономической истории СССР. Теперь, в ретроспективе лет, ясно, что такой подход был вполне оправдан: освоение указанной проблематики заметно обогатило марксистско-ленинскую историографию, углубило исследования исторического прошлого народов СССР.

В этой же ретроспективе лет отчетливо выявляется и тот факт, что изучение народонаселения не ограничи-

вается пределами только исторической науки, а имеет важнейшее значение для всей разработки проблем народонаселения, всей системы знаний о нем. Иначе говоря, раскрывая прошлое народонаселения, историческая наука решает свои задачи и одновременно вносит существенный вклад в изучение народонаселения в целом. Обоснование указанных положений характеризует ее как важный фактор марксистско-ленинского изучения народонаселения. В этом изучении советская историческая наука всегда принимала и принимает действенное участие, ныне неуклонно нарастающее, как того требует реализация задач социалистического строительства, всей современной политики Советского государства, определенной решениями XXVII съезда КПСС.

Библиография

1. Произведения основоположников марксизма-ленинизма

Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений/Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М., 1966.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3.

Маркс К. Наемный труд и капитал. Разд. V//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 6.

Маркс К. Вынужденная эмиграция//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8.

Маркс К. Смертная казнь//Там же.

Маркс К. Вопрос о войне. Финансовые дела. Забастовки//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9.

Маркс К. Месть Ирландии//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 11.

Маркс К. Политическое положение в Европе//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12.

Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов)//Там же.

Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 16.

Маркс К. Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам//Там же.

Маркс К. Набросок доклада по ирландскому вопросу//Там же.

Маркс К. Критика Готской программы. Разд. II//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19.

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. V, VIII, § 5, XII, § 4, XIII, § 3, 6—10, XXI—XXIII, XXV//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23.

Маркс К. Капитал. Т. 3. Гл. X, XIII, XIV (§ IV), гл. XV (§ III, IV)//*Маркс К., Энгельс Ф.* Т. 25. Ч. I.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. II. Гл. IX, § 1, 2, 9//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. II.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. III. Гл. XIX, § 8—15//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. С. 26. Ч. III.

Маркс К. Л. Кугельману, 27.VI.1870 г.//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 32.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I—II.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 47.

Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2.

Энгельс Ф. Франкский период//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19.
Энгельс Ф. Марка//Там же.
Энгельс Ф. К истории древних германцев//Там же.
Энгельс Ф. Диалектика природы//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг//Там же.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств//Там же.
Энгельс Ф. Ф. Ланге, 29.III.1865 г.//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 31.
Энгельс Ф. К Каутскому, 1.II.1881 г.//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 35.
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1941. Т. IX. (Конспект К. Маркса книги Л. Моргана «Древнее общество»).
Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве//Полн. собр. соч. Т. 1.
Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма//Полн. собр. соч. Т. 2.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России//Полн. собр. соч. Т. 3.
Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса»//Полн. собр. соч. Т. 5.
Ленин В. И. Переселенческий вопрос//Полн. собр. соч. Т. 21.
Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма//Полн. собр. соч. Т. 23.
Ленин В. И. Значение переселенческого дела//Там же.
Ленин В. И. Еще о переселенческом деле//Там же.
Ленин В. И. Капитализм и женский труд//Там же.
Ленин В. И. Рабочий класс и неомальтузианство//Там же.
Ленин В. И. Капитализм и иммиграция рабочих//Полн. собр. соч. Т. 24.
Ленин В. И. Еще одно уничтожение социализма//Полн. собр. соч. Т. 25.
Ленин В. И. Под чужим флагом//Полн. собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. Карл Маркс//Там же.
Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». Учение о сущности//Полн. собр. соч. Т. 29.
Ленин В. И. Статистика и социология//Полн. собр. соч. Т. 30.
Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский//Полн. собр. соч. Т. 37.
Ленин В. И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая 1919 г.//Полн. собр. соч. Т. 38.
Ленин В. И. Письмо И. Ф. Арманд//Полн. собр. соч. Т. 49.
Ленин В. И. Телеграмма всем губисполкомам, горисполкомам Москвы и Петрограда, губревкомам, Сибревкому//Полн. собр. соч. Т. 51.

* * *

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.

2. Дореволюционные работы

Ломоносов М. В. О сохранении и размножении российского народа. 1761 г.//Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., Л., 1952. Т. 6 (1-я публикация: Русская старина. 1973. Октябрь. С. 563—580).

Чернышевский Н. Г. Избр. экономич. произв.: В 3 т. М., 1948—1949. Т. 3. Ч. 1—2.

Плеханов Г. В. Избр. философск. произв. М., 1956. Т. 2.

А. Я. (А. Е. Яновский). Демография//Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза, И. Ефрона. Спб., 1893. Т. 19. С. 367.

Андреев К. А. О таблицах смертности. Опыт теоретического исследования о законах смертности и составления таблиц смертности для России. М., 1871.

Анучин Е. Н. Значение статистики как науки и Международный статистический конгресс. Спб., 1872.

Арсеньев К. И. Начертание статистики Российского государства. Спб., 1818. Ч. 1. О состоянии народа. Спб., 1819. Ч. 2. О состоянии государства.

Арсеньев К. И. Исследование о численном отношении полов в народонаселении России//Журнал МВД. 1844. Ч. 5. № 1. С. 253—270.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. М., 1873 (переизд. 1885).

Бессер Л. В., Баллод К. Смертность православного народонаселения в России за 1851—1890 гг. М., 1895. (оттиск//Медицинское образование. 1895. № 8).

Борткевич В. И. Смертность и долговечность мужского православного населения Европейской России//Записки Императорской Академии наук. Спб., 1890. Т. 63. Прил. 8.

Борткевич В. И. Смертность и долговечность женского православного населения Европейской России//Записки Императорской Академии наук. Спб., 1891. Т. 66. Прил. 3.

Бунге Н. Х. Изменение сельского состава населения России между VII, VIII и IX ревизиями//Экономический указатель. 1859. № 4.

Бунге Н. Х. Курс статистики. 2-е изд. Киев, 1876 (2-е изд.— 1865).

Буняковский В. Я. Основания математической теории вероятностей. Спб., 1846. Гл. VIII. О вероятности жизни человеческой. С. 173—213.

Буняковский В. Я. Мысли о движении народонаселения//Журнал Министерства народного просвещения. 1850. Ч. 66.

Буняковский В. Я. Исследование о возрастном составе женского православного населения России. Спб., 1866.

Буняковский В. Я. Несколько замечаний о законах движения народонаселения в России//Русский вестник. 1868. № 73.

Бушен А. Об устройстве источников статистики населения в России. Спб., 1864.

Вейнберг Б. П. Положение центра населенности России с 1613 по 1913 гг.//Известия Русск. географ. об-ва. 1915. Т. 51. Вып. VI.

Вернадский И. В. Задачи статистики//Журнал Министерства народного просвещения. 1852. Ч. 74.

Вернадский И. В. Очерк истории политической экономии. Спб., 1858.

Веселовский К. О степени населенности Европейской России// Журнал Министерства государственных имуществ. 1846. № 12. Отд. 2.

Веселовский К. С. Доклад о сочинении проф. Янсона «Теория статистики». Спб., 1892.

Вечеслав Н. Н. Рождаемость населения Казанской губернии в сравнении с рождаемостью Европейской России и государств Западной Европы. Казань, 1882.

Водовозов Н. В. Мальтус. Его жизнь и деятельность. М, 1896. (то же, в издании З. Грежбина. Берлин, 1922).

Воейков А. И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. Спб., 1909.

Воейков А. И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. Спб., 1911.

Вреден Э. Государствоведение Сансовино и всемирные реляции Ботеро. Спб., 1866.

Ганнушкин М. Б. Народонаселение как самостоятельный фактор в экономической эволюции. М., 1899.

Георгиевский П. И. Профессор Ю. Э. Янсон как ученый и как общественный деятель//Журнал Русского Общества охраны народного здравия. 1893. № 4 (отд. оттиск: Спб., 1893).

Герман И. О составлении народных таблиц. Екатеринбург, 1808.

Герман К. Ф. Общая теория статистики. Спб., 1809.

Герман К. Ф. Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства. Спб., 1817.

Герман К. Ф. Статистическое исследование относительно Российской империи. Ч. I. О народонаселении. Спб., 1819.

Герценштейн Г. Военные жертвы людьми//Военно-санитарное дело. 1882. № 15—18.

Гольдштейн И. М. Проблемы населения во Франции. Спб., 1903.

Гребенщиков В. И. Таблица смертности русских врачей//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1898. № 7.

Гребенщиков В. И. Плодовитость женщин в 26 губерниях Европейской России по сравнению с плодовитостью в западноевропейских государствах//Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1904. № 3—4.

Гребенщиков В. И. Рождаемость. Смертность//*Эйленбург А.* Реальная энциклопедия медицинских наук. Спб., 1901. Т. 2.

Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVIII в. М., 1902. Т. 1; Т. 2. Ч. 2.

Дёрбек Ф. А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. Спб., 1905.

Дживелегов А. К. Голодовки в средние века. М. 1906.

Жуковский Ю. Г. Население и земледелие. Спб, 1907.

Журавский Д. П. План статистического описания Киевской губернии. Киев, 1851.

Зыбелин С. Г. Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела, служащем к размножению в обществе народа. 1775. Перепеч.//*Зыбелин С. Г.* Избр. произв. М., 1954.

Зябловский Е. Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, с предварительными понятиями о статистике и с общим обозрением Европы в статистическом виде. 2-е изд. Спб., 1815. Ч. 1—5 (1-е изд.— 1808).

Ильинский А. К. Городское население Новгородской области в XVI в.//Журнал Министерства народного просвещения. 1876. № 6.

Каблуков Н. А. Статистика. М., 1916.

Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения России по данным переписи 1897 г. Спб., 1909.

Каразин В. Н. Объяснение подробной таблицы обстоятельств народонаселения в Слободско-Украинской губернии (1820 г.)//Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина. Харьков, 1910. С. 372—394.

Кеппен П. И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. Спб., 1857.

Кеппен П. И. О народных переписях в России. Спб., 1889. (перепеч.//Записки Русского географ. об-ва по Отдел. стат. Т. 6).

Кехер. О санитарном состоянии наших войск в войну 1877—1878 гг. Спб., 1882.

Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Спб., 1911.

Ковалевский М. М. Развитие народного хозяйства в Западной Европе. Спб., 1899.

Кондырев П. Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство, следуя теории А. Смита. Сочинение Г. Сарториуса. Казань, 1812.

Корсаков С. Законы народонаселения в России//Материалы для статистики Российской империи. Спб., 1841. С. 205—383.

Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях//Исторические монографии и исследования. Спб., 1887. Т. 19.

Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов. М., 1859.

Куник А. А. Об ученых сборниках и периодических изданиях Академии наук//Ученые записки Академии наук по 1 и 3 отделениям. Спб., 1852. Т. I. Вып. 1.

Куркин П. И. Детская смертность в Моск. губ. и ее уездах в 1883—1897 гг. М., 1902.

Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909 (литогр.).

Малиновский В. Ф. Рассуждения о мире и войне. Спб., 1803. Ч. 1—2.

Маркевич Н. Народонаселение Полтавской губернии. Киев, 1855.

Менделеев Д. И. К познанию России. 1—7-е изд. Спб., 1906—1912; советское изд.: М., 1938.

Мечников И. И. Этюды о природе человека. 1—7-е изд. М., 1904—1925 (совр. изд.: *Мечников И. И.* Академич. собр. соч. М., 1956. Т. 11).

Мечников И. И. Этюды оптимизма. 1—4-е изд. М., 1907—1917 (совр. изд.: *Мечников И. И.* Академич. собр. соч. М., 1956. Т. 12).

Мечников И. И. Цивилизация и великие исторические реки. Спб., 1898. (то же: М., 1924).

Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Спб., 1904. Ч. 1.

Милютин Д. А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. Спб., 1846.

Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики. Спб., 1847. Кн. I; 1848. Кн. II.

Милютин В. А. Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции. Мальтус и его противники. 1847//*Милютин В. А.* Избр. произв. М., 1946.

Население//Большая энциклопедия./Под ред. С. Н. Южакова. Спб., 1903. Т. 13.

Новосельский С. А. К вопросу о понижении смертности и рождаемости//Вестник общественной гигиены. 1914. № 3.

Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград, 1916.

О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Г. Котошихина. Спб., 1859.

Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири. Спб., 1911.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Спб., 1899—1905. Т. 1—89.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов переписи. Спб., 1905. Т. 1—2.

Плющевский-Плющик Я. Суждение и толки народа об однодневной переписи 28 января 1897 г. Спб., 1898.

Покровский В. И. Влияние колебания хлебных цен на естественное движение населения//Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Спб., 1987. Т. II.

Покровский В. И. Население (I. Статистика населения. II. Политика населения)//Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза, И. Ефрона. Спб., 1897. Т. 40. С. 615—638.

Порошин В. С. Критическое исследование об основаниях статистики. Спб., 1856.

Примечание о числе как новых, так и древних земных жителей// Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. М., 1762. Ч. II. С. 215—221.

Птуха М. В. Очерки по теории статистики населения и моральной. Петроград, 1916//Записки юридического ф-та Петроградского ун-та).

Рославский А. Руководство к статистике. Харьков, 1844.

Рославский А. Опыт сравнения успехов народонаселения в России и некоторых других европейских государствах. Харьков, 1845.

Рославский А. Исследование о движении народонаселения в России//Вестник имп. русск. геогр. об-ва. Спб., 1853. Ч. VIII. Кн. 3—4.

Российская империя//*Гагарин Д. П.* Всеобщий географический и статистический словарь. М., 1843. Ч. 3. Т. 263—274.

Святловский В. К истории политической экономии и статистики в России. Спб., 1906.

Скальковский А. О смертности и долговечности в Новороссийском крае//Журнал МВД. 1850. Ч. XXIX. Кн. 1.

Смирнов П. П. Движение населения Московского государства//История России в очерках и статьях. М, б. г. (нач. XX в.). Т. II.

Собрание знаний о законах рождения и смертности в роде человеческом (подп. крипт.— *М. А.*)//Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Спб., 1787. Ч. II. С. 394 и след.

Соколов Д. А., Гребенщиков В. И. Смертность в России и борьба с ней. Спб., 1901.

Срезневский И. О производительности или пользе жизни народонаселения//Северное обозрение. 1848. Т. 2. Разд. IV. С. 3—21.

Статистика//*Яновский Н.* Новый словотолкователь. Спб., 1806. Ч. 3. С. 727—729.

Статистический журнал. Спб.: при Академии наук, издавал К. Ф. Герман. 1806. Т. 1. Ч. 1; 1806. Ч. 2; 1807. Т. 2. Ч. 3; 1808. Ч. 4.

Степанов Т. Ф. Записки о политической экономии. Спб., 1844. Ч. 1; Харьков, 1848. Ч. 2.

Сухоплюев И. К. Взгляды Ломоносова на политику народонаселения//1711—1911. Ломоносовский сборник. Спб., 1911.

Тройницкий А. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Спб., 1861.

Федорович Л. В. История и теория статистики. Одесса, 1894.

Фортунатов А. Ф. О статистике. М., 1907.

Хлопин Г. В. Гигиена и санитария с исторической точки зрения. Спб., 1897.

Чечулин Н. Д. Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. Спб., 1889.

Чупров А. И. Курс статистики. М., 1886.

Чупров А. И. Демография на Лондонском гигиеническом конгрессе в 1891 г.//Юридический вестник. 1892. Февраль. С. 177—200.

Шпилевский М. М. Политика народонаселения в царствование Екатерины II. Одесса, 1871. (извлеч.//Записки Новороссийского ун-та. 1871. Т. VI).

Экк Н. В. Опыт обработки статистических данных о смертности в России. Спб., 1888.

Эрисман Ф. Ф. Смертность//Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза, И. Ефрона. Спб., 1900. Т. 60. С. 500—518.

Янсон Ю. Э. Очерк населения европейских государств. Спб., 1877.

Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. В 2-х томах. Спб., 1877—1880. Т. 1. Территория и население.

Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика населения. Спб., 1892.

Янсон Ю. Э. Теория статистики. 1—5-е изд. Спб., 1886—1913.

3. Советские издания 20—50-х годов

Араб Оглы Э А Отрицание законов общественного развития под флагом «биологического детерминизма»//Коммунист 1956 № 7 С 54—59

Араб Оглы Э А Некоторые проблемы народонаселения Вопросы философии 1957 № 6 С 101—109

Бабынин В Демографические предпосылки перспективного планирования//Плановое хозяйство 1926 № 8

Баграмов Л А Неомальтузианство — идеология империалистической реакции М, 1953

Баранович А И Население предстепной Украины в XVI в// Исторические записки М, 1950 Т 32

Барг М А К вопросу о росте населения Англии XI—XIII вв// Вопросы истории 1947 № 11 С 86—91

Барушин С В Научные труды М, 1955 Т 3 Ч 1, 1955 Ч 2 (История колонизации Сибири и ее народов)

Белецкая В А Изменение численности и состава населения России в первой половине XIX в по окладным книгам ревизий// Труды Московского историко архивного института 1950 Т 10

Бешер Р Я Проблемы населения в народнохозяйственном планировании//Плановое хозяйство 1937

Боярский А Я Переписи населения в капиталистических странах//М, 1938

Боярский А Я Шушерин П П Демографическая статистика М, 1955

Брянский А М, Нейперт Н А Всесоюзная перепись населения 1926 г М, 1938, 2 е изд 1957

Валентей Д И Безработица — неизбежный спутник капитализма М, 1951

Внуков Р Я Противоречия старой крестьянской семьи Орел, 1929

Воблый В К, Пустоход П И Переписи населения (Их история и организация) М, Л, 1940, 1 е изд 1936

Воблый К Г Статистика Б м, 1919

Волков Е З Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет М, Л, 1930

Гиммельфарб С К вопросу о планировании рабочей силы// Проблемы экономики 1932 № 4—5

Гозулов А И Переписи населения СССР и капиталистических стран М, 1936

Горшков И С Современные буржуазные теории народонаселения — средство закабаления народов мира//Ученые записки АОН при ЦК КПСС 1949 Вып 4 С 53—61

Греков Б Д Главнейшие этапы в истории крепостного права в России М Л, 1940

Греков Б Д Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в М, 1952—1954 Кн 1—2

Дольская А А Социалистический закон народонаселения М, 1959

Ермолаев В М Демографический закон народонаселения Казань 1924

Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г М, 1929

Залкинд А. К вопросу планирования труда в СССР//Проблемы экономики. 1931. № 7—8.
Звонков В. Социалистический закон народонаселения. Л., 1958.
Каблуков Н. А. Статистика. М., 1922.
Кабо Р. Города Западной Сибири. М., 1949.
Кауфман А. А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806—1917. М., 1922.
Козлов В. С. Естественное движение населения капиталистических стран Европы. М., 1959.
Коломийцев Ф. М. Борьба за долголетие человека. Киев, 1958.
Копанев А. И. Население Петербурга в первой половине XIX в. М., Л., 1957.
Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в.//Исторические записки. М., 1959. Т. 64.
Корохов Ю. А. Опыт исчисления роста населения в Европе//Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 150—158.
Куркин П. И., Чертков А. П. Естественное движение населения Москвы и Московской губернии. М., 1927.
Куркин П. И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938.
Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. М., 1929.
Ляликов Н. И. Очерки географии населения СССР//География в школе. 1948. № 2, 3, 5; 1949. № 2, 3.
Маркузон Ф. Д. Население мира от начала эры до середины XX века//Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957. С. 388—404.
Мерзон А. П. Писцовые и переписные книги XV—XVII вв. М., 1956.
Никитин С. А. Источниковедение истории СССР XIX века. (Курс источниковедения истории СССР). М., 1940. Т. II.
Отечественные экономико-географы XVIII—XX вв. М., 1957.
Очерки по истории статистики СССР. М., 1955—1972. Сб. 1—5.
Паперный Л. Проблема народонаселения с точки зрения марксистской социологии. М., 1926.
Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М., 1921. Вып. 1—5. (Труды ЦСУ. Т. I, а также Т. IV. Вып. 1.)
Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928.
Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. В 4 частях. М., 1924—1927. (Труды ЦСУ. Т. XX.)
Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Предварительные итоги переписи. М., 1927. Вып. 1—3.
Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. М., 1927—1928. Вып. 1—10.
Всесоюзная перепись населения 1926 г. Окончательные итоги. В 7 отделах (сериях), 56 т. М., 1928—1933.
Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги//Правда. 1939. 2 июля; Правда. 1940. 29 апреля.
Подъячих П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1957.
Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М., 1921. Ч. I.
Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
Попов А. Я. Современное мальтузианство. (Очерк критики). М., 1960.

Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956.

Птуха М. В. История первой таблицы брачности//Вестник статистики. Кн. XXI. Апрель — июнь 1925 г. № 4—6. С. 36—41.

Птуха М. В. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в. Киев, 1927.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. М., 1955. Т. I (XVIII в.); М., 1959. Т. II (1801—1845 гг.).

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956.

Смулевич Б. Я. Усилить внимание демографическому фронту//Вестник Коммунистической Академии. 1934. № 4.

Смулевич Б. Я. Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М., Л., 1936.

Смулевич Б. Я. Некоторые вопросы воспроизводства населения в зарубежных странах//Мировое хозяйство и мировая политика. 1947. № 3.

Смулевич Б. Я. Критика буржуазных теорий и политики народонаселения//М., 1959.

Сулькевич С. И. Население СССР. Итоги переписи 1939 г. М., 1939.

Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. (Курс источниковедения истории СССР). М., 1940. Т. I.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

Тренин-Петушков И. Г. Элементы статистики на Руси XII—XVII веков//Вестник статистики. 1959. № 7. С. 46—55.

Труды Демографического института. Л., 1934. Т. I.

Урланис Б. Ц. История американских цензов. М., 1938.

Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.

Френкель З. Г. Удлинение жизни и деятельная старость. 2-е изд. М., 1949. (1-е изд.— 1945).

Шепукова Н. М. Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России (XVIII — первая половина XIX в.)//Вопросы истории. 1959. № 12.

Шушерин П. П. Академик Буняковский как демограф//Ученые записки МЭСИ (труды кафедры демографии). М., 1955. Т. 6. С. 36—41.

Яковенко Е. И. Медицинская статистика. Введение в социальную медицину. М., Л., 1924.

Яхонтов А. П. Демография в Академии наук//Вестник АН СССР. 1934. № 2.

Яцунский В. К. Предмет и задачи исторической географии//Историк-марксист. 1941. № 5. С. 42—51.

Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII вв. М., 1955.

Яцунский В. К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг.//История СССР. 1957. № 1. С. 192—224.

Яцунский В. К. О некоторых отстающих участках нашей науки//История СССР. 1959. № 3.

4. Советские издания 60-х — начала 80-х годов

Авербух М. С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967.

Авербух А. С. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М., 1970.

Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.

Алексеев В. П. Палеодемография СССР//Советская археология. 1972. № 11. С. 95—104.

Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979.

Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.

Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981.

Алиева В. Ф. Народонаселение Дагестана. Махачкала, 1984.

Антонов А. И. Социология рождаемости. М., 1980.

Андрианов Б. В. Население Африки. М., 1964.

Аперьян В. Е. Социализм: население и экономика. М., 1983.

Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы. М., 1978.

Арутюнян Л. А. Социалистический закон народонаселения. М., 1975.

Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.

Багдасаров В. К., Дробижев В. З. Новые книги американских демографов о движении населения в СССР//История СССР. 1981. № 2. С. 219—225.

Баронян О. В. Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека. М., 1962.

Бахметова Г. Ш. Методы демографического прогнозирования. М., 1982.

Бедный М. С. Продолжительность жизни в городах и селах. М., 1976.

Бедный М. С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979.

Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в.). М., 1980.

Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972.

Бессмертный Ю. Л. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в.//Средние века. М., 1981. Вып. 44. С. 97—116.

Бессмертный Ю. Л. К демографическому изучению французской деревни IX в.: Люди и имена//Советская этнография. 1981. № 2. С. 51—67.

Бжилянский Ю. А. Проблемы народонаселения при социализме. М., 1974.

Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964.

Бодрова В. В. Народонаселение европейских социалистических стран. М., 1976.

Бойко В. В. Малодетная семья. Социально-психологическое исследование. М., 1980.

Болдырев В. А. Экономический закон населения при социализме. М., 1968.

Болдырев В. А. Народонаселение в развитом социалистическом обществе. М., 1983.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983.

Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР. (Этнодемографический аспект). М., 1977.

Борисов В. А. Демография и социальная психология. М., 1970.

Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976.

Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975.

Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР/Под ред. А. Г. Вишневского. М., 1977.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М., 1981.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, 1986.

Брук С. И., Козлов В. И., Покшишевский В. В. Предстоящие изменения численности и структуры населения Земли//Известия АН СССР. Серия геогр. 1973. № 3. С. 14—25.

Брук С. И., Козлов В. И. Демографические проблемы развивающихся стран и прогноз численности их населения//Проблемы использования природных и трудовых ресурсов в развивающихся странах. М., 1974. С. 107—120.

Бурнашев Э. Ю. Научные исследования и подготовка кадров в области народонаселения в СССР и за рубежом. М., 1969.

Бурнашев Э. Ю. Численность населения мира с древнейших времен до 80-х годов XX в.//Население мира: вчера и сегодня. М., 1980. С. 105—117.

Быт, время, демография. В 3 ч. М., 1968 (серия: «Из истории советской социологии»).

Валентей Д. И. Проблемы народонаселения. М., 1961.

Валентей Д. И. Реакционные теории народонаселения периода общего кризиса капитализма. М., 1963.

Валентей Д. И. Теория и политика народонаселения. М., 1967.

Валентей Д. И. Демографические науки в системе знаний о народонаселении//Экономические науки. 1976. № 9. С. 19—26.

Валентей Д. И. Проблемы управления процессами развития народонаселения//Вопросы философии. 1978. № 2. С. 3—13.

Валентей Д. И. Социальные проблемы в зеркале демографии//Проблемы мира и социализма. 1980. № 9. С. 51—56.

Валентей Д. И., Елизаров В. В., Зверева Н. В. Демографический фактор и его роль в развитии социалистического общества//Вопросы философии. 1985. № 9. С. 47—58.

Венецкий И. Г. Статистические методы в демографии. М., 1977.

Вербицкая О. М. Пятый Всесоюзный семинар по исторической демографии//История СССР. 1986. № 3.

Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976.

Вишневский А. Г. Мировой демографический взрыв и его проблемы. М., 1978.

Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.

Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973.

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

Водарский Я. Е., Жиромская В. Б. Всесоюзный семинар по исторической демографии//Вопросы истории. 1986. № 4. С. 92—94.

Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986.

Вопросы демографии/Под ред. П. И. Багрия. Киев, 1968.

Вопросы методологии и истории исторической науки/Под ред. Ю. С. Кукушкина. М., 1977.

Вопросы теории и политики народонаселения/Под ред. Д. И. Валентея и Э. Ю. Бурнашева. М., 1970.

Воробьев В. В. Население Восточной Сибири. Новосибирск, 1977.

Ворожейкин Е. М. Семейное право и народонаселение. М., 1976.

Воспроизводство населения в условиях развитого социализма (на примере УССР). Киев, 1978.

Воспроизводство населения и трудовых ресурсов в условиях развитого социализма. Т. 1. Развитие населения и его трудового потенциала/Отв. ред. В. С. Стешенко. Киев, 1985.

Воспроизводство населения СССР/Под ред. А. Г. Вишневского и А. Г. Волкова. М., 1983.

Всесоюзные переписи населения 1959, 1970, 1979 гг. (публикации итогов):

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М., 1962.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Тома по каждой союзной республике. 15 т. (без нумер., по назв. респ.). М., 1962—1963.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. В 7 т. М., 1972—1974.

Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980.

Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984.

Воробьева И. Г. О демографии долматинского города XVI—XVII вв./Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 177—180.

Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы докладов. Рига, 1977.

Выдро М. Я. Население Москвы (По материалам переписей населения 1871—1970 гг.). М., 1976.

Вяткин А. Р. Юго-Восточная Азия: демографический анализ. М., 1984.

Гапоненко Л. С., Кабузан В. М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916—1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции//История СССР. 1961. № 6. С. 97—115.

Гозулов А. И. Переписи населения земного шара. М., 1970.

Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972.

Города Подмосковья/Отв. ред. В. Л. Янин. В 3 кн. М., 1979. Кн I.

Григорьянц М. Г. Переписи населения в капиталистических странах. М., 1976.

Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.

Гузеватый Я. Н. Проблемы народонаселения и социально-экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970.

Гузеватый Я. Н. Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980.

Даниленко И. С. Народонаселение и война. М., 1981.

Данилов А. И., Иванов В. В., Ким М. П., Кукушкин Ю. С., Сахаров А. М., Сивачев Н. В. История и общество//Вопросы истории. 1977. № 1. С. 3—29.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1973.

Демографическая политика/Под ред. В. С. Стешенко и В. П. Пискунова. М., 1974.

Демографическая политика: осуществление и совершенствование в условиях развитого социализма/Под ред. В. С. Стешенко. Киев, 1981.

Демографические процессы в социалистическом обществе/Под ред. Т. В. Рябушкина и Л. Л. Рыбаковского. М., 1981.

Демографические процессы и их закономерности/Под ред. А. Г. Волкова. М., 1986.

Демографические тетради. Сб. статей. Киев: Отдел демографии Института экономики АН УССР. 1969—1974. Вып. 1—9. (ротапринт).

Демографическое развитие семьи. Сб. ст./Под ред. А. Г. Волкова. М., 1979.

Демографический энциклопедический словарь//Гл. ред. Д. И. Валентей. М., 1985.

Демографическое развитие СССР в послевоенный период/Отв. ред. В. Н. Иванов, Л. Л. Рыбаковский. М., 1984.

Демографическое развитие Украинской ССР (1959—1970 гг.). Киев, 1977.

Дробижев В. З. Движение населения в СССР и социальный прогресс. М., 1974.

Дробижев В. З. Организация учета естественного движения населения СССР в 1917—1926 гг.//Вестник Московского университета. История. 1978. № 3. С. 12—24.

Дробижев В. З. Демографическое развитие Страны Советов (1917 г.— середина 1920-х годов)//Вопросы истории. 1986. № 4. С. 15—25.

Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М., 1987.

Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М., 1973.

Дробижев В. З., Поляков Ю. А. Народонаселение СССР и история советского общества//Вопросы истории. 1974. № 4. С. 30—38.

Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975.

Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.

Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970.

Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825—1860 гг. М., 1981.

Евтеев О. А. Карты населения в советских картографических изданиях и географической литературе за 20 лет (1940—1960 гг.)// География населения СССР. М., 1962.

Естественное движение населения современного мира/Под ред. Э. Ю. Бурнашева. М., 1974.

Жиромская В. Б. В Комиссии по исторической демографии//Вопросы истории. 1984. № 2. С. 126—128.

Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности. М., 1981.

Звидриньш П. П. Население Великобритании (размещение, состав и воспроизводство). М., 1979.

Зверева Н. В. О соотношении политической экономии и демографии//Экономические науки. 1975. № 10. С. 24—31.

Зверева Н. В., Медков В. М. К определению центрального понятия системы знаний о народонаселении//Социально-экономические особенности воспроизводства населения в условиях развитого социализма. Киев, 1976. Т. I. С. 32—34.

Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. Кишинев, 1979.

Иванов И. П. Отечественная историография аграрного перенаселения//Вопросы истории. 1971. № 12. С. 31—42.

Иванов С. Ф. Развивающиеся страны: демографический взрыв. М., 1984.

Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII — начале XX в./Под ред. М. М. Громыко и Н. А. Миненко. Новосибирск, 1975.

Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920/Под ред. В. М. Селунской. М., 1976.

Изучение воспроизводства населения. М., 1968. Т. XIV. (Учен. зап. по статистике).

Исламов С. И. Демография Таджикистана. Душанбе, 1985.

История городов и сел Украинской ССР. В 26 т./Гл. ред. П. Т. Тронько. Киев, 1967—1981.

История и психология/Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анциферовой. М., 1971.

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза/Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1983.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины/Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1986.

История и социология. М., 1964.

История советской государственной статистики. М., 1969.

Источниковедение истории СССР/Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1981.

К 50-летию советской статистики. Сб. стат. (МЭСИ). М., 1969.

Кабузан В. М. Демографическая статистика России в XVIII — первой половине XIX в.//Труды Моск. историко-архивного института. 1963. Т. 17. С. 305—336.

Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.

Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971.

Казаков А. Т., Урланис Б. Ц. Проблемы народонаселения в русской марксистской мысли. М., 1975.

Калинюк И. В. Возрастная структура населения СССР. М., 1975.

Караханов М. К. Некапиталистический путь развития и проблемы народонаселения. Ташкент, 1983.

Карсаевская Т. В., Шаталов А. Т. Философские аспекты геронтологии. М., 1978.

Кахк Ю. Ю., Ковальченко И. Д. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях// История СССР. 1974. № 5. С. 89—103.

Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974.

Кваша А. Я. Проблемы демографического оптимума. М., 1974.

Кваша А. Я. Демографическая политика в СССР. М., 1981.

Кваша А. Я. Что такое демография? М., 1985.

Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981.

Кивимяэ С. К., Пуллат Р. Н. Первый Всесоюзный семинар по исторической демографии//История СССР. 1975. № 3. С. 209—212.

Ким М. П. Советский народ — новая историческая общность. М., 1972.

Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983.

Киселева Г. П. Нужно ли повышать рождаемость? М., 1979.

Княжинская Л. А. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М., 1980.

Ковалев А. М. Общество и законы его развития. М., 1975.

Ковалев С. А. География населения в Московском университете. М., 1962.

Ковалев С. А., Ковальская Н. Я. География населения СССР. М., 1980.

Ковальченко И. Д. О применении математических методов при анализе историко-статистических данных//История СССР. 1964. № 1. С. 3—29.

Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

Ковальченко И. Д. О применении математических методов в исторических исследованиях//Источниковедение. Методологические и методические проблемы. М., 1969.

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974.

Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке//История СССР. 1976. № 5. С. 60—92.

Козинцев А. Г. Демография тагарских могильников//Советская этнография. 1971. № 6.

Козинцев А. Г. Переход к земледелию и экология человека// Ранние земледельцы. Л., 1980.

Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969.

Козлов В. И. Национальности СССР. (Этнодемографический обзор). 2-е изд. М., 1982 (1-е изд.— 1975).

Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977.

Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск, 1973.

Копчак В. П., Копчак С. И. Население Закарпатья за 100 лет. 1870—1970. Львов, 1977.

Коростелев Г. М. Рост народонаселения и общественный прогресс. Свердловск, 1968.

Коростелев Г. М. НТР и демографические изменения в обществе//НТР и проблемы развития общества. Свердловск, 1974. С. 24—29.

Коростелев Г. М., Пономарев Д. И. К социально-биологической проблеме в демографии//Проблемы социологии народонаселения. Свердловск, 1974. Вып. 2.

Коростелев Г. М., Бакало П. А., Башмакова Р. А., Нескоромная Т. П. Критика мальтузианских и неомальтузианских взглядов. Россия XIX — начала XX в. М., 1978.

Коростелев Г. М., Краев В. С. Буржуазные концепции народонаселения. Критический анализ. М., 1981.

Коростелев Г. М., Смирнова А. И. Народонаселение — предпосылка и субъект исторического процесса//Философские науки. 1985. № 1—2.

Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. М., 1970.

Круц С. И. Население территории Украины (по антропологическим данным). Киев, 1972.

Кукушкин Ю. С., Шелестов Д. К. К юбилею старейшего русского университета//Прошлое и настоящее демографии. М., 1980. С. 98—102.

Культурно-бытовые процессы у русских в Сибири//Отв. ред. Л. М. Русакова, Н. А. Миненко. Новосибирск, 1985.

Курман М. В. Актуальные вопросы демографии. М., 1976.

Курс демографии/Под ред. А. Я. Боярского. 3-е изд. М., 1985.

Лармин О. В. Методологические проблемы изучения народонаселения. М., 1975.

Латинская Америка: «Демографический взрыв?». М., 1971.

Лащук Л. П. Введение в историческую социологию. М., 1977. Вып. 1—2.

Лисицын Ю. П., Перекопская Л. Г. «Демографический взрыв» и неомальтузианство. М., 1979.

Литвинова Г. И. Право и демографические процессы. М., 1981.

Лысцов В. П. М. В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. Воронеж, 1969. Гл. 5. О народонаселении.

Максимов Г. И. Движение и состав населения СССР//История СССР. 1961. № 1. С. 35—51.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981, 1983.

Марксистско-ленинская теория народонаселения/Под ред. Д. И. Валентея. 2-е изд. М., 1974.

Маркузон Ф. Д. Очерки по санитарной статистике в дореволюционной России и в СССР. М., 1961.

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма/Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979.

Массовые источники по социально-экономической истории советского общества/Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979.

Медведева Т. Н. Экономические проблемы роста населения и использования трудовых ресурсов. М., 1978.

Место демографии в системе наук/Под ред. О. В. Лармина. М., 1975.

Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVII — пер. пол. XIX в.). Новосибирск, 1979.

Моисеенко В. М. Территориальное движение населения. М., 1985.

Мордухович Л. Первый трактат о народонаселении в России// Научные доклады высшей школы. Экономические науки. 1962. № 3.

Мулляджанов И. Р., Вороновский Ю. В., Цепковская Т. С. Население Узбекской ССР. Ташкент, 1973.

Мулляджанов И. Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент, 1983.

Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V—XVII вв.). М., 1973.

Нагорный А. В. Старение и долголетие. М., 1963.

Народонаселение. Ежеквартальный сборник статей/Отв. ред. Д. И. Валентей. М., 1973—1987 (с 1973 по наст. вр. вышло 52 сб.).

Народонаселение СССР и мира. Сб. стат. М., 1983.

Народонаселение СССР и некоторых зарубежных стран. Сб. стат. М., 1975.

Народонаселение стран мира. Справочник/Под ред. Б. Ц. Урланиса и В. А. Борисова. М., 1984.

Население союзных республик/Под ред. Т. В. Рябушкина. М., 1977.

Новосельский С. А. Демография и статистика. М., 1978.

О видовой продолжительности жизни людей//Вестник АН СССР, 1976. № 12.

О двух забытых областях социологических исследований//Коммунист. 1963. № 17. С. 81—87.

Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия/Под ред. акад. М. П. Кима. М., 1981.

Осколкова О. Б. Социально-экономические аспекты постарения населения в развитых капиталистических странах. Научно-аналитический обзор. ИНИОН АН СССР. М., 1982.

Осколкова О. Б. Современные демографические тенденции. М., 1984.

Основы теории народонаселения/Под ред. Д. И. Валентея. М., 1986.

Основы управления развитием народонаселения/Под ред. Н. В. Зверевой. М., 1982.

Особенности демографического развития в СССР/Под ред. Р. С. Ротовой. М., 1982.

Очерки истории географической науки в СССР. М., 1976.

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1—5. М., 1955—1985.

Палли Х. Естественное движение сельского населения Эстонии. 1650—1799. Таллин, 1980 (ротапринт, в 3 выпусках).

Панкратьева Н. В. Население и социалистическое воспроизводство. М., 1977.

Панфилова А. М. В. И. Ленин — организатор переписи 1920 г./ В. И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период. М., 1973.

Первый Всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы. Таллин, 1974.

Переведенцев В. И. 270 миллионов. М., 1982.

Перковский А. Л. К вопросу о законе народонаселения докапиталистических формаций//Демографические тетради. Киев, 1972. Вып. 4—5.

Перковский А. Л. Воспроизводство населения на Левобережной Украине в конце XVIII в.//Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976. Вып. 1. С. 76—92.

Перковский А. Л. Новые данные о населении Киева в середине XVIII в.//Вопросы истории. 1982. № 6. С. 176—179.

Перковский А. Л., Пирожков С. И. Исследование проблем демо-

графии и статистики//Становление и развитие советской экономической науки на Украине (1917—1937 годы). Киев, 1983. С. 245—267.
Петров В. В. Народонаселение Индии. М., 1978.
Пивовар Е. И. Материалы переписей населения как источник по истории советского рабочего класса//Массовые источники по истории советского рабочего класса периода развитого социализма. М., 1982.
Пирожков С. И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М., 1976.
Писарев И. Ю. Народонаселение СССР. Социально-экономический очерк. М., 1962.
Пискунов В. П. Анализ материалов дискуссии о предмете и методе демографии. Киев, 1980.
Пискунов В. П. О периодизации мирового демопроцесса. Киев, 1982.
Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 г.). Томск, 1976.
Плетнев Э. П. Международная миграция рабочей силы в капиталистической системе мирового хозяйства. М., 1962.
Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971.
Подъячих Н. Г. Население СССР. М., 1961.
Поиск ведут демографы/Составитель А. Г. Волков. М., 1986.
Покшишевский В. В. География населения СССР. М., 1971.
Покшишевский В. В. География населения зарубежных стран. М., 1971.
Покшишевский В. В. Население и география. М., 1978.
Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.
Поляков Ю. А. Население Советской России в 1917—1920 гг. (Историография и источники)/Проблемы русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 170—178.
Поляков Ю. А. Страна Советов во время образования СССР: национальный состав населения//История СССР, 1985. № 1. С. 67—86.
Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 г.//Вопросы истории. 1980. № 6. С. 39—49.
Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.
Поляков Ю. А., Киселев И. Н., Устинов В. А. К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917—1926 гг.//История СССР. 1981. № 2.
Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Новое в исторической демографии//Вестник АН СССР. 1984. № 4.
Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
Проблемы демографии. М., 1971.
Проблемы истории демографической мысли и критика буржуазных демографических концепций. Сб. ст. Киев, 1979 (ротапринт).
Проблемы исторической демографии СССР/Под ред. Р. Н. Пуллата. Таллин, 1977.
Проблемы исторической демографии СССР/Под ред. А. Д. Колесникова. Томск, 1980.
Проблемы исторической демографии СССР (период социализма)/ Под ред. В. С. Зеленчука, Кишинев, 1985.

Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. Сб. ст./Под ред. Д. И. Валентея. М., 1970.

Проблемы народонаселения и мировое развитие/Под ред. А. П. Судоплатова и А. С. Первушина. М., 1986.

Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Сб. статей. Вып. 1—7. Минск, 1970—1976.

Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М., 1979.

Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960.

Птуха М. В. Учение о народонаселении Т. Р. Мальтуса//Демографические тетради. Киев. 1972. Вып. 4—5.

Пуллат Р. Н. Городское население буржуазной Эстонии. Таллин, 1973.

Пуллат Р. Н. Городское население Эстонии с конца XVIII в. до 1940 г. Таллин, 1976.

Развивающиеся страны: демографическая ситуация и экономический рост/Под ред. Я. Н. Гузеватого. М., 1981.

Раков А. А. Население БССР. Минск, 1969.

Ревуненкова Н. В. Население Монпелье в XII в.//Средние века. М., 1967. Т. 30.

Рождаемость (проблемы изучения)/Под ред. Л. Е. Дарского. М., 1976.

Рубин Я. И. Теории народонаселения. Мальтузианское и буржуазно-антимальтузианское направление. М., 1972.

Рубин Я. И. Проблема народонаселения как объект идейно-политической борьбы. Минск, 1976.

Русский город (Исследования и материалы)/Под ред. В. Л. Янина. М., 1977—1982. Вып. 1—5.

Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М., 1980.

Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения. М., 1970.

Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI в. М., 1974.

Рыбаков Б. А. Исторические карты//Борис Александрович Рыбаков. АН СССР. Материалы к биобиблиографии ученых. М., 1978. С. 67—70.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б. А. Мир истории. М., 1984.

Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М., 1973.

Рыбаковский Л. Л. Понятие, сущность и специфика факторов демографических процессов//Вопросы воспроизводства населения и демографической политики. М., 1982. С. 5—23.

Рыбаковский Л. Л. Методологические вопросы прогнозирования населения. М., 1978.

Рябушкин Т. В., Галецкая Р. А. Динамика и структура населения в социалистическом обществе. М., 1979.

Рябушкин Т. В., Симчера В. М. Очерки международной статистики. М., 1981.

Рябушкин Т. В., Симчера В. М., Машихин Е. А. Развитие статистической науки в СССР. М., 1985.

Садовский В. Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы//Социология в СССР. М., 1965. Т. 1.

Сазонова Н. Ю., Судоплатов А. П. Актуальные проблемы народонаселения развивающихся стран. М., 1982.

Салимов Х. С. Население Средней Азии. Ташкент, 1975.

Самаркин В. В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.

Самаркин В. В. «Черная смерть» по данным современной буржуазной литературы//Вестник Моск. ун-та. История. 1976. № 3. С. 68—80.

Самаркин В. В. Историческая демография западноевропейского средневековья//Вопросы истории. 1977. № 2.

Самойлова Е. С. Население и образование. М., 1978.

Сачук Н. Н. Социально-гигиенические вопросы старости и долголетия в работах отечественных авторов//Вопросы геронтологии и гериатрии. Киев, 1962. Т. II.

Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.

Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970. М., 1973.

Серегин В. Марксизм и антимарксизм о проблеме народонаселения//Коммунист. 1964. № 3. С. 107—115.

Сванидзе А. А. К исследованию демографии шведского города//Средние века. М., 1968—1969. Т. 31, 32.

Сиверцева Т. Ф. Семья в развивающихся странах Востока. М., 1985.

Система знаний о народонаселении/Под ред. Д. И. Валентея. М., 1976.

Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.

Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.

Слесарев Г. А. Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М., 1965.

Слесарев Г. А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М., 1978.

Слука А. Е. Население Западной Европы. М., 1984.

Смирнова А. И. Понятие «демографический фактор»//Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии. Челябинск, 1973. Вып. 3.

Советская статистика за полвека (1917—1967 гг.). М., 1972. Учен. зап. по статистике. Т. XX.

Сонин М. Я. Развитие народонаселения: экономический аспект. М., 1980.

Социально-демографические проблемы развития советского общества. Сб. ст. М., 1982.

Социально-философские проблемы демографии//Вопросы философии. 1974. № 9, 11; 1975. № 1.

Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-интернациональной общности людей/Под ред. Ю. С. Кукушкина. М., 1982.

Стешенко В. С. Демография в современном мире. М., 1978.

Стешенко В. С. Изучение воспроизводства народонаселения (теоретические проблемы). Киев, 1981.

Страны и народы. Научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах/Председатель ред. коллегии Ю. В. Бромлей. М., 1978—1985.

Струмилин С. Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде. Избр. произв. М., 1964. Т. 3.

Судоплатов А. П. Демографические концепции. (Критический анализ). М., 1974.

Сысенко В. А. Устойчивость брака. М., 1981.

Татимов М. Б. Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата, 1978.

Территориальные особенности народонаселения РСФСР/Под ред. Л. Л. Рыбаковского. М., 1976.
Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973.
Ткаченко А. А. Экономические последствия современных демографических процессов в СССР. М., 1978.
Томилин С. А. Демография и социальная гигиена. М., 1973.
Томин В. П. Уровень образования населения СССР. М., 1981.
Управление развитием народонаселения в СССР/Под ред. А. Я. Кваши. М., 1977.
Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960.
Урланис Б. Ц. История одного поколения. М., 1968.
Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.
Урланис Б. Ц. Народонаселение: исследования, публицистика. М., 1976.
Урланис Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978.
Фролов И. Т. Перспективы человека. М., 1983.
Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.
Хоменко А. П. Семья и воспроизводство населения. М., 1980.
Хорев Б. С. Территориальная организация общества. М., 1981.
Хорев Б. С. Население страны: географические и демографические аспекты. М., 1986.
Хорев Б. С., Моисеенко В. М. Сдвиги в размещении населения СССР. М., 1976.
Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.
Хорев Б. С., Смидович С. Г. Расселение населения. М., 1981.
Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.)/Под ред. Р. Н. Пуллата. Таллин, 1979.
Численность и расселение народов мира/Под ред. С. И. Брука. М., 1962.
Шахотько Л. П. Воспроизводство населения Белорусской ССР. Минск, 1985.
Шелестов Д. К. История и современность (заметки об изучении исторической демографии//Население мира: вчера, сегодня, завтра. М., 1980. С. 93—104.
Шелестов Д. К. История и демография//Вопросы истории. 1981. № 5. С. 3—15.
Шелестов Д. К. Народонаселение: история термина и современность//Население СССР сегодня. М., 1982. С. 113—124.
Шелестов Д. К. Демография: история и современность. М., 1983.
Шлиндман П. И., Звидриньш П. П. Изучение рождаемости. М., 1973.
Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1980.
Яблонский Л. Т. К палеодемографии населения средневекового города Сарай Бату//Советская этнография. 1980. № 1.
Яцунский В. К. Историческая демография в СССР//Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83. С. 63—66.
Яцунский В. К. Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России//Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83.
Яцунский В. К. Роль различий в уровне естественного прироста населения в географических сдвигах в размещении населения России в XIX—XX вв.//Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83.

Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973.

5. Переводные работы*

Агесс П. Ключи к экологии. Л., 1982 (пер. с фр.).

Бертильон Ж. Статистика движения населения Франции. Спб., 1889 (пер. с фр.).

Боули А. Очерки социальной статистики. М., 1925 (пер. с англ.).

Брачность, рождаемость, семья за три века/Под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. М., 1979.

Всемирная конференция по вопросам народонаселения, 1965 год. Краткий отчет. ООН. Нью-Йорк, 1966. Т. 1.

Гиддингс Ф. Основания социологии. М., 1898 (пер. с англ.).

Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. Реферативный сборник/Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный, А. Л. Ястребицкая. М., 1984.

Детерминанты и последствия демографических тенденций. Новое краткое изложение результатов исследований о взаимодействии демографических, экономических и социальных факторов. ООН, Нью-Йорк, 1972—1975. Т. 1. Ч. 1—9.

Деятельность системы ООН в области народонаселения. Всемирная конференция по народонаселению, 1974. ООН. Нью-Йорк, 1974. (мимеограф).

Дитерици К. Ф. Народонаселение земного шара по его количеству, племенным различиям и вероисповеданиям. Спб., 1876. (пер. с нем.).

Доклад Всемирной конференции ООН по народонаселению, 1974 год. ООН. Нью-Йорк, 1975.

История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе/Под ред. Ю. Э. Янсона. Спб., 1879 (пер. с нем.).

Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе. С предисл. автора к рус. изд. Харьков, 1923 (пер. с нем.).

Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М., 1960 (пер. с фр.).

Кетле А. Человек и развитие его способностей, или Опыт общественной физики. Спб., 1865. Т. 1 (пер. с фр.).

Кетле А. Социальная система и законы ею управляющие. Спб., 1866 (пер. с фр.).

Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев, 1911. Т. I; 1913. Т. II (пер. с фр.).

Кингсли Д. Социология демографического поведения//Социология сегодня. М., 1965. С. 124—141 (пер. с англ.).

Комфорт А. Биология старения. М., 1967 (пер. с англ.).

Кондорсэ Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936 (пер. с фр.).

Краткий доклад о мировом демографическом положении в 1970—1975 годах и его долгосрочных последствиях. ООН. Нью-Йорк, 1975.

Лаплас П. С. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908 (пер. с фр.).

---

* Включая основные демографические материалы ООН на русск. яз.

Лексис В. Статьи по теории статистики населения и теории нравственной статистики/Под ред. А. А. Чупрова. Спб., 1906 (пер. с нем.).

Майо-Смит Р. Статистика и социология. М., 1901 (пер. с англ.).

Майр Г. Законосообразности в общественной жизни. Тамбов. Издан. губ. зем. управы, 1884 (пер. с нем.).

Майр Г. Закономерность в общественной жизни/Под ред. А. И. Чупрова. М., 1899 (пер. с нем.).

Майр Г. Статистика и обществоведение. Статистика населения. Спб., 1900—1901. Т. II. Вып. 1—2 (пер. с нем.).

Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения, или изложение прошлого и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода. Спб., 1868 (пер. П. А. Бибикова).

Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895 (пер. И. А. Вернера).

Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1908 (сокр. пер. И. А. Вернера).

Мировое демографическое положение в 1970 году. ООН. Нью-Йорк, 1972.

Многоязычный демографический словарь. Русское издание. ООН. Нью-Йорк, 1964 (стереотипное переиздание — 1974).

Монтескье Ш. Персидские письма. М., 1956 (пер. с фр.).

Моро-де-Жоннес А. Начальные основания статистики. Спб., 1859 (пер. с фр.).

Народонаселение и учение о народонаселении. М., 1897 (пер. статей из нем. Словаря общественных наук — «словаря Конрада»).

Нитти Ф. С. Народонаселение и общественный строй. Спб., 1898 (пер. с фр.).

Новое в зарубежной демографии. Серия сборников переводных работ. М., 1969—1986 (с 1969 г. по наст. вр. вышли 17 сб.).

ООН. ЭКОСОС. Выпуски документов Комиссии ООН по народонаселению. Публикуются под шифром E/CN.9. в связи с сессиями Комиссии. I—XXII сессии. 1947—1985 (мимеограф).

Основы геронтологии/Под ред. Л. Бине и Ф. Бурльера. М., 1960 (пер. с фр.).

Петти В. Экономические и статистические работы. М., 1940. Т. I—II (пер. с англ.).

Пресса Р. Народонаселение и его изучение. (Демографический анализ). М., 1966 (пер. с фр.).

Проблемы народонаселения. Над чем работают ученые социалистических стран. Сб. переводных статей/Под ред. Д. И. Валентея и В. В. Бодровой. М., 1977.

Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. Сб. переводных статей/Под ред. Д. И. Валентея и А. П. Судоплатова. М., 1977.

Проблемы народонаселения. Современная демографическая ситуация в развивающихся странах. Сб. переводных статей/Под ред. Д. И. Валентея и А. П. Судоплатова. М., 1982.

Развитые капиталистические страны: демографические процессы и экономическое развитие. Реферативный сборник/Отв. ред. О. Б. Осколкова. ИНИОН АН СССР. М., 1984.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1217 (XII): Демографические вопросы//Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на XII сессии, 1957 г. ООН. Нью-Йорк, 1957. С. 65.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2211 (XXI): Рост населения и экономическое развитие//Резолюции, принятые Генеральной

Ассамблеей на XXI сессии, 1966 г. ООН. Нью-Йорк, 1967. С. 175.
Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3345 (XXIX): Исследование взаимосвязи между народонаселением, окружающей средой и развитием//Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на XXIX сессии, 1974 г. ООН. Нью-Йорк, 1975. С. 211.
Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 31/170: Фонд ООН для деятельности в области народонаселения//Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на XXXI сессии, 1976 г. ООН. Нью-Йорк, 1977. С. 268.
Россет Э. Процесс старения населения. М., 1968 (пер. с польск.).
Россет Э. Продолжительность человеческой жизни. М., 1981 (пер. с польск.).
Рост городского и сельского населения мира, 1920—2000. ООН. Нью-Йорк, 1970.
Рюле О. Хлеб для шести миллиардов. М., 1965 (пер. с нем.).
Сови А. Отношение между демографией и социальными науками в капиталистических странах//Вопросы философии. 1957. № 6. С. 90—101.
Сови А. Общая теория населения. М., 1977. Т. 1—2 (пер. с фр.).
Уиппль Дж. Ч., Новосельский С. А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929 (пер. с англ.).
Философия и методология истории. Сб. переводных статей/Под ред. И. С. Кона. М., 1977.
Фильрозе Э. Очерки потенциальной демографии. М., 1975 (пер. с польск.).
Харрисон Дж. и др. Биология человека. 2-е изд. М., 1979 (1-е изд. — 1968) (пер. с англ.).
Юм Д. О населенности древних народов, каковою она является из писаний историков, мудрецов и стихотворцев тех времен. Спб., 1806 (пер. с англ.).

6. Библиографические издания

Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература 1965—1968 гг.)/Под ред. Д. И. Валентея и Э. Ю. Бурнашева. М., 1971.
Библиография по проблемам народонаселения. (Советская и переводная литература 1960—1971 гг.)/Под ред. Д. И. Валентея и Э. Ю. Бурнашева. М., 1974.
Библиография по проблемам народонаселения (1972—1975)/Под ред. Д. И. Валентея и Э. Ю. Бурнашева. М., 1977.
Литература о населении. Библиографический указатель (1975—1978 гг.)/Под ред. Д. И. Валентея и Э. Ю. Бурнашева. М., 1981.
Литература о населении. Указатель (1979—1983 гг.)/Под ред. Д. И. Валентея и Э. Ю. Бурнашева. М., 1987.
Библиография работ по истории статистики в СССР (1917—1970 гг.)//Советская статистика за полвека. М., 1972. С. 306—330.
Машихин Е. А., Симчера В. М. Статистические публикации в СССР. Библиографический указатель. М., 1975.
Библиография по исторической демографии Эстонии. Таллин, 1969 (на эст. языке, резюме и часть работ на рус. яз.).
Библиография//Численность, структура и движение населения. Таллин (АН ЭССР), 1981. С. 67—105.
Проблемы демографии в Латвийской ССР. Библиографический указатель. 1957—1977. Рига, 1979. Значит. часть работ на русск. яз.

Библиографический указатель работ сотрудников Отдела демографии НИИ ЦСУ СССР по демографии и демографической статистике/Под ред. А. Г. Волкова. М., 1980, 1986.

Индекс народонаселения (в 1934—1937: Литература о народонаселении). Ежеквартальник Отдела народонаселения Принстонского университета и Американской ассоциации народонаселения. Издается на англ. яз. в Принстоне с 1934 г. по наст. время. Имеется рубрика литературы по исторической демографии.

Историческая демография. Библиография//Анналы исторической демографии (на франц. яз.: Париж, 1964 — по наст. время).

Международная библиография по исторической демографии. Ежегодник. Издается на англ. и франц. яз. в Льеже с 1980 Международной Комиссией по исторической демографии, Обществом исторической демографии и Комитетом исторической демографии Международного союза по исследованию народонаселения.

7. Работы на иностранных языках

Acsády Gy., Nemeskéri J. History of human life span and mortality. Budapest, 1970.

Anderson B. A. Data Sources in Russian and Soviet Demography//Demographic Developments in Eastern Europe. N. Y., 1977.

Annales de démographie internationale/Ed. A. Chervin. P., 1877—1882.

Ariès Ph. Histoire de populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XVIIIe siècle. P., 1971.

Ariès Ph. L'homme devant la mort. P., 1977.

Armengaud A. L'Evolution Démographique de L'Europe aux XIX-et XX-e siècles//International Union for the Scientific Study of Population. General Assembly and Conference. L., 1969. IX. Proceedings.

Beloch K.-J. Die Bevölkerung der grechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886.

Beloch K.-J. Die Volkszahle als Factor und Grandmesser der historische Entwiklung//Historische Zeitschrift. München und B., 3 Folge. 1913. B. 15. S. 321—337.

Benjamin B., Prothero R. Reviéw of Population Studies. L., 1975.

Benini Granelli. Introduzione alla demografia storica. Firence, 1974.

Bonar J. Theories of population from Raleigh to Artur Yunge. N. Y., 1931.

Botero G. The Reason of State. L., 1956.

Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme XV—XVIII siècle. P., 1979. V. 1.

Buquet L. Démographie. P., 1974.

Caldwell J. C. Toward a restatement of demographic transition theory//Population and Development Review. 1976. V. 2. № 3—4.

Carr-Saunders A. M. The population problem. Oxford, 1922.

Carr-Saunders A. M. World population. Oxford, Clarendon Press, 1936.

Coale A. J., Anderson B. A., Härm E. Human Fertility in Russia: the Demographic Transition in a Unique Historical Setting. Princeton University Press, 1979.

Cox P. R. Demography. Cambridge, 1950.

Csillag P. The Augustian Law of family relations. Budapest, 1976.

Dupâquier J. Bilan et Perspectives des Recherches Françaises en Démographie Historique//International Union for the Scientific Study

of Population. General Assembly and Conference. L., 1969. IX. Proceedings.
Dupâquier J. Sur une table (prétendument) florentine d'espérance de vie//Annales. E. S. C., 1973. № 4. P. 1066—1077.
Dupâquier J. Introduction à la démographie historique. P., 1974.
Dupâquier J. Pour la démographie historique. P., 1984.
Dupâquier J. et M. Histoire de la démographie. La statistique de la population des origines a 1914. P., 1985.
Durand J. The modern expansion of world population//Proceedings of the American Philosophical Society (Philadelphia). June 1967. N III(3). P. 136—159.
Fischer E. Giovanni Botero. Ein politischer und volkswirtschaftlicher Denker der Gegenreformation. Bern, 1952.
Flaskämper P. Grundriss der sozialwissenschaftlichen Statistik. Teil I. Allegemeine Statistik. Teit 2. Bevölkerungsstatistik. Hamburg, 1959, 1962.
Glass D. Some Aspects of the Development of Demography// Journal of the Royal Society of Arts, CIV, 1956. P. 654—668.
Gonnard R. Histoire des doctrines de la population. P., 1923.
Goubert P. Cent mille provinciaux au XVIIe siècle. Beauvais et le Beauvisis de 1600 à 1730. P., 1968.
Goubert P. Vingt-cinq ans de démographie historique//Sur la population française au 18-e et au 19-e siècles. P., 1973. P. 312—321.
Graunt J. Natural and Political Observations made upon the Bills of Mortality/Ed. by W. Willcox. Baltimore, 1939.
Guillaume P., Poussou J.-P. Démographie historique. P., 1970.
Guillard A. Eléments de statistique humaine ou démographie comparée P., 1855.
Histoire économique et sociale de la France. P., 1970. T. II; P., 1976. T. III.
Historisch-demographische mitteilungen. 1978—1981. N 1—4 (Budapest).
Hollingsworth T. H. Historical Demography. N. Y., 1969.
Imhof A. E. Einführung in die Historische Demographie. München, 1977.
Khalatbari P. Bevölkerungsdinamik und Gesellschaft. B., 1977.
Kirsten E., Buchholz E. W., Köllmann W. Bevölkerung und Raum in neuerer und neuster Zeit. Frankfurt, 1956. Bd. 1—2.
Kovacsics J. (red.): A történeti statistika forrásai. Budapest, 1957; Magyarország történeti demográfiaja. Budapest, 1963. (Обе книги имеют подробные аннотации на рус. яз.)
Krause J. Some Comments on the Historical Demography of the U. S.//International Union for the Scientific Study of Population. General Assembly and Conference. L., 1969. IX. Proceedings.
Krzywicki L. Primitive Society and its Vital Statistics. Warsaw, 1934 (*Krzywicki L.* Dziela. Warszawa, 1947—1961. T. 1—5.).
La population française: Histoire de la population avant 1789 et démographie de la France, comparée à celle des autres nations au XIX siècle/Ed. E. Levasseur. P., 1889, T. I; 1891, T. II; 1892, T. III.
Landry A. La Révolution démographique: ètudes et essais sur les problèmes de la population. P., 1934.
Landry A. Traité de démographie. P., 1945 (1949).
Lewis R. A., Rowland R. H., Clem R. S. Nationality and Population Change in Russia and the USSR. N. Y., Wash., L., 1976.
Lewis R. A., Rowland R. H. Population Redistribution in the USSR. N. Y., 1979.

Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, League of Nations, 1946.
Marriage and Remarriage in Populations of the Past. L., N. Y., 1981.
Notestein F. W. et al. The Future Population of Europe and the Soviet Union. Geneva, League of Nations, 1944.
Notestein F. W. Population: The long view.— In: Food for the World. Chicago, 1945. P. 36—47.
Notestein F. W. The population of the World in the year 2000// Journal of the American Statistical Association, 1950. V. 45, N 251. P. 335—345.
Partan D. Population in the United Nations System. Leiden, 1973.
Petersen W. A demographer's view of prehistoric demography// Current Antropology (Chicago), 1975. V. 16. N 2. P. 227—245.
Population in History. Essays in Historical Demography/Ed. by D. V. Glass and D. E. C. Eversley. L., 1965.
Reinhard M. R. et *Armengaud A.* Histoire générale de la population mondiale. P. Editions Montchrestien, 1961.
Reinhard M. La révolution française et le problemè de la population//Population. 1946. N 1 (3). P. 419—427.
Reuter E. Population problems. Philadelphia, 1923.
Rosset E. Rodowód statistyki i demografii//Wiadomości statistyczne. 1968. N 3. S. 1—5.
Schwarz W. 26 Thesen zur Situation und Aufgaben-Stellung der Bevölkerungswissenschaft//Zeitung Bevölkerungswissenschaft. 1982. N 1. S. 3—14.
Seutemann K. Ulpianus als Statistiker//Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. 1907. V. 31. N 2. S. 247—258.
Smith K. The Malthusian Controversy. L., 1951.
Studies in American Demography/Ed. by W. F. Willcox. Ithaka. N. Y., Cornell University Press, 1940.
Studies in American Historical Demography/Ed. by M. Vinovskis. Academy Press, 1979.
Symonds R., Carder M. The United Nations and the Population Questions. N. Y., 1973.
The Study of Population. An Inventore and Appraisal/Ed. by P. M. Hauser and O. D. Dunkan. Chicago, 1959 (1963).
Thomilinson R. Goals and Contents of a Survey Course in Population//Canadian Studies in Population. 1979. V. 6. P. 171—180.
Tompson W. S. Population//The American Journal of Sociology. 1929. V. 34. N 6.
Tompson W. S. Population problems. N. Y., 1930.
Willcox W. Statistics at International Congresses on Hygiene and Demography//Quarterly Publications of the American Statistical Association. 1912. V. 13. N 98. P. 182—185.
Willcox W. F. Increase in the Population of the Earth and of the Continent Since 1650//International Migrations. N. Y., 1931. V. II. P. 32—83.
Wrigley E. A., Schocield R. S. The Population History of England. 1541—1871. L., 1981.
Vilquin E. La naissance de la démographie//Population et Famille. 1976. N 3. P. 145—154.
Villey D. Leçons de démographie. P., 1957. V. 1.
Ensislopédie, ou Dictionare universel raisonné des connaissances humaines. Yverdon, 1774. V. XXXIV. (D. L. Population. P. 585—603).

Larousse P. Grand Dictionnaire universel du XIX-e siècle. 1866. T. 12. (Population); 1869. V. 14. (Statistic); 1877. V. 16. (Démographie).
Encyclopedia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge. Chicago, L., Toronto. V. 7 (Demography); V. 18 (Population); V. 23 (Vital Statistics).
Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1934. V. 12 (Population).
Дзинко дайдзитэн (Энциклопедия народонаселения, на яп. яз.). Токио, Хэйбонся, 1957.
International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1968. V. 15 (Population).
Meyers Neues Lexicon (DDR). 1972. T. 2 (Demografia); 1972. V. 3 (Bevölkerungsstatistik).
Trebici V. Mică enciclopedie de demografie. Bucureşti, 1975.
International Encyclopedia of Population/Ed. by John A. Ross. N. Y., L., 1982. V. 1—2.
Demographic Dictionary in Interlingua, English and French/Ed. by H. Hyrenius. Cothenburg, 1971.
Demografia Vortaro. Praha, 1974.
Glosario de términos demográficos. Habana: Editorial de ciencias sociales, 1977.

Список иллюстраций

30 с. Обложка первого издания книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Из кн.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 24.

44 с. «Демографический взрыв» во второй половине XX века. Из кн.: *Агесс П.* Ключи к экологии. М., 1982. С. 56.

49 с. Рост численности мирового населения и изменение его некоторых качественных характеристик в XIX—XX веках. Из кн.: *Араб-Оглы Э. А.* Демографические и экологические прогнозы. М., 1978. С. 150.

64 с. Современная публикация трактата М. В. Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа». Из кн.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 6. С. 384.

74 с. Возрастные пирамиды населения Франции с 1775 г. по 1959 г. Из кн.: *Пресса Р.* Народонаселение и его изучение. М., 1966. С. 268.

80 с. Возрастно-половая структура населения Франции в 1950 г. Из кн.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. ООН. Нью-Йорк, 1975. Т. I. Часть четвертая. С. 783.

97 с. Эволюция со второй половины XVIII в. до конца XX в. рождаемости, смертности и естественного прироста населения современных экономически развитых и развивающихся стран. Из кн.: Краткое изложение мирового демографического положения в 1970 году. ООН. Нью-Йорк, 1970—1971. С. 5.

110 с. Фрагмент переписного листа переписи населения Российской империи 1897 г. Из кн.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 316.

118 с. *1* — гипотеза экспоненциального роста населения Земли; *2* — предполагаемый фактический рост (по Ж.-Н. Бирабену).. Из

кн.: *Вишневский А. Г.* Воспроизводство населения и общество. М., 1982. С. 67.

137 с. Главные мировые миграции населения в XVII — первой половине XIX веков. Из кн.: *Покшишевский В. В.* География населения зарубежных стран. М., 1971. С. 38.

139 с. Изменение уровней смертности населения ряда стран во время и после первой и второй мировых войн. Из кн.: *Поляков Л. Е.* Цена войны. Демографический аспект. М., 1985. С. 75.

142 с. Миграции населения в конце XIX—начале XX веков. Из кн.: *Покшишевский В. В.* География населения зарубежных стран. С. 41.

145 с. Среднегодовые темпы роста мирового населения. Из кн. World population prospects. UN. N.-Y., 1985. P. 14.

149 с. На долю развивающихся стран приходится... Из кн.: *Иванов С. Ф.* Развивающиеся страны: демографический взрыв. М., 1984. С. 46.

159 с. «Черная смерть» — эпидемия чумы в 1347—53 гг. Из кн.: *Урланис Б. Ц.* Рост населения Европы. М., 1941. С. 344.

160 с. Диаграмма изменения численности населения в XVI — XIX веках. Из кн.: Страны и народы. Земля и человечество. Общий обзор. М., 1978. С. 133.

163 с. Динамика естественного прироста населения Европейской России в конце XIX — начале XX веков. Из кн.: *Урланис Б. Ц.* Рост населения Европы. С. 342.

165 с. Возрастная пирамида населения Европейской России в 1897 г. Из кн.: Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 256.

168 с. Возрастная пирамида населения СССР в 1926 г. Из кн.: Воспроизводство населения СССР. С. 256.

170 с. Изменение структуры причин смерти. Из кн.: Воспроизводство населения СССР. С. 85.

172 с. Возрастная пирамида населения СССР в 1970 г. Из кн.: Воспроизводство населения СССР. С. 257.

175 с. Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения СССР, РСФСР и Тадж. ССР. Из кн.: Демографический энциклопедический словарь. С. 379, 434, 464.

177 с. Средняя продолжительность предстоящей жизни населения СССР 1968—1971 гг. Из кн.: *Урланис Б. Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М., 1978. С. 50.

179 с. Динамика общего коэффициента рождаемости в СССР и некоторых союзных республиках. Из кн.: Воспроизводство населения СССР. С. 179.

189 с. Титульный лист современного переиздания книги Д. Граунта.

207 с. Эмблема Всемирного года народонаселения (1974 г.).

212 с. Эмблема Международного года женщин (1975 г.).

218 с. Эмблема Международного года ребенка (1979 г.).

На форзацах — условно-схематическое изображение изменения динамики численности мирового населения и населения СССР.

Именной указатель*

Абель В., нем. экономист 1-й трети XX в. 202
Авербух М. С., сов. демограф. 226, 242
Александр I, рос. император (1801—1825). 194
Александров В. А., сов. историк. 229
Алексеев В. В., сов. историк. 240
Алексеев В. П., сов. историк, чл.-кор. АН СССР. 117, 128, 155, 236
Алиева В. Ф., сов. демограф. 230
Ананьева Г. Е., сов. демограф. 10 11, 233, 242
Андреев Е. М., сов. демограф. 170 182, 237
Анджел И., амер. палеодемограф. 221
Андэрсон Б., амер. демограф. 220
Анри Л., фр. историк-демограф. 212, 214, 215, 218
Анрипин Ж., канадск. демограф. 209
Антадзе К. Д., сов. историк. 111
Антонов А. И., сов. социолог. 79
Анучин Е. Н. (1831—1905), рус. статистик. 59
Араб-Оглы Э. А., сов. социолог. 148
Ариес Ф., фр. демограф. 209
Арменго А. фр. историк-демограф. 210
Афанасьев А. П., сов. историк. 236

Баранович А. И., сов. историк. 227
Барг М. А., сов. историк. 226
Баталина Т. С., сов. демограф. 230
Батенин С. С., сов. философ. 33
Баткис Г. А. (1895—1960), сов. демограф, чл.-кор. АМН СССР. 223
Бахрушин С. В. (1882—1950), сов историк, чл.-кор. АН СССР. 227
Бедный М. С., сов. медик и демограф. 79
Бёк Р. (1824—1907), нем. статистик. 62
Бекмаханова Н. Е., сов. историк. 240
Белецкая В. А., сов. историк. 227
Белова В. А. (1933—1986), сов. демограф. 79
Белох К. Ю. (1854—1929), нем. историк. 107, 196, 197, 221
Берент Д., амер. историк. 220
Бернулли Х. (1782—1863), швейц. матем. и статистик. 45, 58
Бескровный Л. Г. (1905—1980), сов. историк. 218, 235
Бессмертный Ю. Л., сов. историк. 109, 242
Биккель В., нем. историк 1-й трети XX в. 204
Бильфельд Я. (1717—1770), нем. статистик — государствовед. 191
Бирабен Ж.-Н., фр. демограф. 118
Блекер В., амер. демограф сер. XX в. 205
Боден Ж. (1530—1596). фр. политич. писатель, историк. 187
Бодрова В. В. сов. демограф. 66
Бонар Д., англ. историк науки 1-й трети XX в. 56
Бондарская Г. А., сов. демограф. 79
Борисов В. А., сов. демограф. 79, 83
Борткевич В. И. (1868—1931), статистик и демограф, до 1901 г. работал в России, затем — в Германии. 62
Боярский А. Я. (1906—1985), сов. демограф. 12, 68, 104, 169, 224, 243, 244
Бояршинова З. П. сов. историк. 229
Брокгауз Ф., нем. издатель XIX в. 60
Бромлей Ю. В., сов. историк, акад. АН СССР. 92, 128, 131
Брук С. И., сов. географ и этнограф. 11, 144, 234
Бурнашев Э. Ю., сов. демограф-страновед. 120
Бухгольц Э., западногерм. географ. 210
Бюхер К., нем. историк 2-й пол. XIX в. 196

Вайнштейн О. Л., сов историк. 194
Валентей Д. И., сов. экономист и демограф. 4, 12, 18, 20, 47, 62, 68, 73, 101, 183
Васильев В. И., сов. историк. 237
Васькина Л. И., сов. историк. 112
Вахтре С. Х., сов. историк. 218, 232
Вейнберг Б. П., рус. географ нач. XX в. 154, 156, 161
Венс Р., амер. демограф. 77
Веселовский С. Б. (1876—1952), сов. историк, акад. АН СССР. 237
Вишневский А. Г., сов. демограф. 10, 11, 34, 71, 92, 124, 136, 212, 231, 237, 238, 243
Власова И. В., сов. историк. 241
Водарский Я. Е., сов. историк. 10, 110, 154, 156, 160, 161, 230, 235, 239
Воейков А. И. (1842—1916), рус. географ, чл.-кор. Петерб. АН 200
Волков А. Г., сов. демограф. 5, 11, 19, 34, 68, 69, 79
Волков Е. З. (1883—1942), сов. экономист. 223

* Без учета библиографии

Вольтер Ф. (1694—1778), фр. просветитель. 191, 192, 194
Воробьев В. В., сов. географ. 240
Воссиус И. (1618—1689), западноевроп. теолог. 188, 192
Вяткин А. Р., сов. историк. 82, 242

Гагарин Д. П., рус. статистик-государствовед сер. XIX в. 163
Галлей Э. (1656—1742), англ. математик. 188
Ганнушкин М. Б., рус. экономист конца XIX в. 200
Гапоненко Л. С., сов. историк. 111
Гарданов В. К., сов. этнограф. 230
Герценштейн Г., рус. медик 2-й пол. XIX в. 200
Гиббон Э. (1737—1794), англ. историк. 191
Гийом П., фр. историк-демограф. 7, 211
Гийяр А. (1799—1876), фр. естествоиспытатель. 58, 59
Гитлер А., фюрер фаш. рейха (1933—1945). 152
Гласс Д. (1911—1978), англ. демограф. 7, 57, 207, 211, 212
Гоголь Н. В. (1809—1852), рус. писатель. 163
Гозулов А. И. (1892—1981), сов. демограф. 116
Готье Ю. В. (1873—1943), сов. историк, акад. АН СССР. 154
Гражданников Е. Д., сов. экономист. 154
Гранат, братья, рус. издатели конца XIX.— нач. XX в. 28
Гранелли Беннини Л., итал. демограф. 7
Граунт Д. (1620—1674), автор исследования англ. бюллетеней смертности. 56—58, 77, 188, 189
Греков Б. Д. (1882—1953), сов. историк, акад. АН СССР. 227
Губер П., фр. историк-демограф. 7, 8, 104, 212, 213, 216, 218
Гузеватый Я. Н., сов. демограф. 18, 19, 34, 101
Гусейнова А. М., сов. демограф. 111

Дамилавилль Э. (1721—1768), фр. историк-просветитель. 91
Даниленко И. С., сов. социолог. 18, 19, 125
Дарвин Ч. (1809—1882), англ. естествоиспытатель. 29
Дарский Л. Е., сов. демограф. 79
Дашинская З., польск. экономист нач. XX в. 107
Ден В. Э., рус. экономист нач. XX в. 200
Дербек Ф. А., рус. медик нач. XX в. 200
Дженнер Э. (1749—1823), англ. врач. 138
Дживелегов А. Г., рус. историк нач. XX в. 200
Дзарасова И. В., сов. демограф. 132, 231
Диви Е., амер. палеодемограф. 221
Дидро Д. (1713—1784), фр. философ. 191
Дитерици К. (1790—1859), нем. статистик. 195
Дмитриев С. С., сов. историк. 105
Дмитриева Р. М. сов. демограф. 170, 182, 237
Дробижев В. З., сов. историк, 8, 10, 12, 111, 112, 158, 162, 169, 231, 232, 239
Дружинин Н. М. (1885—1986), сов. историк, акад. АН СССР. 164
Дружинина Е. И., сов. историк, чл.-кор. АН СССР. 240
Дубинин Н. П., сов. генетик, акад. АН СССР. 33
Дункан О., амер. социолог сер. XX в. 46, 68
Дюбуа У. (1868—1963), амер. историк. 143
Дюпакье Ж., фр. историк-демограф. 7, 8, 90, 104, 207, 210, 213, 214, 217
Дюран Д., амер. демограф сер. XX в. 156, 203
Екатерина II, рос. императрица (1762—1796). 162, 200
Елизаров В. В., сов. демограф. 101, 183
Ефрон И., рус. издатель конца XIX — нач. XX в. 60
Женико Л., бельг. историк. 108
Жилин П. А. (1914—1987), сов. историк, чл.-кор. АН СССР. 106
Жуковский Ю. Г. (1822—1907) рус. экономист. 200, 202
Загладин В. В., сов. философ. 146
Загородная Е. М., сов. историк. 234
Зверева Н. В., сов. демограф. 18, 19, 48, 83, 101, 183
Звидриньш П. П., сов. демограф. 82, 234
Зеленчук В. С., сов. историк. 272, 240
Ильина И. И., сов. демограф. 237

Ильинский А. К., рус. историк 2-й пол. XIX в. 200
Имхоф А., западногерм. историк-демограф. 7, 219
Инама-Штернегг К. (1843—1908), нем. статистик. 201, 202
Исламов С. И., сов. демограф. 234
Исупов В. А., сов. историк. 240

Кабо Е. О. (1888—1968), сов. социолог. 230
Кабузан В. М., сов. историк. 110, 111, 164, 218, 229, 235, 240
Кавеньяк Э. (1876—1950), фр. историк. 204
Калинюк И. В., сов. демограф. 79, 181
Кало Ж., фр. демограф. 151
Каминский Л. С. (1889—1962), сов. медик. 226
Канкрин Е. Ф., росс. госуд. деятель, министр финансов (1823—1844). 163
Караханов М. К. (1920—1985), сов. демограф. 230
Карр-Саундерс А. (1866—1960), англ. демограф. 203
Касперович Г. И., сов. историк 234

Кастильони Д., итал. статистик сер., XIX в. 196
Кахк Ю. Ю., сов. историк, акад. АН ЭССР. 218, 232, 236
Каченовский М. Т. (1775—1842). рус. историк. 194
Кваша А. Я., сов. демограф. 68 81, 152, 230, 231
Кедров Б. М. (1903—1985), сов. философ, акад. АН СССР. 43
Кейзер Э., амер. демограф сер. XX в. 204
Келле В. Ж., сов. философ. 17
Кенэ Ф. (1694—1774), фр. экономист. 191
Кёльман В., западногерм. географ сер. XX в. 210
Кёчке Р. (1867—1940), нем. историк. 191, 196
Ким М. П., сов. историк, акад. АН СССР. 16, 103, 104
Кинг Г. (1648—1712), англ. экономист. 188
Кирстен Э., западногерм. географ сер. XX в. 210
Киселев И. Н., сов. историк. 167
Клочков М., рус. историк нач. XX в. 200
Ковалевский М. М. (1851—1916). рус. историк, акад. Петерб. АН. 199
Ковальзон М. Я., сов. философ. 17
Ковальченко И. Д., сов. историк, чл.-кор. АН СССР. 12, 111, 112, 113, 158, 162, 164
Ковачич И., венг. историк-демограф. 139, 140
Козинцев А. Г., сов. историк. 236
Козлов В. И., сов. этнограф. 8, 37, 79, 88, 89, 118, 155, 156, 237
Козлов В. С., сов. статистик 50-х годов. 226
Козлова Л. Л., сов. статистик. 230, 231
Кокс П., англ. демограф. 221
Колесников А. Д., сов. историк. 239, 240
Кон И. С., сов. философ. 92, 212
Кондорсе Ж. А. (1743—1794), фр. философ-просветитель. 193
Копанев А. И., сов. историк. 227
Копчак В. П., сов. демограф. 240
Копчак С. И., сов. демограф. 240
Корнаковский И. Л., сов. историк. 234
Коростелев Г. М., сов. философ. 12 17, 19, 23, 38, 49, 100, 101
Корхов Ю. А., сов. историк. 226
Корчак-Чепурковский Ю. А. (1896—1967), сов. демограф. 225
Кост А. (1842—1901), фр. социолог. 198, 199
Коул Э., амер. демограф. 219, 220
Краев В. С., сов. философ. 23, 49, 100, 101
Кривоногов В. П., сов. историк. 237
Круц С. И., сов. историк. 236
Кузьмина Е. Е., сов. историк. 236
Кузнецов И. И., сов. историк. 234
Кукушкин Ю. С., сов. историк, чл.-кор. АН СССР. 12, 64, 168
Кунгурова Н. И., сов. демограф. 180
Куркин П. И. (1858—1934), рус. санит. статистик. 200, 223, 225
Курносов Ю. А., сов. историк. 234
Кучинский Р. (1876—1947), нем. демограф. 62, 202
Кшивицкий Л. (1859—1941), польск. палеодемограф. 204

Ландри А. (1874—1956), фр. демограф. 20, 56, 72, 84, 85, 188, 204, 205
Лаплас П. (1749—1827), фр. математик, акад. Петерб. АН. 58
Лаппо-Данилевский А. С. (1863—1919), рус. историк, акад. Петерб. АН. 201
Лармин О. В., сов. философ. 87
Ларусс П. (1817—1875), фр. книгоиздатель. 59
Ласлетт П., англ. историк-демограф. 215
Левассер Э. (1828—1911), фр. экономист и историк. 107, 197, 198
Ленин В. И. (1870—1924). 4, 24, 29, 31, 33, 37, 71, 86, 127, 169, 180, 187
Лерберг А.-Х. (1770—1813), рус. историк. 194
Лиги Х., сов. историк. 218
Литвинова Г. И., сов. демограф. 134
Лозинский А. А., сов. историк. 241, 242
Ломоносов М. В. (1711—1765), рус. ученый. 64
Лоример Ф. (1894—1976), амер. демограф. 57, 219
Лотка А. (1880—1949), амер. биолог и демограф. 62
Лучинский Г. А., рус. историк XIX в. 194
Любавский М. К. (1860—1936), сов. историк, акад. АН СССР 201

Макиавелли Н. (1469—1527), итал. политич. писатель. 187
Маркс К. (1818—1883). 22, 24, 29—31, 33, 35—39, 53, 71, 85—87, 96, 101, 102, 113, 127, 128, 132, 133—135, 138, 143, 157
Маркузон Ф. Д. (1884—1957), сов. статистик и демограф. 226
Машанова Л. В., сов. историк. 230
Медведева Т. Н., сов. экономист. 18, 19, 81
Медков В. М., сов. демограф. 18, 19
Мейер Э., нем. статистик конца XIX в. 201
Мельников Д., сов. публицист. 152
Мересте У. И., сов. статистик. 10, 234
Мёвре Ж., фр. историк-экономист сер. XX в. 213
Милюков П. Н. (1859—1943), рус. историк. 160, 200
Молс Р., бельг. историк сер. XX в. 209
Мирабо В. (1715—1789), фр. экономист. 191
Миронов Б. Н., сов. историк. 238
Момберт П. (1876—1935), нем. демограф. 204
Моммзен Т. (1817—1903), нем. историк. 195
Монтескье Ш. (1669—1755), фр. просветитель. 190, 191
Моро-де-Жоне А. (1778—1870), фр. статистик. 195

Московский А. С., сов. историк. 234
Мулляджанов И. Р., сов. демограф. 230
Муравьев А. В., сов. историк. 12, 92, 162

Никитюк Б. А., сов. философ. 33
Николаев А. А., сов. историк. 234
Николай I, росс. император (1825—1855). 163
Новосельский С. А. (1872—1953). сов. демограф, акад. АМН СССР. 28, 223, 226
Нотештейн (Нотестайн) Ф. (1902—1983), амер. демограф. 205, 219

Окладников А. П. (1908—1981), сов. историк, акад. АН СССР. 236
Осколкова О. Б., сов. демограф. 62

Павлик З., чехосл. демограф. 234
Паевский В. В. (1893—1934), сов. демограф. 67
Палли Х. Э., сов. историк. 109, 110, 214, 232, 241
Папий и Поппей, имена римских консулов (I в. н. э.). 133
Первушин А. С., сов. демограф. 82
Переведенцев В. И., сов. демограф. 183
Перковский А. Л., сов. историк. 164, 235, 236, 242
Петр I, русск. царь (с 1682), росс. император (1721—1725). 194, 239
Петров В. В., сов. демограф. 82
Петтенкофер М. (1818—1901), нем. ученый-гигиенист. 138
Петти В. (1623—1687), англ. экономист. 57, 188
Пиренн Г. (1862—1940), фр. историк. 204
Пирожков С. И., сов. демограф. 79
Плетников Ю. К., сов. философ, 29
Плеханов Г. В. (1856—1918), рус. революционер, пропагандист марксизма. 29, 198
Плоских В. М., сов. историк. 230
Плотников В. К., сов. философ. 33
Погожев А. В., рус. историк и статистик конца XIX в. 200
Покшишевский В. В. (1905—1984), сов. экономгеограф. 8, 155, 156, 229
Поляков Ю. А., сов. историк, чл.-кор. АН СССР. 8, 10, 167, 231, 232, 245, 250
Пономарев А. П., сов. историк. 234
Пресса Р., фр. демограф. 75
Пронин В. И., сов. историк. 239
Птуха М. В. (1884—1961), сов. демограф, акад. АН УССР. 193, 223
Пуассу Ж., фр. историк-демограф. 7, 211
Пуллат Р. Н., сов. историк. 10, 93, 111, 218, 232, 233, 240, 241

Рассел Д., амер. историк-демограф. 221
Ратцель Ф. (1844—1904), нем. географ, этнограф. 202
Рашин А. Г. (1888—1960), сов. историк. 60, 97, 164, 224, 225
Ревуненкова Н. В., сов. историк. 241, 242
Рейнар М., фр. историк-демограф. 6, 204, 209, 210, 218
Рейтер Э., амер. социолог 1-й трети XX в. 45
Рейхель И. Г., проф. Моск. ун-та в конце XVIII в. 191
Ригли Е. англ. историк-демограф. 122
Риччиоли Д. (1598—1671), итал. иезуит, астроном. 188
Роллер О., нем. историк нач. XX в. 212, 213
Россет Э., польск. демограф. 79, 129, 152
Руткевич М. Н., сов. философ. 40
Рыбаков Б. А., сов. историк, акад. АН СССР. 12, 94, 95, 157, 160, 227
Рыбаковский Л. Л., сов. демограф. 18, 82, 180
Рындзюнский П. Г., сов. историк. 164
Рюмелин Г., нем. статистик сер. XIX в.

Самаркин В. В. (1930—1976), сов. историк. 92, 135, 221, 242
Сахаров А. М. (1923—1978), сов. историк. 187
Сванидзе А. А., сов. историк. 242
Семевский В. И. (1848—1916), рус. историк. 201
Семенова А. С., сов. статистик. 226
Семенов Ю. И., сов. историк. 131
Сивачев Н. В. (1933—1982), сов. историк. 113
Сидоров П. А., сов. историк. 230
Сиземская И. А., сов. философ. 31
Сименон Ж., фр. писатель. 151
Сифман Р. И. (1900—1978), сов. демограф. 79, 166, 230
Смирнов П. П., сов. историк. 201, 227
Смирнова А. И., сов. философ. 12, 19, 100, 101
Сови А., фр. демограф. 56, 84, 129
Стешенко В. С., сов. демограф. 18, 19, 35, 81, 244
Струве П. Б. (1870—1944), рус. публицист. 187
Струмилин С. Г. (1877—1974), сов. экономист, акад. АН СССР. 60, 180, 223, 225
Судоплатов А. П., сов. демограф. 10, 11, 233

Тайлер Уот (? — 1381), рук. народн. восстания. 222
Татимов М. Б., сов. демограф. 10, 11, 20
Тихвинский С. Л., сов. историк, акад. АН СССР. 248
Ткаченко А. А., сов. экономист. 81
Тольц М. С., сов. демограф. 238
Томпсон У., амер. социолог 1-й пол. XX в. 45, 205
Требич В., румын. демограф. 73
Троицкий С. М., сов. историк. 229
Тройницкий А. Г. (1807—1871), рус. статистик. 163

Уилкокс У. (1861—1964), амер. демограф. 203
Уйбу Х., сов. историк. 236

Уоллес Р. (1697—1771), англ. экономист. 191
Урланис Б. Ц. (1906—1981), сов. демограф. 60, 79, 81, 83, 96, 97, 114, 120, 140, 154—157, 160, 171, 178, 224—226, 231, 237, 242, 244
Ушер А. (1883—1950), амер. экономист. 203

Федосов И. А., сов. историк, акад. АПН СССР. 12
Флёри М., фр. историк-архивист. 214
Фортунатов А. Ф. (1856—1925), рус. статистик. 59
Фостер У. (1881—1961), амер. историк. 143
Фосетт Д., амер. психолог. 83
Франц Г., западногерм. историк. 203
Фридрих II, прус. король (1740—1786). 152
Фролов И. Т., сов. философ, чл.-кор. АН СССР. 146

Хаджнал Д., англ. демограф. 212
Харм Э., амер. демограф. 220
Хир. Д., амер. демограф. 220
Хиреннус Г., швед. демограф. 73, 213
Холлингсворт Т., англ. историк-демограф. 7, 88, 89, 98, 104, 108, 122, 208, 212, 215
Хоуэлл В., амер. археолог. 221
Хорев Б. С., сов. экономгеограф. 82, 141, 145
Хоцянов Л. К., сов. историк. 230

Чапек В. Н., сов. демограф. 82, 141, 145
Чернова Е. П., сов. экономист, чл.-кор. АН КиргССР. 18, 19
Чернышевский Н. Г. (1828—1889), рус. революционер-демократ. 163
Чёрная Л., сов. публицист. 152
Чулков М. Д. (1743—1792), рус. писатель, экономист. 193

Шаталина Е. П., сов. историк. 234
Шевалье Л., фр. историк. сер. XX в. 6, 209
Шевченко Ю. Г., сов. биолог. 33
Шелестов Д. К., сов. историк. 10, 21, 64,194
Шепукова Н. М., сов. историк. 228, 229
Шлёцер А.-Л. (1735—1809), нем. статистик-государствовед. 194
Шлиман Г. (1822—1890), нем. археолог. 195
Шпилевский М. М., рус. историк 2-й пол. XIX в. 162
Шунков В. И. (1900—1967), сов. историк, чл.-кор. АН СССР. 227
Шапов А. П. (1831—1876), рус. историк. 160

Эверсли Д., англ. экономист. 7, 57, 211, 212
Эйлер Л. (1707—1783), швейц. математик, акад. Петерб. АН. 62
Энгель Э., нем. статистик сер. XIX в. 58, 59
Энгельгардт В. А. (1894—1980), сов. биохимик, акад. АН СССР. 29
Энгельс Ф. (1820—1895). 22, 24, 29—31, 33, 35—37, 39, 53, 71, 85—87, 96, 101, 102, 112, 113, 128, 132, 134, 135, 138, 143, 157
Эльстер Л., нем. историк 2-й пол. XIX в. 202

Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), рим. диктатор (с 49). 133, 191, 192, 198
Южаков С. Н. (1849—1910), рус. публицист. 45
Юм Д. (1711—1776), англ. философ. 191, 192

Яблонский Л. Т., сов. историк. 236
Ягельский А., польск. экономгеограф. 41
Яновский А. Е., рус. публицист конца XIX в. 60
Ястребицкая А. Л., сов. историк. 109
Янсон Ю. Э. (1835—1893), рус. статистик. 60
Яцунский В. К. (1893—1966), сов. историк. 8, 86, 105, 110, 162, 218, 227, 228

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. На стыке наук 3

Глава 1. Народонаселение в его истории 16

1. О категории «народонаселение» 16
2. Изучение народонаселения и историческая наука . . . 42

Глава 2. Демография и история 55

1. Рубежи демографической науки 55
2. Историческая демография: объект изучения 84
3. Историческая демография: предметная область и хронология 92

Глава 3. Проблемы всеобщей демографической истории . . 107

1. Об историко-демографическом источниковедении . . . 107
2. Динамика численности мирового населения. Периодизация его истории 115
3. Основные этапы демографического развития 127

Глава 4. К истории народонаселения СССР 154

1. Некоторые вопросы отечественной демографической истории до 1917 года 154
2. В новых исторических условиях 166

Глава 5. Историография 186

1. У истоков изучения демографической истории 186
2. Современная буржуазная историческая демография . . 206
3. Изучение истории народонаселения в советской науке 223

Заключение. Историческая демография и современность . . 247

Библиография 252

Список иллюстраций 280

Именной указатель 282

Учебное издание

Дмитрий Кузьмич Шелестов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Заведующая редакцией *Т. Г. Липкина.* Редактор *А. С. Янкова.* Младшие редакторы *С. А. Бугаенко, О. Т. Ускова.* Художественный редактор *Т. А. Коленкова.* Художник *А. С. Александров.* Технический редактор *Е. И. Герасимова.* Корректор *М. М. Сапожникова*

ИБ № 6126

Изд. № Ист.-426. Сдано в набор 19.01.87. Подп. в печать 02.06.87. А-03433. Формат 84×108 1/32. Бум. книжно-журн. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 15,12 усл. печ. л. +0,21 усл. печ. л. форзаца 15,53 усл. кр.-отт. 17,31 уч.-изд. л.+0,33 уч.-изд. л. форзаца. Тираж 9000 экз. Зак. № 908 Цена 90 коп.
Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.